

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Тэмми Блэквелл

Связанные судьбой

Автор: Тэмми Блэквелл

Книга: «Связанные судьбой»

Серия: «Серые волки»

Оригинальное название: *Destiny Binds (Timber Wolves Trilogy, #1) by Tammy Blackwell, 2010*

Перевод: Ксюшка В

Редактирование: Алина Ямицки

Бета-вычитка: Инна Тихонцева

Русификация обложки: Ксюшка В

Переведено для группы: http://vk.com/dream_real_te

Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО

Аннотация

Скаут Донован — девушка, которая верит в правила, логику и вечную любовь к Чарли Хэйгану. Алекс Коул верит в судьбу, магию и Скаут. Когда Алекс знакомит Скаут с миром Обратней — мужчин, умеющих превращаться в волков или койотов в полнолуние, и Провидцев — женщин, способных по одному прикосновению увидеть все самые сокровенные мысли и эмоции, — это знание меняет все, во что Скаут верила всю свою жизнь.

ГЛАВА 1

Джон Дэвис пах пластилином. В начальной школе это не было такой большой проблемой. Я имею в виду, мы все-таки были детьми, и пластилин занимал довольно высокое место в списке самых клевых вещей. Но в жизни каждого парня должен быть такой момент, когда он перестает пахнуть детскими поделками и приобретает более мужественный аромат вроде запаха костра или пола в качалке.

Я больше часа бродила вверх и вниз по людной улице, пытаясь избавиться от Джона и его назойливого запаха, но он был слишком непонятливым, чтобы это заметить. Он пошел за мной к мусорным бакам, стоял в очереди, пока я заказывала второй корн-дог¹, и даже ждал рядом с женским туалетом.

— Все еще не верится, что мы учимся последний год! Знаешь, мне кажется, будто мы ждали этого года всю нашу жизнь. — Он прервался, поправляя свою кепку с логотипом NASCAR², и провел пальцами по волосам. Я отвлеклась, когда он начал мямлить что-то о планах на будущее после выпускного. Я уже было захотела заставить его замолчать, воткнув в него острый конец палочки от корн-дога, но вокруг было слишком много свидетелей. Конечно, они все были заняты охами и вздохами, слушая речь Джэйса Донована о том, как он *в одиночку побил лучшего защитника из NCAA*³, поэтому они вряд ли заметили бы меня. Но крики и кровь все-таки могли привлечь их внимание.

Я очень старалась не завидовать Джэйсу, развлекавшему толпу, в то время как я оказалась в компании единственного неудачника в радиусе пяти миль. Хотя я знала, что этим все и закончится, когда он предложил посетить Стрип — длинный отрезок шоссе, ставший любимым местом летнего отдыха у жителей Западного Кентукки. Ларьки и достопримечательности были заполнены толпами туристов и местных, которые тут же окружили Джэйса, стоило нам выйти из машины. А я осталась стоять рядом с Джоном, чья неспособность осознать, что мы никогда не были друзьями, поражала воображение.

Я пыталась отвлечься, представляя, как путешествую по Европе с одним лишь рюкзаком и безлимитной кредиткой, когда Джон ткнул в меня локтем и вернул в реальность.

— Ты их знаешь? — спросил он, кивая в сторону двух парней, сидевших около солярия и салона красоты Линды. Очевидно, они были братьями — оба с волосами цвета ореха и аристократично сложенные. Тот, который выглядел помладше, полулежал, держа книжку на колене. Я наклонила голову, пытаясь разобрать название, но не смогла, так как стояла слишком далеко. Я подумывала о том, чтобы подойти поближе и спросить. Легкая улыбка на его лице показывала, что он не против, чтобы его прервали.

Напротив, второй брат мог сойти за пожирателя детей. Дело было не только в его размерах, сама его манера сидеть показывала, что он готов наброситься на любого, кто подошел бы слишком близко. Он недобро смотрел на всех вокруг в целом и на меня в частности.

Говорят, человек ко всему может привыкнуть. Может, однажды я привыкну к людям, которые на меня пялятся. Мама говорит, что это все из-за моей «уникальной красоты». Само собой, все матери говорят такие вещи.

Дело в том, что по отдельности мои внешние особенности выглядят совершенно нормально. Волосы настолько светлые, что почти серебристые? Весьма неплохо. Слегка

бледная мраморная кожа, сверкающая на солнце? Привлекает внимание всяких готов и любителей викторианского стиля, но в целом не такой уж и недостаток. Глаза, настолько голубые, что кажутся прозрачным льдом? На ком-то другом все это смотрелось бы нормально. Но не в моем случае, когда все эти монохромные черты слеплены вместе. Я была каким-то фриком, и мой низкий социальный статус вместе с постоянными удивленными взглядами окружающих это подтверждали.

В зависимости от настроения, я относилась к этим взглядам по-разному — либо игнорировала, либо пялилась в ответ, зная, что людей это нервирует. Благодаря Джону, я уже была достаточно раздражена, и мой взгляд вполне мог заставить любого вздрогнуть. Я посмотрела на здорового парня и стала ждать реакции.

Он даже не моргнул.

Я даже не поняла, насколько напряглась, пока кто-то не взял меня за плечо. Не задумываясь, ответила на внезапное вторжение в свое личное пространство. К счастью, Джэйс заблокировал мой хук справа. Внутри меня все сжалось от вида своего кулака в его руке. Неужели я только что попыталась врезать своему брату? Что со мной не так-то?

— Так ты хочешь мороженку или нет? — Брат говорил медленно, словно я была умственно отсталой. За его спиной раздались сдавленные смешки.

Я уже успела съесть два корн-дога и луковые кольца, но все равно согласилась на десерт, чтобы остаться рядом с Джэйсом и отойти подальше от парня со скамейки. Сначала планировала остаться с группой, но, потратив несколько минут за наблюдениями, как Элли Дэвис, слегка шлюховатая сестра Джона, вешается на моего брата, решила рискнуть и побыть в одиночестве. После того как принесли еду, я смогла тихо ускользнуть и пошла к озеру.

— Что там произошло? — спросил Джэйс, как только мы отошли достаточно далеко. Я не знала, что брат пошел со мной, но была рада, что это так. Хотя он мог бы и не нависать надо мной с таким озабоченным видом, что пытался делать с того самого момента.

— Я не собиралась тебя бить. Просто ты так подкрался...

— Я окликнул тебя раз пять. Ты точно была в каком-то трансе. — Он выскочил вперед, преградив мне путь. — Тебя что-то беспокоит?

— Просто какой-то парень, который не знает, что пялиться на людей не хорошо.

Джэйс напряженно сжал челюсти.

— Успокойся. Ничего страшного не произошло.

Я увидела отличный плоский камень в тени и направилась туда.

На озере было гораздо меньше народу, чем в близлежащих магазинах и кафе. Пара семей плескалась в воде, но большинство предпочитали общественный бассейн, так как на его поверхности не плавает зеленая тина, и, *возможно*, нет отходов ближайшей фабрики. Почти весь берег был в нашем распоряжении, и меня это вполне устраивало.

Хоть я и убедила Джэйса, что все нормально, инцидент с парнем, не умеющим моргать, меня потряс.

За годы я повидала много придурков, неудачников и хулиганов, но никто из них не задел меня так, как он. Он ничего мне не сделал, всего лишь смотрел чуть дольше, чем положено, но, несмотря на это, я уже боялась его до дрожи.

Я бы чокнулась, пытаюсь убедить себя, что он никакой не маньяк-насильник, но, к счастью, брат был рядом, чтобы отвлечь меня.

— Я пройду по магазинам и куплю... — сказала я, пока Джэйс доедал мой банановый

десерт. — И куплю антиматерию, банку с пастилой, виалу с цианидом, генно-модифицированную золотую рыбку, детскую плитку, еловые ветки, живописного воробья, запасную почку, иранский ковер, колесо от тележки уборщика, ленивца, и... медный топор.

— Медный топор?

Я самодовольно увернулась. Мама научила нас этой игре в алфавит, чтобы мы не скучали в долгих поездках, но с годами она превратилась в соревнование «Кто придумает самую дурацкую вещь».

— Ладно, тогда я пройду по магазинам и куплю антиматерию, банку с пастилой, виалу с цианидом, генно-модифицированную золотую рыбку, детскую плитку, еловые ветки, живописного воробья, запасную почку, иранский ковер, колесо от тележки уборщика, ленивца, медный топор, чтобы рубить врагов, и... — Он про себя перебрал алфавит. — Н. Непристойные фотографии Бэтти Уайт⁴. — Стало очевидно, кто победил в этом раунде.

— Фу, отвратительно.

Он прижал руку к груди и закрыл глаза, словно пытаюсь сдержать слезы.

— Как ты можешь говорить так о Бэтти? Она прекрасная женщина.

Брат еще долго болтал о непристойных старушках, но я не слушала.

Парень со скамейки — большой и страшный — прислонился к дереву, примерно в 25 ярдах от нас.

— Прием, прием, это Земля. Ты меня слышишь?

— А? Что?

Джэйс стоял прямо передо мной, и я была не уверена, когда он успел.

— Ты в порядке?

— Он вернулся, — сказала я, почему-то шепотом.

— Кто?

— Тот парень, который пялится. — Я кивнула в сторону деревьев.

Судя по тому, как он сказал:

— Сейчас вернусь. — Я поняла, что мне лучше стоять на месте. И очень хорошо подумала, прежде чем последовать за ним.

— Я знаю правила, — услышала я, когда подошла. — Это наша территория. Или дерись со мной, или сваливай.

Он чокнулся? Этот парень похож на зеленого добродушного великана, только гораздо менее зеленый и добродушный. Судя по всему, он мог отжать фургон от груди. Джэйса порвут на тысячу маленьких поросят.

— Я не уйду.

Джэйс поднялся на цыпочки во весь рост, и это было не настолько впечатляюще, как он хотел бы.

— Тогда потанцуем.

— Клянусь Аидом, ты с ума сошел?! — сказала я, вставая рядом с братом. — Ты что, сегодня утром с кровати упал головой вниз?

Джэйс даже не посмотрел на меня.

— Отойди, Скаут. Это тебя не касается

— Без тебя не уйду.

— Думаю, тебе лучше уйти, Скаут.

Я пожалела, что посмотрела вверх, когда он назвал мое имя. Его глаза были странного серого цвета, никаких других оттенков.

— Нет, спасибо.

Он подошел ближе ко мне, и кто-то издал робкий всхлипывающий звук. Как ни странно, мне показалось, что это Джэйс, а не я. Другой парень стоял в полуметре от меня, и мне пришлось задрать голову, чтобы заглянуть в его глаза стального цвета. При такой близости у меня от страха волосы на руках встали дыбом.

Он подошел так близко, что я ощутила его теплое дыхание на своей шее. Думала, он прошепчет мне что-то на ухо, но вместо этого глубоко дважды вдохнул через нос.

Меня раньше еще никто не *нюхал*.

— Что она такое?

Вопрос был адресован Джэйсу, но я решила ответить сама:

— Она очень оскорблена, и поэтому быстро становится очень злая!

— Не втягивай в это мою сестру, — сказал Джэйс, будто говорил с парнем, который отнимал его карманные деньги.

Наш новый друг с любопытством смотрел то на меня, то на брата.

— А они про нее знают?

Джэйс промолчал, но это, похоже, сошло за ответ. Парень наконец отошел от меня.

— Я остаюсь, — сказал он Джэйсу тихим командным тоном. — Посоветовал бы твоим людям не мешать мне. Я убереу любого, кто встанет у меня на пути. — Он зыркнул на меня. — Даже ее.

Когда он отошел достаточно далеко, Джэйс наехал на меня:

— Вот почему тебе надо было в это влезть? Что мне теперь прикажешь делать?

Он выкрикнул несколько ругательств и пнул дерево с такой силой, что чуть не сломал его или свой палец.

— Кто это был? Что происходит? — Мой гнев был так же силен, если не сильнее, чем его. — Ты что, серьезно собрался драться с этим парнем?! Он же раза в три больше тебя!

— Не настолько он и большой.

— Это было бы так же, как если бы Скала⁵ дрался с Сетом Грином⁶! Скажи мне, кто он!

— Я не знаю.

Лжец.

Мы долго смотрели друг на друга. Наконец, Джэйс отошел, чтобы позвонить. Я дождалась, пока он закончит, прежде чем снова напасть:

— Ты что, в банде?

Это было самое логичное объяснение. Из его разговора я слышала достаточно, чтобы понять, что он звонил Тоби, полицейскому. Заставить своего глупого кузена проникнуть в банду было похоже на идиотские планы, которые приходили в голову Тоби.

— Это что, по-твоему, Чикаго? — Джэйс кивнул в сторону городка. — Думаешь, тут бывают перестрелки на улицах и разборки?

— Я думаю, произошло что-то странное! Ты что-то говорил про территорию, Жан-Клод Ван Псих меня обнюхал, а ты побежал плакаться Тоби! Твой дурацкий кузен что-то придумал!

— Можешь забыть об этом?

— Вряд ли.

Джэйс застонал.

— Прощу тебя, Скаут. Хотя бы в этот раз.

— Можешь обещать, что тебе никто не навредит?

— Не волнуйся. — Он изобразил гордый и крутой вид (ну, или ему так казалось). — Я шикарен на все сто, и никто меня и пальцем тронуть не сможет!

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда забыли, — сказала я, уже строя планы, как узнать всю правду.

ГЛАВА 2

До начала нового учебного года оставалось всего пять дней, когда мисс Нортингтон уволилась из школы Лэйк Каунти. Кажется, она встретила какого-то финна на борту круизного лайнера, безумно влюбилась в него и переехала на другой конец планеты. Об этом мне сообщили. Но никто не посчитал нужным уведомить меня, что дряхлый мистер Бек решил вернуться, чтобы заменить ее. Если бы я знала, то поменяла бы свое расписание. Высшая математика и так не самый легкий предмет, а уж когда его преподает престарелый помощник Сатаны...

Одним из недостатков мистера Бека было твердое убеждение в том, что даже в старшей школе ученики должны сидеть по алфавиту, поэтому я была обречена сесть прямо за ароматным Джоном Дэвисом. Я знала, что тайна этого запаха вкупе с усыпляющим голосом мистера Бека не дадут мне сосредоточиться на предмете.

— Скаут, ты понимаешь хоть что-нибудь из того, что объясняет мистер Бек? — раздался нервный шепот слева от меня.

— Сегодня только первый день. Он говорит о дисциплине в классе и все такое, — ответила я настолько тихо, насколько это возможно. Мелкая девчонка рядом со мной тревожно грызла свои уже почти не существующие ногти и качала ногой под партой со скоростью около миллиона миль в час. Джой Фитцджеральд была милой, но могла и тибетского монаха довести до белого каления.

— Зачем я вообще записалась на алгебру?! Я же не потяну!

— Ты записалась, потому что набрала 98 баллов из 100 на тесте. Все ты потянешь, успокойся!

Тень упала на мою парту.

— Харпер, ты так оживленно беседуешь, не хочешь рассказать всему классу?

— Я — Скаут! — огрызнулась я, услышав свое имя. Затем до меня дошло, на кого я огрызнулась. — Я имею в виду, это мое имя. Скаут. Зовите меня Скаут. Пожалуйста.

— Кажется, мы уже достаточно взрослые люди, чтобы обходиться без прозвищ в классе, — презрительно усмехнулся мистер Бек, и это не добавило ему очарования. И вряд ли что-то могло помочь ему в этом, кроме, возможно парика и одежды, купленной позже 1978 года.

— Т-тогда зовите меня мисс Донован.

— Очень хорошо, *мисс Донован*. Теперь, когда вы и *мисс Фитцджеральд* закончили свою беседу, мы можем вернуться к разговору о том, как я буду оценивать вас в этом году.

Мистер Бек развернулся и продолжил свою речь о строгости оценивания и крайних сроках сдачи работ.

Я посмотрела вперед, ожидая, когда пройдет мое чувство стыда и сердце перестанет биться так часто. Ну что я за неудачница? Дрожу как лист из-за одной неловкой ситуации с противным учителем.

Тогда я заметила пару знакомых серых глаз, смотрящих прямо на меня. И так испугалась, что не сразу поняла, что это не то лицо, которое я усиленно искала в интернете последние три дня. Нос и форма челюсти были точно такими же, но на этом лице не было той злобы и гнева.

Младший брат «Жан-Клода».

Лэйк Каунти — не самая большая школа. Выпускные классы насчитывают «каких-то»

сто сорок три человека. Когда появляется кто-то новый, все замечают. Я слышала разговоры о новеньком с самого утра. Эшли Джонсон что-то несла про «вкусненького новенького», приехавшего из Монтаны. Она провела первую половину урока, планируя их свадьбу. А теперь будущий мистер Эшли Джонсон развернулся, облокотившись на парту Джона Дэвиса, и смотрел на меня.

Я быстро решила, что мне совсем не нужен еще один конфликт, и позволила смущению завладеть мной. Я опустила глаза, и мое лицо окрасилось в цвет свежих помидоров.

До конца урока я просидела, уткнувшись глазами в стол. Пыталась записать что-то из лекции мистера Бека, но все сводилось к тому, что он был козлом, а предмет — невероятно трудным. Уверена, что запомню это и без записей.

Когда звонок наконец прозвенел, я резко собралась, планируя быстрый побег, но вместо этого врезалась прямо в грудь новенького.

— Прости, — промямлила я, пытаюсь его обойти, но новенький не поступил как нормальный человек и продолжил стоять прямо передо мной. — Прошу прощения, — прошипела я сквозь сжатые зубы.

Он, наконец, отошел, открыв мне путь к двери, и школьный коридор предоставил блаженную анонимность.

***

Я облегченно выдохнула, погрузившись в кресло в обветшалом школьном театре рядом со своей лучшей подругой Талли Мэттьюс. Сидения были старыми и грязными, плотный красный бархат выцвел и стал ржаво-оранжевым, в зале не хватало половины лампочек, и в воздухе висела густая пыль. Несмотря на разруху в театре, я с нетерпением ждала занятий, посвященных Шекспиру, которые собирались здесь проводить.

— Как прошел твой последний первый день в школе? — спросила Талли без капли иронии в голосе.

— Это был жуткий отстой. Джэйс занимал ванну все утро. Затем он настоял на том, чтобы мы подвезли Никки Андерсон, и мы ждали пятнадцать минут, пока она наштукатурит себе лицо. И, конечно, Джэйс выгнал меня на заднее сидение, чтобы всю дорогу пялиться на ее неестественно упругие сиськи. Эшли Джонсон в моем классе по английскому, а мистер Бек — полный урод и не хочет называть меня Скаут. И помнишь, я рассказывала тебе о том высоком, мрачном и чокнутом парне со Стрипа? Новенький — его брат.

— У нас новенький? — Талли никогда не интересовалась школьными сплетнями. — Как его зовут?

— Его фамилия — Коул. Имя не помню. Что-то банальное на букву А. Алан, Адам?

— Алекс, — раздался у меня за спиной незнакомый мужской голос. Я обернулась и увидела новенького, которого, походу, звали Алекс, сидящего на заднем ряду. Блин. Как долго он там сидит?

— Мне называть тебя Скаут или мисс Донован? — спросил он с усмешкой.

Я рассердилась.

— Скаут вполне сойдет.

— Я — Талли, — влезла моя лучшая подружка, протягивая Алексу руку. Что она делает? Хочет заключить с ним банковский договор или еще какую-то подобную взрослую глупость?

К счастью, Алекс не посчитал, что Талли нарушает некое неписаное школьное правило, и тоже протянул ей руку.

— Рад познакомиться, Талли. Клевое имя. Не банальное.

Взгляд его серых глаз периодически перескакивал на меня. Широкая улыбка обнажила идеально ровные зубы и пару самых настоящих ямочек на щеках.

— Спасибо, — ответила Талли, стараясь улыбаться так же широко. — У моей мамы начались схватки в ресторане О’Талли. Это все, что она смогла придумать, когда отходила от наркоза.

— Класс. А как ты стала Скаут? Продала больше всех печенья?

Очевидно, он был очень доволен своей попыткой сумничать. Я не могла не заметить, что его взгляд все еще был прикован к моему лицу.

— Это потому, что меня зовут Харпер Ли, — процедила я настолько противным голосом, насколько смогла.

— И поэтому люди называют тебя Скаут?

Я позволила самодовольной улыбке расползтись по своему лицу. Мне нравились такие моменты с тех самых пор, как нас заставили прочесть «Убить пересмешника» в младших классах.

— А почему не Страшилой? — спросил Алекс, сбив с меня всю спесь.

Мерзавец.

Я совсем пала духом, когда увидела последнюю группу учеников, продвигавшихся к сцене. Эшли Джонсон, практически прыгая, добралась до сидения рядом с Алексом.

— Привет, а ты, наверное, новенький? — протараторила Эшли, делая вид, что совсем не знает, кто он такой. Зная о ее наклонностях преследователя, можно было бы предположить, что ей уже известно, какого размера обручальное кольцо ему нужно. — Меня зовут Эшли.

Алекс наконец-то перестал смотреть на меня и сосредоточился на блондинистой кукле Барби рядом с собой. Я заметила, как он оценивает ее взглядом, начиная с копны крашенных волос и заканчивая дизайнерскими десятисантиметровыми каблуками. И, похоже, то, что он видел, ему нравилось.

— Ну, Эшли, приятно познакомиться. Меня зовут Алекс Коул.

Я отвернулась, чтобы не видеть, как груди Эшли пытаются выскочить из узенького топа, в который она их запихнула, пока она, наклонившись, разговаривает с Алексом. К несчастью, я все еще слышала ее голос.

— Ух ты, у тебя, типа, такой прикольный акцент, Алекс! Ты откуда приехал?

Эшли всегда отличалась южным говором, но в этот раз она совсем не пыталась этого скрыть.

— Я только что переехал из Монтаны, — ответил Алекс, тоже налегая на акцент так, что его голос звучал как у солиста «The Barenaked Ladies»⁷.

— Как вообще кто-то из Монтаны может оказаться здесь, в Тимбере, Кентукки?

На самом деле, мне это тоже было интересно. Тимбер — совсем не процветающий мегаполис. Большую часть графства занимает Страна Озер — национальный парк, в котором хоть и можно хорошо провести время, но отсутствуют такие блага цивилизации, как супермаркеты и кинотеатры.

Иногда кто-то устает от городской жизни и переезжает сюда из Нашвилла⁸, но в целом

большинство семей живут здесь с самого начала времен. Я вообще никогда не встречала никого из Монтаны, пока три дня назад не произошел тот инцидент.

Я не знала, говорил ли он серьезно или снова пытался острить, но в тишине, повисшей после того, как он ответил «Где машина сломалась, там и осел», поняла, что Эшли явно ожидала услышать не это.

Мисс Райдер не позволила Эшли вытянуть больше информации из своего будущего жениха, выскочив на сцену, и тем самым спасла мои уши от кровотечения. Вид еще сверкающих электрическим синим светом ног, одетых в красные ковбойские сапоги, поразил нас едва ли не больше, чем ее художественное чтение «Ричарда Третьего»⁹.

Следующий час пролетел как во сне, пока мисс Райдер с энтузиазмом рассказывала о содержании будущих занятий.

Группа была маленькой, всего около дюжины человек, и местная актерская гильдия даже собиралась оплатить несколько внеклассных поездок на различные выступления. Мне было так интересно, что к концу урока я почти забыла про Алекса.

— А новенький-то симпатяжка? — сказала Талли, сидя в одной из ярко раскрашенных кабинок в столовой.

Она грызла морковку — это была ее очередная попытка сесть на диету, но про себя я подумала, что подруга примется за картошку фри еще до того, как вернется домой после занятий.

— С каких пор ты используешь такие слова как «симпатяжка»?

— Не меняй тему.

— Какую тему?

— Про саму привлекательность, имя которой Алекс Коул. Только не говори, что не заметила.

Конечно, я заметила. У меня оба глаза на месте, и естественная тяга к противоположному полу тоже никуда не делась.

— Он один из красавчиков. Боже помоги нам всем.

Талли посмотрела на меня, как мне показалось, взглядом, который как бы говорил «Во имя Аида, почему я вообще с тобой разговариваю?»

— Не смотри на меня так. Знаешь ведь, что ты тут единственная симпатичная девушка, которая при этом не пустышка.

Талли давно перестала спорить со мной на предмет собственной красоты. Я упрямо стояла на своем. Ее глаза глубокого синего цвета очень подходят к ее сверкающим густым черным волосам, которые прекрасно выглядят, даже когда она нечесаная. Ее кожа такая же бледная, как у меня, но она гораздо лучше переносит солнце. Так как стояла середина августа, по ее носу были разбросаны самые очаровательные веснушки, которые только могут быть у человека. Все это, плюс то, что она была самой доброй и веселой из всех, кого я знала, делали ее очень привлекательной девушкой. Печально, что люди больше думали о том, что она весит больше ста кило, чтобы это замечать.

— Что насчет Джэйса? — спросила Талли, смотря мне через плечо.

— Что насчет него?

— Ты не считаешь меня симпатичным? — спросил мой брат, усаживаясь рядом со мной.

— Конечно, считаю. — Ну, как бы это ни звучало, в целом это так. — Но ты точно пустышка.

Что правда лишь отчасти.

— Ты так говоришь только потому, что знаешь: я понятия не имею, что это значит.

— Это значит: хватит жрать мои чипсы!

Я вырвала полупустой пакет из его рук.

— Что ты здесь делаешь, Джэйс? Разве ты не должен быть на уроке?

— Неа, у меня обед.

Талли замерла с морковкой во рту.

— Быть не может! Как такое случилось?!

— А разве не очевидно? Я и Скаут теперь взрослые ответственные люди. Само собой, администрация школы обратила на это внимание.

После одного случая в третьем классе в школе нас старались держать подальше друг от друга. Мы всегда занимались в разных классах и не могли вступать в одни и те же клубы. Это не было проблемой в старшей школе. Джэйс больше интересовался спортом, а меня притягивали гуманитарные науки. Но я знала: завуч, который по странному стечению обстоятельств приходится нам отцом, все еще пытался разделить нас. Видимо, кто-то стал невнимательным.

— Ты? Я? Обедаем вместе? Как-то это странно.

— Странно? — Джэйс посмотрел на меня непонимающим взглядом. — Да, это будет здорово.

Все знают, как работает школьная иерархия. Крутой, но добродушный звезда спортивных клубов должен встречаться с самыми красивыми девчонками. Ходить на вечеринки и обедать вместе с остальной элитой, а не со своей неуклюжей сестрой.

— Разве тебе не нужно проводить время с Тупым, Еще Тупее и Совсем Кретином? — спросила я, кивая на стол в центре столовой, где сидели партнеры Джэйса по команде — Тайлер Буркин, Сэт Робертс и Джордан Дэниэлс, окруженные стайками чирлидерш и периодически бросающиеся картошкой в голову Джеймса Киплингера.

— Да, но я этих ребят постоянно вижу.

— Ты живешь со мной в одном доме. Наши спальни в метре друг от друга.

— Ты пытаешься сказать, что не хочешь обедать со мной, Скаут?

— Конечно она хочет обедать с тобой, — сказала Талли. — Она просто боится, что ей придется разговаривать с кем-то, кроме нас двоих.

Это было не совсем справедливо. Не моя вина, что я не так общительна, как они.

— Знаешь, они не так уж и плохи, если узнать их получше, — сказал Джэйс, наблюдая за Джорданом, сумевшим прилепить измазанную кетчупом картошку к рубашке Джеймса.

— Джордан Дэниэлс — не только полный урод, он еще и туп, как мешок с кирпичами.

— Он же больше не называет тебя Эл Альбино?

— Нет. — Не после того, как Джэйс прижал его к стене раздевалки и предложил прекратить так делать. — Но это не значит, что он внезапно поумнел. Я слышала, как он спрашивал секретаршу, куда нужно клеить марку на конверт.

— Ладно, Джордан debil, но Тайлер и Сэт вполне нормальные, и, думаю, ты могла бы подружиться с некоторыми девочками, если бы дала им шанс.

Ага, мы стали бы лучшими друзьями. Устраивали бы девичники, заплетали друг другу косы и обсуждали, какой Джордан симпатичный и накаченный.

ТЬфу ты блин.

Я уже собиралась развернуться обратно, но пара серых глаз захватила мое внимание.

Алекс Коул сидел через два стола от нас и снова пялился. Только уже не на меня. Вместо этого он смотрел на Джэйса, и выражение его лица можно было назвать убийственным. Его глаза были холодны, и было заметно, как двигается челюсть, когда он сжимает зубы.

Также я видела Эшли Джонсон, которая кудахтала, как курица, рядом с ним. На секунду я задумалась, не обсуждала ли она места, куда они поедут в медовый месяц.

— Земля вызывает Скаут, прием. — Джэйс отвлек мое внимание от столика Алекса.

— Куда это ты смотришь? — улыбнулась Талли и повернула голову. — Ага. Новенький. Стоило догадаться.

Мне показалось, что стоило упомянуть Алекса до этого.

— Что за новенький? — Джэйс посмотрел на Алекса, и с его лица пропали все эмоции. Я вспомнила тот момент, когда наша маленькая сестра решила украсить его фигурки героев из «Звездных войн» красным фломастером. Он смотрел на них с таким же пустым выражением на лице, а затем закатил самую грандиозную истерику в мире. Энджел потом плакала весь день.

— Его зовут Алекс Коул, и он только что переехал сюда из Монтаны, — сказала Талли. — Он умный, красивый, смешной и по уши влюблен в твою сестру.

— Что?! — прозвучали одновременно два голоса — мой удивленный и яростный Джэйса.

Талли вздрогнула, но не поддавалась на давление.

— Да ладно, Скаут, ты сама сказала, он смотрел на тебя еще на алгебре, вы флиртовали в театре. Я прямо вижу искры между вами.

Какого Аида она несет? Я люблю Талли. Правда. Но иногда мир, в котором она живет, не имеет ничего общего с реальностью. Джэйс так сильно сжал губы, что их стало почти не видно.

— Держись от него подальше. Я не хочу, чтобы ты с ним разговаривала. Ты поняла?

— Ты что, только что указал мне, что делать?

Джэйс сдвинул брови.

— Ты ведь понимаешь, кто он? Помнишь, что тот, другой, сказал?

— Я помню. — Забудешь о таком. — Но Алекс не настолько суров... он какой-то... безобидный.

— Мне плевать, какой он. Я обещал защитить тебя, и не смогу этого сделать, если ты будешь тереться вокруг одного из них.

Я могла бы поспорить, что и сама могу за себя постоять, но не стала. Мне и так не сильно хотелось общаться с новеньким.

— Без проблем. Он меня раздражает. Могу с ним вообще не разговаривать.

— Хорошо. Пусть так и будет. — Джэйс встал, еще раз зыркнув в направлении Алекса. — Увидимся в машине после школы, — сказал он, схватив половину моего сэндвича с индейкой.

— Это что сейчас было? — пробормотала Талли, наблюдая, как Джэйс покидает столовую.

— Я не уверена, — призналась я. — Похоже, дело в чокнутом брате Алекса. Думаю, Джэйс влип в нечто опасное. Я пыталась его расспросить, но он отмахнулся от меня.

— Что ты будешь делать?

— Подожду. Рано или поздно Джэйс мне все расскажет.

— Я про Алекса. Ты будешь держаться от него подальше?

— Не думаю, что это такая уж проблема.

Талли посмотрела на столик Алекса, где он о чем-то разговаривал с Эшли. Скорее всего, они обсуждали имена детей. Я вздрогнула, представив себе толпу маленьких Эшли.

— Мне кажется, это будет сложнее, чем ты думаешь.

— Глупостей не говори, это будет легкотня.

И это была легкотня. Я смогла избегать любых контактов с Алексом Коулом целых два часа.

***

— А вот и ты, Скаут. — Миссис Соул встретила меня в дверях класса журналистики. — Редакторский состав вон там, в уголке.

Я вернулась к столу, где меня ждали Джой Фитцджеральд и Мэг Джеймсон. Потом глубоко вздохнула, увидев, что единственное свободное место находится рядом с Алексом.

Блин.

— Мы все время где-то сталкиваемся, — сказал он, пока я размышляла, не начать ли мне писать спортивную колонку.

— Ага. Похоже, карма сталкивает нас вместе. Наверное, я заслужила это за страшные грехи в прошлой жизни.

— А может, это награда за добрые дела.

Обычно серые глаза выглядят глубокими и темными, но его будто светились.

Я решила, что лучше промолчать.

К несчастью, он не воспринял это как знак к окончанию беседы.

— Я хотел пообедать с тобой, но твой парень меня опередил.

— Кто? Мой кто? — Упоминание парня смутило меня. — Ты про Джэйса?

Джой, внимательно слушавшая наш разговор, была еще более удивлена, чем Талли.

— Ты обедала с Джэйсом?! Но я думала, существует негласный королевский указ, по которому близнецы Донован не должны подходить друг к другу ближе, чем на сто метров, пока находятся в школе. С тех самых пор как произошел случай с мисс Таббс!

Ну, блин. Ну, довели мы одну учительницу до нервного срыва в начальной школе. Зачем прошлое ворошить?

— Близнецы?

— Джэйс мой брат.

— Нет, не брат, — сказал Алекс, совершенно уверенным тоном.

Я уже собиралась сказать Алексу, что думаю о нем и о его предположениях, но Джой решила помочь.

— Мы просто зовем их близнецами. Мама Джэйса вышла за отца Скаут, когда они были маленькими. Они совсем не похожи, и Джэйс на несколько месяцев старше, но они ведут себя, как близнецы.

— Ровно на пять недель, — поправила я автоматически.

— Это довольно значительная разница, Скаут, — сказала Мэг.

Посмотрев эпизод «Закона и Порядка»¹⁰ в пятом классе, она твердо решила, что хочет стать только юристом. С тех пор Мэг разговаривала только так. Я пыталась представить, как она использует слова вроде «симпатяжка» или «вкусненький новенький», но мое воображение не настолько сильно.

— А у тебя есть братья или сестры, Алекс? — спросила она, быстро уводя тему разговора подальше от Джэйса, которого страстно не могла терпеть с тех пор, как он стал очень популярен в прошлом году.

В конце концов, я узнала, что брата Алекса зовут Лиам и он является опекуном Алекса («Он старше на два года, десять месяцев и четыре дня» — сказал он мне и подмигнул). Они жили в Либби, Монтана, городке в 75 милях от Канадской границы, а затем в июле переехали в Кентукки. Алекс ничего не сказал о привычке брата пугать незнакомых людей до полусмерти.

Скоро стало очевидно, что Алекс — один из тех людей, которым общение и новые знакомства даются очень легко, и он может втянуть в групповую дискуссию даже самых стеснительных.

Благодаря ему, весь класс обсуждал лучшую тактику выживания при зомби апокалипсисе, когда, наконец, прозвенел последний звонок.

Я так стремилась убедить его в полезности обладания дирижаблем, что даже не подумала, как Джэйс отреагирует, если увидит нас вместе на парковке. Это, без сомнения, была одна из самых больших моих ошибок.

ГЛАВА 3

Начало нового учебного года было грандиозным. Моим учителем математики стал Вельзевул¹¹, каждый новый предмет подразумевал ежедневную домашку и, вдобавок мой спокойный размеренный мир полностью разрушен новеньким. Я настолько глубоко погрузилась в раздумья, что не заметила в своей кровати парня, пока практически не села на него.

Чарли Хэйган не красавец в традиционном понимании — у него слишком острые черты лица и чересчур полные губы, но, без сомнения, он довольно обаятельный. Причиной этого были скорее его личные качества, а не внешность. Хотя спортивное телосложение, пронзительные зеленые глаза и от природы светлые кудрявые волосы тоже нельзя было списывать со счетов.

Я хотела лечь рядом с ним. Хотела почувствовать его объятия, узнать, каковы на вкус его губы. Хотела признаться ему, что была тайно влюблена в него с тех пор, как мне исполнилось два. И я сделала единственную логичную вещь — врезала ему по лбу Гвидо, моей игрушечной обезьянкой.

— Ай, Скаут!

Он зевнул и потянулся, его футболка задралась, обнажая пресс.

Я серьезно задумалась, не потерять ли сознание.

— Чарли, что ты забыл в моей кровати?

— У Джэйса в спальне как-то стремно пахнет, а комната Энджел слишком розовая. А вот твоя постель меня вполне устраивает.

Ну, если он сам так решил...

Нет. Плохая Скаут. Подумай о чем-нибудь еще.

— Разве тебе не нужно собирать вещи?

Чарли — лучший друг Джэйса и его двоюродный брат со стороны отца. Он живет с остальной семьей Хэйган рядом с военной базой, но приходит к нам домой настолько часто, насколько возможно. В пятницу он собирался разбить мое сердце и переехать за три сотни миль.

— Собираться, разбираться. Потом займусь. Я хотел узнать, как прошел твой первый день в школе.

Я плюхнулась на кровать. Хоть мое сердце и начинало биться чаще рядом с Чарли, он не видел в этом ничего такого. Для него я была как сестра. Ну, или, в крайнем случае, кузина.

— Школа — отстой. Я брошу ее и стану официанткой на заправке. Сменю имя на Фло и стану платиновой блондинкой. Платиновая блондинка Фло с заправки не нуждается в образовании. Она прошла школу жизни.

Чарли протянул мне руку помощи, приобняв за плечи. Мое сердце забилося так громко, что я почти не слышала, что он говорит.

— Тебя Коза обидела? Хочешь, я надеру ей зад? Я, в общем-то, не бью девушек, но ради тебя могу сделать исключение.

Козой мы с Чарли называли Эшли Джонсон. Если приглядеться, она со своим длинным лицом, маленькими губами и раскосыми глазами действительно напоминает козу.

— Нет, — проворчала я. — Дело не в ней. Хотя целых два урока и обед в ее

присутствии совсем не подняли мне настроение.

— Тогда в чем проблема?

Я не успела ответить. Дверь в мою комнату распахнулась, и на пороге появилась совершенно стереотипная маленькая девочка: розовая юбочка, розовый топик и розовый бантик на светлых кудряшках, которые оттеняли ее круглое личико.

— Нашла его! — закричала Энджел во все горло. — Он в постели Скаут!

Наши родители считали Энджел самым прекрасным ребенком на земле. Мы же изо всех сил сдерживались, чтобы не прикончить ее.

— Почему вы вместе в кровати? — спросила Энджел, посмотрев на нас недовольным взглядом.

— Потому что в комнате больше некуда сесть, — ответила я, отказавшись оправдываться.

— Тогда почему он обнимает тебя?

— Потому что мой первый учебный день — дерьмо!

— Нельзя так говорить, это плохое слово.

— Мне семнадцать, что хочу, то и говорю.

— А я все маме расскажу.

— Тоже мне напугала. Давай-давай.

Эти перепалки с сестрой заставляли меня проявлять свои «лучшие» качества. Мы могли бы цапаться еще несколько часов, но нас прервал Джэйс. Он вошел в комнату с подносом, полным пирожных и стаканом молока.

— Молодец, Бурундук! — сказал он, передавая Энджел вкусняшку. — Иди, поешь в свою комнату.

Она было собиралась закапризничать, но что-то на лице Джэйса заставило ее послушаться. Возможно, это была засохшая кровь.

— Что с тобой случилось? — сказал Чарли, оценивая ущерб. Нос Джэйса опух, и половина лица стала пурпурной.

— Щелкал клювом в спортзале, и мне в лицо прилетел мяч.

— Хорошая версия. Достоверная. Для родителей точно сойдет, а мне расскажи, что случилось на самом деле.

— Новый парень Скаут врезал мне.

Все мое вселенское спокойствие, созданное присутствием Чарли, улетучилось.

— Он не мой парень, и ты полез первым.

Это была идеальная школьная драма. Я пыталась избавиться от Алекса, когда мы вышли из школы.

— Джэйс припарковался у спортзала, так что, наверное, увидимся позже?

Глупо было с моей стороны посчитать, что это сработает. Парень не понимал намеков.

— Моя машина тоже там стоит, — сказал он, улыбаясь своей обычной улыбкой, и пошел со мной в сторону Джэйса. Брат стоял около нашей маленькой Мазды, присосавшись к Никки Андерсон. Мы еще были на расстоянии трех машин от них, когда Джэйс оторвался от Никки.

— Ты что здесь забыл? — спросил он Алекса настолько грубо, насколько возможно.

— Иду к своей машине, — ответил Алекс, показывая на красную Тойоту в следующем ряду.

— Я имею в виду, в этой школе, в этом городе!

Сейчас мне кажется, Алекс все-таки провоцировал Джэйса. Возможно, он не так уж сильно и отличается от своего брата.

— Нам показалось, что это неплохое место, чтобы осесть. — Уголок рта Алекса слегка поднялся в ухмылке, когда он посмотрел мне в глаза. — Я и не думал, что здесь так хорошо.

Все произошло так быстро, что я не успела понять, что случилось. Джэйс замахнулся на Алекса, но не попал. Не знаю, смог ли Алекс увернуться, либо Джэйс такой косой. Но поняла, что брат был настроен серьезно, потому что, когда мое плечо случайно оказалось на пути кулака, и я улетела на асфальт, было очень больно.

Не успела я опомниться, как Тайлер Буркин и Сэт Робертс держали Алекса за руки, а с носа Джэйса капала кровь.

— Держись подальше от моей сестры! — выкрикнул Джэйс, отплевывая красные капли.

Алекс проигнорировал его, повернувшись в сторону, где я в ступоре сидела на земле.

— Скаут, ты в порядке?

— Все нормально.

У меня на плече будет синяк и руки оцарапаны, но я не могла жаловаться, когда Джэйс истекал кровью.

— Не разговаривай с ней!

Джэйс был уже готов к реваншу. Я начала беспокоиться за Алекса.

Само собой, он мог постоять за себя, но Джэйс довольно сильный. И в тот момент был очень злым. И рядом находились его друзья.

— Иди домой, Алекс, — сказала я, поднимаясь на ноги.

— Скаут...

Мне было интересно, как он объяснит этот кулачный бой, но я не дала ему закончить мысль.

— Пожалуйста, иди домой. Ты уже достаточно сделал.

Я достала салфетки из сумки и попыталась стереть кровь с лица Джэйса.

Алекс еще раз взглянул на меня и ушел.

Мы с Джэйсом ехали домой в полной тишине.

— Это было тупо, — сказал Чарли, возвращая меня в настоящее, — ты понимаешь, что могло случиться? Что еще может случиться?

В комнате повисло молчание, пока они переглядывались. Несмотря на мое возмущение действиями брата, я почувствовала желание его защитить.

— Ничего страшного. Учителей не было рядом, и никто нашего мистера Баскетболиста не сдаст. Это никак не повлияет на его оценки или место в команде. Все нормально.

— Ну и хорошо, значит, мне не стоит беспокоиться.

Чарли не расслабился и продолжил пристально смотреть на Джэйса. Впервые меня посетила мысль, что Чарли, возможно, втянут в те же дела, что и Джэйс.

Чарли развернулся ко мне. Я почувствовала себя голой, когда он убрал руку с моего плеча.

— Так что там у тебя с этим парнем? Он тебе нравится?

Как и любой подросток, я закатила глаза.

— Конечно, нет. Что за бред. Он в школьной газете, и у нас несколько общих занятий. Мы просто разговаривали. Если честно, он грубый и высокомерный.

Чарли задумался.

— Но он к тебе подкатывает?

— Само собой, нет! — вмешался Джэйс. — О чем ты говоришь, это же Скаут. Он общается с ней только для того, чтобы подобраться ко мне!

Я дернулась, будто кто-то дал мне пощечину. Я на самом деле не думала, что нравлюсь Алексу. Парни вроде него встречались с девочками как я, чтобы выиграть глупое пари, и то такое случалось только в тупых школьных комедиях. Я знала — все эти ослепительные улыбки мне не предназначены. И меня это не волновало. Я не хотела нравиться Алексу Коулу, но слышать такие унижительные вещи от брата было больно. Очень. Я почувствовала, как подкатывают слезы.

— Скаут, он не это имел в виду.

Чарли потянулся ко мне, но жалость — последнее, что мне было нужно в тот момент.

— Вон из моей комнаты.

Я закрыла глаза, чтобы сдержать слезы.

— Прости...

— Пожалуйста, оставьте меня одну, — смогла выдавить из себя.

Чарли, как всегда, пришел на помощь.

— Давай, братан. Пошли.

Как только я справилась с брызгами из глаз, направилась в ванную, соединявшую мою комнату с комнатой Джэйса. Настроение у меня было паршивое, и меня переполняли эмоции — двойная доза успокоительного точно не помешала бы.

Я, наверное, сильно шумела, потому что вскоре раздался стук в дверь, а затем голос Чарли спросил:

— Можно войти?

Вместо ответа я повернула дверную ручку. Чарли встал в дверном проеме и выглядел слишком соблазнительно для человека, находившегося в метре от унитаза.

— Твой брат отвратительно себя чувствует

— Ну да. Не удивлюсь, если у него сломан нос.

— Не умничай, я не это имел в виду.

Я закрыла шкафчик и увидела свое отражение в зеркале. Моя бледная кожа пошла красными пятнами. Глаза опухли и светились непонятным светом, а из носа торчала сопля.

Мило.

Как я могла винить Джэйса за правду?

— Я не злюсь на него, — сказала я, высмаркиваясь. — Все нормально, ничего страшного.

Я не заметила, как Чарли прошел вглубь ванной, и потому вздрогнула, когда он обнял меня. И сразу пожалела, что я не одна из тех мелких девчонок, которые в такие минуты могут прижаться к груди парня. Вместо этого мне пришлось коснуться его лба своим.

Если подумать, это тоже весьма неплохо.

— Если хочешь знать мое мнение, Джэйс ошибается. — Дыхание Чарли пахло корицей. — Готов спорить, ты взмахнула этими длинными ресницами, засмеялась фирменным смехом Скаут — и парень растаял.

Еще одна слеза прокатилась у меня по щеке до самого подбородка. Чарли отодвинулся и вытер ее. Это было так мило, что я оказалась совсем не готова к тому, что он сказал дальше:

— Поэтому очень важно держаться от него подальше. Ему нельзя доверять. Вопрос не в

том, навредит ли он тебе. Вопрос — когда? Мы хотим, чтобы с тобой все было хорошо. Поэтому, пожалуйста, не поощряй его.

Я отошла в другой конец маленькой комнатки.

— Я не какая-то дура, которая сразу лезет к любому парню, обратившему на нее внимание...

— Скаут...

— И вы с Джэйсом не можете мне приказывать...!

— Мы не...

— И я не хочу оставаться в неведении относительно всего этого. Расскажи мне, что происходит, Чарли!

Он почесал шею.

— Не знаю, о чем ты.

— Ты знаешь. Что не так между вами и Коулами? Такое впечатление, что мы оказались посреди фильма «Изгой»¹²!

— Все сложно.

Я сложила руки и наклонила голову. Эту позу Джэйс и Чарли называли позой училки.

— Чарльз, мне кажется, за годы мы смогли выяснить, что из нас троих я самая умная. Почему бы тебе все мне не рассказать, и, может, я смогу все для тебя упростить.

Я была готова к бою. После тяжелого дня хотелось орать, ругаться и бросаться на него, изливая всю накопленную обиду, поэтому я сильно разочаровалась, когда Чарли не поддался на уловку.

— Прости, малышка. — Он выглядел виноватым, но «малышка» не дала мне склониться на его сторону. — Это не та проблема, которую можно решить уравнениями из умных книжек, которые ты так любишь.

— Не будь так уверен. В книгах есть ответы на все вопросы. Необходимо просто найти нужную. — Мое желание устроить скандал угасало, но это не значит, что я была готова сдаться. — К счастью для тебя, я прочитала много книг. Поэтому давай объясняй, в чем ботва.

— Ботва? Ты опять смотрела полнометражку «Ким Пять-с-плюсом»¹³? Ты от этого только начинаешь сильнее хотеть собственного голого землекопа¹⁴.

— Во-первых, я смотрела Баффи. Во-вторых, не честно, что папа позволяет Энджел держать эту тупую черепаху, а мне не разрешает завести Руфуса.

Чарли снова подошел и обнял меня. Сегодня он был подозрительно нежным, но мне это нравилось.

— Боже, я буду скучать по тебе, — сказал он, щелкнув меня по лбу. Мой лоб был очень счастлив. Вся остальная я поняла, что это прощание.

Да, он будет приезжать на лето и выходные. Станет писать, звонить, но я знала, что все будет совсем по-другому. Мы провели вместе 17 лет, и это первый шаг к длительной разлуке.

— Я тоже буду по тебе скучать.

А еще умру от обезвоживания, если не перестану плакать.

Через 15 минут я услышала, как Джэйс и Чарли садятся в машину и уезжают на игру в бильярд в «Ренди». Я опустила на кровать, оставшись наедине со своими мыслями и Гвидо.

ГЛАВА 4

Есть старая поговорка — утро вечера мудренее. Мне кажется, того, кто так сказал, никогда не били по лицу.

На следующий день Джэйс проснулся с двумя фингалами и картошкой вместо носа. Мама, профессиональная медсестра, которая удивительным образом купилась на историю про мяч, советовала ему сходить сделать рентген. Джэйс отказал ей гнусавым голосом, сказав, что сломанный нос добавит ему мужественности.

Я ответила, что мало кто считает Оуэна Уилсона¹⁵ сильно мужественным.

Когда мы добрались до школы, оказалось, что все говорят о «вчерашнем махаче». Насчет случившегося ходили дюжины разных слухов.

Драка произошла из-за девушки. Бейсбола. Денег. Наркоты. Однополой любви. Ну, или пираты подрались с ниндзя (этот слух пустила я. Как еще мне было отмазаться от толпы любопытных?)

Официальная версия все-таки заключалась в том, что Алекс Коул настолько растерялся в новой школе, что начал флиртовать со Скаут Донован. Некоторые были свято уверены, что это я нанесла первый удар сразу после признания в вечной любви. На уроке английского я стала свидетелем того, как Эшли Джонсон критикует эту теорию.

— Да ладно тебе, — сказала она после того, как одна из ее пластиковых подружек подняла этот вопрос. — Ты вообще его видела, Алекса Коула? Он секси! Прямо типа как Джонни Депп, такой секси. То, что он вообще заговорил со Скаут, уже поразительно! Он просто добр к ней, потому что он прямо весь такой милый и хороший! Это, знаешь, просто какая благотворительность, ну Программа Помощи Всяким Фрикам.

— А с тобой он значит занимается по Программе Помощи Всяким Шлюхам? — заговорила я с ней впервые в этом году. Называть Эшли шлюхой было как-то не по-христиански с моей стороны, но религиозность — это последнее, что я ощущала, глядя на нее.

Безликие куклы Барби вокруг нее были в шоке, но ведьма лишь сдвинула брови.

— Ты все-таки решила слезть со своего конька, Скаут, и снизошла до разговора с нами? Тогда, может, расскажешь нам, почему твой гоповатый братец приставал к лапочке-новичку?

Лапочке-новичку? Да кто так вообще разговаривает?

— Что? Ты не знала? Это же все из-за тебя! — Вся обида, которую я копила целый год, теперь содержалась в моих словах. — Алекс сказал, что ты ветреная потаскушка, которая трахается с парнями своих бывших подруг. А Джэйс пытался защитить твою честь. Ты ему очень дорога, знаешь ли.

Само собой, Эшли и была такой потаскушкой, вполне способной переспать со всеми парнями ее бывших лучших подруг, и если потребуется — в моей кровати. Джэйс, с другой стороны, был всегда готов оторвать ей руку и избить ее до полусмерти этой же рукой. Эшли знала это, хотя бы потому, что он сам ей об этом сказал.

— Какая же ты высокомерная. Почему ты считаешь себя лучше нас всех?

— Я не лучше всех, — честно ответила я. — Только лучше тебя.

Я спокойно ушла, не дожидаясь ее ответа.

Эйфория от победы над шмарой продлилась ровно 58 минут. Я пыталась сесть так,

чтобы избежать прикосновения неизвестной черной субстанции, налипшей на ножки моего стола в кабинете мистера Бека, когда почувствовала что он стоит надо мной.

— Эй, — мягко сказал Алекс. Я увидела несколько пар немигающих любопытных глаз, смотревших в нашу сторону. Джон Дэвис неуклюже развернулся на своем стуле, чтобы посмотреть.

Прекрасно. Выступление перед живой аудиторией. Я четырнадцать месяцев думала над тем, что бы ответить Эшли. Проигрывала эту сцену в голове раз за разом и просто ждала момента. Сейчас все было по-другому. Я не знала, что говорить и должна ли вообще что-то говорить.

— Чего тебе надо?

Класс был маленьким и тесным, из-за чего он стоял так близко ко мне, что казался невыносимо высоким.

— Я просто хотел извиниться.

— Ты не мне нос сломал. — Хоть у меня и был здоровенный синяк на плече, это была по большей части вина Джэйса.

— Да, но я не хочу, чтобы именно ты на меня злилась.

Как ни странно, но я не злилась на Алекса. Это не его вина, что одному брату нужна была серьезная психологическая помощь, а другой слишком сильно опекал свою сестру. Я хотела сказать ему, что ничего страшного не произошло, но вместо этого сделала то, о чем меня просили Чарли и Джэйс.

— Алекс, давай напрямую? Мы с тобой? Мы не друзья, и никогда не будем друзьями. Было бы прекрасно, если бы ты оставил меня в покое.

Похоже, я застала его врасплох. Он думал около минуты.

— Ты сама этого хочешь, или этого хочет твой брат?

— Этого хочу я, — солгала я. — А теперь будь так любезен, сядь обратно за свою парту и представь, что меня не существует, и тогда я заживу прекрасной жизнью! — Ну, или хотя бы нормальной.

— Значит, прости, что потревожил.

Он действительно сел за свою парту и игнорировал меня следующие несколько месяцев.

***

Рутина и монотонность быстро захватили нас в этом учебном году. Каждый вторник начинался с «внезапного» теста по английскому, а каждую пятницу мы делали лабораторную по химии в неработающей лаборатории. Мистер Бек каждый день давал домашних заданий минимум на два часа работы. Даже занятия в театре шли по одному шаблону — прочитать пьесу, посмотреть фильм, написать доклад.

Каждый день Джэйс обедал со мной и Талли в уголке столовой, а затем шел общаться со своими друзьями. Мы с Талли после этого обычно ускользали в библиотеку, чтобы полдня сидеть над учебниками. Нам обоим казалось, что эти продвинутые классы приносят больше вреда, чем пользы. Каждый день у меня было столько домашней работы, что я просто не находила времени замечать Алекса Коула.

Я не заметила, что он щелкал ручкой, когда действительно пытался сосредоточиться. Не заметила, что у него было всего пять футболок, и каждая из них подчеркивала спортивное

тело. Не заметила привычку облизывать губы, прежде чем что-то сказать, и не заметила, что ямочка на его левой щеке была глубже, чем на правой. И я уж точно не заметила то, что он пошел с Эшли на встречу выпускников (и меня это не волновало).

Ну ладно, может, кое-что я и заметила.

К моему раздражению, Талли тоже заметила мои замечания.

— Ты знаешь, это ведь она его пригласила, — сказала Талли, сидя с ведром попкорна на моей кровати. Была ночь встречи выпускников, поэтому мы с Талли устраивали традиционную ночевку-в-день-школьных-танцев. Обычно такие вечера с нами проводила Джой, но сегодня у нее свидание, да и не с кем попало, а с самим Джоном Дэвисом. А мы насладимся фаст-фудом и фильмами для гиков.

— Кто куда кого пригласил? — В фильме в этот момент были только маленькие хоббиты и пожилой мужчина, который почему-то казался симпатичным всем, кроме меня. Никакие девочки никуда никого не приглашали.

— Эшли позвала Алекса на встречу выпускников, — произнесла подруга, будто мы только что про него разговаривали, а не избегали этой темы последние недели. — Тинсли Хенсон сказала Молли Иствик, что она слышала, как Эшли буквально умоляла его пойти с ней.

Талли посмотрела на меня, будто ждала чего-то, а я все пыталась понять, к чему она завела этот разговор.

— Ты же знаешь, Эшли куда хочешь пролезет, чтобы своего добиться. Помнишь, как в шестом классе она неделю питалась только фасолью, чтобы отец купил ей щенка? — Я хрустнула луковыми кольцами. — В этом не было никакого смысла, но Фасолька была прикольной собакой.

— Ух ты. Ты готова вспоминать наше с Эшли прошлое, лишь бы не говорить о своих чувствах к Алексу. Вот это подавление!

Я вздрогнула.

— Нет у меня никаких чувств к Алексу, только раздражение.

— Ну, конечно нет. А то, что ты на него пялишься, когда думаешь, что никто не видит, я выдумала. И я уверена, есть какая-то другая причина, почему ты начинаешь жевать нижнюю губу, когда он подходит ближе, чем на пять метров.

Я провела языком по внутренней стороне губы, на которой осталось очень мало кожи.

Черт.

Я заскочила на кровать и прикрылась Гвидо. Верная обезьянка всегда спрячет меня от неловких ситуаций.

— Ладно, он довольно милый, умный и слегка обаятельный. Если бы Джэйс не был президентом и основателем клуба «Я ненавижу Алекса Коула», а его брат не был бы жутким психопатом, я бы, может, подумала, что совсем чуть-чуть слегка в него втюрилась.

Вместо того чтобы радоваться своей правоте, Талли села необычно прямо и замолчала. Спустя какое-то время она сказала неприятно серьезным для такой ситуации тоном:

— Джэйс не сможет долго сражаться с судьбой.

Я хотела спросить у нее, что это значит, но в тот момент на экране появился Орландо Блум, и мысли Талли покинули ее на всю оставшуюся ночь.

За последние несколько месяцев Алекс и Джэйс практически не контактировали. После того дня Алекс больше не обедал в столовой — либо чтобы не сталкиваться с Джэйсом, либо из-за странного мяса, которое там подавали.

Их пути пересеклись лишь однажды, когда мы повели Энджел в «Dairy Queen»¹⁶. Мама работала во вторую смену, а у отца было собрание, поэтому мы до самого вечера должны были оставаться с маленьким монстром. Обещаниями детского меню и мороженого нам удалось уговорить ее вести себя более-менее хорошо. Никто не предупредил нас, что в «Dairy Queen» новый сотрудник.

У меня в животе все сжалось, когда мы подходили к кассе, за которой стоял Алекс. Я начала тихо молиться, надеясь, что хотя бы в этот раз все обойдется без сцен.

— Чем могу помочь? — сказал Алекс, не отрывая взгляда от Джэйса. Даже в дурацкой форме продавца он выглядел идеально.

— Номер пять и фанту, — рявкнул Джэйс. — Скаут?

Алекс даже не посмотрел на меня, когда я делала заказ для себя и Энджел, и никак на меня не отреагировал, выдавая наш поднос. Я пыталась игнорировать легкое разочарование так же сильно, как и искорку надежды, вспыхнувшую после слов Энджел о том, что симпатичный мальчик за стойкой смотрит на меня. Раздраженный вздох Джэйса очень помог во втором случае.

В целом в эти осенние месяцы ничего не произошло. Алекс жил своей жизнью, а я — своей. Мы мирно сосуществовали.

А потом вмешалась миссис Соул.

— У меня появилась прекрасная идея! — сказала она, пытаясь уместиться на углу редакторского стола. Миссис Соул 65, и она всего полтора метра ростом, довольно круглая и обладает странной привязанностью к вязаным штанам. Ей в принципе не стоило моститься куда-либо.

— Мы напишем несколько статей, в которых авторы предложат противоположные точки зрения на какие-либо темы.

— Вроде, взвесить все за и против? — спросила я, заинтересовавшись идеей.

— Да, — ответила миссис Соул. — Но вместо двух статей я хочу, чтобы вы написали по одной, например, в формате диалога. — Она наклонила голову, будто хотела открыть какой-то большой секрет. — Я это придумала, когда читала транскрипт моего любимого подкаста¹⁷.

Она знает, что такое подкаст? Эта женщина полна сюрпризов.

— Звучит клево, — сказала я.

— Прекрасно, — ответила она. — Я хочу, чтобы вы с Алексом написали ее.

Свет в комнате на секунду стал слишком ярким, и куда-то исчез весь воздух.

Ладно, у Алекса есть какие-то писательские навыки. Пару недель назад он написал такую статью о проблемах с поддержкой научной команды, что мне даже захотелось сходить на собрание, хотя, будучи в команде, я их терпеть не могла. Понятно, почему она выбрала его, но Мэг была бы гораздо лучшим партнером, чем я — она участвовала в дебатах в том году и писала гораздо лучше.

— Я? — спросила я, стараясь не смотреть на Алекса.

— У вас весьма схожие стили и ритм, вы отлично работаетесь.

Миссис Соул весьма не грациозно соскользнула со стола.

— Мне нужна статья в тысячу слов о социальной медицине к пятнице. Сами решите, кто будет писать о положительных вещах, а кто об отрицательных.

Она ушла, оставив меня паниковать. Тысяча слов к пятнице?! Но ведь была среда!

А затем моя самая большая проблема подала голос.

— А что ты знаешь о социальной медицине?

— Эмм... ее практикуют в Канаде?

Я посмотрела и увидела, что он впервые снова улыбается мне. Ну, уголок его рта поднимался. Практически улыбка.

— Нас за что-то наказывают, так ведь?

На минуту я об этом задумалась.

— Я слышала, папа заставляет ее уйти на пенсию. Наверное, поэтому она меня невзлюбила. У меня часто возникают проблемы из-за отца.

Это было правдой. Мистер Бек терпеть меня не мог в основном из-за его отношений с отцом.

— А ты как умудрился ее разозлить?

Теперь Алекс по-настоящему улыбался.

— Я врезался в ее машину.

— Быть не может!

Он вздрогнул и опустил глаза.

— У меня не очень хорошие тормоза. Я лишь слегка поцарапал эту огромную махину, но с тех пор она косо на меня смотрит.

— Ты поцарапал Кэди! — подразнила его я. — Странно, что она тебя сразу не убила.

— Я думаю, миссис Соул больше предпочитает пытки. Если бы она меня убила, было бы некрасиво.

Лично я не думаю, что убийство — это так же некрасиво, как сказать девушке в лицо что время, проведенное с ней, пытка.

Я неохотно планировала встречу с ним после школы. Как я должна работать с человеком, который явно не хочет иметь со мной ничего общего? Я злилась на него за его прямооту, на миссис Соул за то, что поставила меня в такую ситуацию, и, главное, на себя за то, что хотела понравиться ему. Я должна была знать лучше, чем волноваться о том, нравлюсь ли я Алексу Коулу или нет. По дороге в центр города я пыталась вбить себе в голову немного здравого смысла.

Наша публичная библиотека — мое любимое место на планете. Несколько лет назад методистская церковь переехала в другое здание на окраине города, а библиотека заняла ее место в старинной готической постройке на площади. Дерево, камень и витражи создавали магическую атмосферу.

Конечно, моей маленькой сестре было наплевать на архитектуру и на то, что тошнота подступала к моему горлу.

— Может, сначала пойдем в парк, на качельки? Ну пожалуйста! — спросила она, когда мы заехали на маленькую парковку. У Джэйса после обеда были тренировки, поэтому в те дни, когда мама работала, я была нянькой.

— Прости, Бурундук, мне надо сделать домашнюю работу. Но сегодня среда, так что Эмма с тобой поиграет.

Энджел мгновенно оживилась. Эмма была племянницей библиотекаря мисс Нэнси. По понедельникам, средам и четвергам она оставалась в библиотеке, пока ее мать ходила на занятия по аэробике.

Эмма была кумиром Энджел и ходила в третий класс.

Энджел подбежала по старым каменным ступенькам к большой тяжелой двери еще до

того, как я успела забрать вещи из машины. Я поспешила за ней, чтобы не дать ей устроить там бардак.

Мисс Нэнси предпочитала, чтобы ее библиотека была такой же тихой и спокойной, как и покинувшая здание церковь.

Я заметила Алекса за столом в отделе справочной литературы, но мне пришлось потрудиться, прежде чем смогла добраться туда. Сначала я остановилась около мистера Джорджа, сварливого старика, который ненавидел все, кроме стада животных, с которыми делил двухкомнатную квартиру. Я починила его «сломанный» компьютер, снова включив монитор. Затем мисс Нэнси отдала мне гору книг, которые я просила, и заняла меня бесконечной беседой о том, как запись в ее блоге вызвала огромные дебаты о значимости Холдена Колфилда¹⁸ в жизни современного общества.

Я уже думала что освободилась, как вдруг из ниоткуда появилась рука, схватила меня за локоть и притянула к шкафу с комиксами.

— Скаут, смотри, что только что подвезли!

Рука и голос принадлежали Брюсу Паркеру, парню, которому не сильно повезло с внешностью. Он работает ассистентом в видеопрокате, чем сильно гордится. Когда он не просвещает местных о гении Гая Ричи¹⁹, его можно встретить торчащим в библиотеке. Я бы могла посчитать это жалким, если бы сама не терлась здесь гораздо чаще.

— Это новая манга? Никогда не слышала про эту серию.

Я взяла томик и пролистала. Рисовка была не сильно впечатляющей, но у Брюса обычно был хороший вкус относительно комиксов.

— Напоминает стиль Кишимото²⁰.

— Того парня, который рисует «Наруто»²¹?

— Ага. Он сейчас очень популярен в Японии. Хочешь почитать, когда я закончу?

— Нет, спасибо. Мне больше нравятся вещи вроде «Тетради смерти»²².

Я уже направилась в тот угол, где меня нетерпеливо ждал Алекс.

— Прости, что заставила ждать, — сказала я, садясь за стол.

— Да ничего. — Он словно сдерживал смех. — У тебя много фанатов, надо всем уделить внимание.

Я почувствовала, как покраснели мои щеки. Я, наверное, выглядела как Королева Ботаников, разговаривая со всеми в библиотеке, пока шла мимо.

— У Джэйса сейчас тренировка. Мы живем довольно далеко, поэтому нет смысла сто раз ездить туда-сюда.

— Нет, я сразу понял, что ты из таких девушек, которые проводят время в библиотеке. Но я удивлен тем, что ты интересуешься мангой. Это, кстати, объясняет всю драму.

— Ты меня раскрыл, — съязвила я. — Я тайная эмо. Не все могут быть солнечно-радостными, как ты.

— Ты думаешь, я солнечно-радостный? — сказал он, улыбнувшись, и продемонстрировал мои слова, осветив темную библиотеку.

— Да, а я маленькая гроздовая тучка. Так что давай займемся делом, чтобы я могла быстрее вернуться домой, переодеться в свою пижаму с «My Chemical Romance», и писать стихи маркером на руке.

— Я на шаг впереди тебя, Эми Ли.

Он передал мне несколько справочников.

— Это все, что есть в библиотеке относительно социальной медицины.

Час спустя мы просмотрели все книги, которые нашел Алекс, и несколько статей в интернете. От всей новой информации у меня болела голова.

— Боже, как скучно.

У меня уже глаза слезились от компьютера.

— Я не понимаю, почему это проблема. Зачем позволять какому-то государству решать, какие медицинские услуги ему нужны?

— Думаешь, это лучше оставить страховым компаниям?

— Нет, я думаю, это должны решать доктор и пациент.

— Можно подумать, это так работает. — Судя по его виду, Алекс собрался толкнуть речь, поэтому я сразу начала рыться в сумке.

— погоди секунду. — Я нашла то, что искала и положила на стол. — Ладно, продолжай.

Алекс с недоумением смотрел на прибор.

— Что это?

— Диктофон.

Это было очевидно.

— Зачем он тебе?

— Мама купила мне его, когда я начала заниматься школьной газетой. Она говорит, что всем журналистам нужен диктофон.

— А сейчас он нам нужен, потому что...?

— Потому что, если мы сейчас будем спорить, я позже все напечатаю, и завтра ты превратишь это в шедевральную статью. Сойдет план?

Алекс ответил, сразу нажав кнопку записи, и начал усиленно обсуждать медицинскую систему. Мы успели обсудить многое, прежде чем нас прервал рев моей младшей сестры.

Я нажала на паузу и потянулась к ней.

— Что такое, Энджел, ты поранилась?

Энджел обхватила меня руками и начала хныкать. Я посадила ее на колени и обняла. Она, конечно, вредная, но она все-таки моя маленькая сестренка, и вид ее заплаканного лица причинял мне чуть ли не физическую боль.

— Эмма сказала, что я маленькая. — Она начала рыдать у меня на плече. — Она больше не хочет со мной играть.

Никогда мне эта Эмма не нравилась.

— Кто-то подумал, что *ты* маленькая? — Алекс наклонился вперед к Энджел — Сколько тебе, восемь или девять?

Энджел посмотрела на него сквозь ширму моих волос.

— Мне шесть с половиной.

Алекс продемонстрировал актерский талант. По крайней мере, он выглядел по-настоящему удивленным.

— Шесть с половиной?! Надо же, мне ты показалась гораздо старше.

Энджел встала, убирая прилипшие волосы с лица.

— Я очень зрелая для своего возраста.

Я прикусила губу, чтобы не засмеяться. Алекс даже не моргнул.

— Это правда. Зачем тебе играть с всякими детьми. Ты должна проводить время здесь,

с нами.

Энджел вытаращила глаза на меня. Обычно она не оставалась с взрослыми ребятами, только если Талли была в особо щедром настроении. Я никогда не видела у нее взгляда, настолько полного надежды.

— Да, нам нужна твоя помощь, — сказала я, вытирая последние слезы. — Сможешь поддержать диктофон, пока мы с Алексом спорим?

Энджел кивнула, прежде чем оглянуться на Алекса:

— Ты знаешь, Скаут очень хорошо спорит. Она всегда выигрывает у меня и Джэйса.

— А есть что-нибудь, чего твоя сестра не умеет делать? — Я удивилась, что Энджел задумалась над этим вопросом.

— Когда она поет, ее голос звучит как у кошки, которую тянут за хвост. А когда она готовит, всегда срабатывает пожарная сигнализация, — наконец выпалила она.

Алекс пытался выглядеть серьезно, но ямочки на щеках его выдали.

— Ну, значит, мне не стоит просить ее выступить с концертом или приготовить обед.

К тому времени как мы закончили, Алекс полностью очаровал мою сестренку. Она была беззащитна перед его обаянием и заразительным смехом. К своему ужасу, я начала осознавать, что тоже не настолько невосприимчива, как надеялась.

ГЛАВА 5

— У меня новый друг! — объявила Энджел за обедом. Я усиленно пыталась вынуть перец из соуса к спагетти, так что не очень внимательно слушала разговор. — Он очень милый и хороший и смешной.

Папа потянулся, чтобы убрать макаронину с лица Энджел.

— Он в твоём классе?

— Нет. Это друг Скаут. Он попросил меня помочь им делать домашнее задание, потому что я такая взрослая.

Черт. У меня пока что не было возможности рассказать Джэйсу о статье. *Под этим я имею в виду, что надеялась, что он никогда об этом не узнает.* Мне нужно было отвлечь Бурундука, пока она не разболтала всего.

— Эй, Энджел, передай мне сыр!

Само собой, как и любая хорошая сестра, она никогда не делала того, о чем я просила.

— А Алекс завтра придет в библиотеку?

В комнате раздался звон, когда Джэйс уронил вилку на стол.

— Ты была в библиотеке с Алексом Коулом?

— Да ничего страшного не произошло...

— Не отмазывайся! Я предупреждал тебя, держись от него подальше!

— Джэйс Стюарт Донован! — сказал отец таким тоном, какой может быть только у преподавателя. Обычно, услышав свои полные имена, мы втроем прятались под ближайший предмет мебели. Джэйс даже не шелохнулся.

— Я просил тебя об одном! *Об одном*, Скаут. Тебе совсем жизнь не дорога?

— Солнышко... — начала мама, но отец прервал ее:

— Не кричи на свою сестру!

Джэйс стал говорить тише, но не менее эмоционально:

— Он не тот, за кого ты его принимаешь.

— Это было школьное задание, — сказала я таким тоном, чтобы Джэйс осознал каждое слово.

— Да, конечно.

Я так крепко вцепилась в вилку, что края впились мне в кожу.

— Если Лиам так себя повел, это не значит...

— Лиам?! — Лицо Джэйса стало ярко-пурпурным. — Ты уже и с этим на «ты» перешла?!

Отец ударил рукой по столу так, что вода выплеснулась из моего стакана.

— Хватит! Я немедленно хочу знать, что происходит!

— Не твое дело! — сорвался Джэйс.

Все за столом замерли. На секунду мне показалось, что я не дышу.

— Что ты сейчас сказал?

Джэйс промолчал. Он просто стоял там, пытаясь взорвать мне голову одним взглядом. У него это почти получилось.

— Думаю, тебе нужно пойти в свою комнату и остыть, сын.

Джэйс встал и задвинул свой стул.

— Я пойду, — сказал он, выходя из комнаты. — Но я не твой сын.

Я буквально открыла рот от удивления. Джэйс часто ругался с отцом, но никогда не

говорил таких жестоких слов. Нет, мой папа не был Джэйсу родным, но с тех пор как Джэйсон Хэйган погиб на охоте еще до рождения своего сына, у Джэйса не было другого отца.

— Прости, я не хотела... — Энджел говорила тихо и робко. У меня второй раз за день сжалось сердце от печального вида сестры.

— Ты не сделала ничего плохого.

— А ты?

А что я? Я знала, что Лиам опасен, и, само собой, собиралась держаться от него как можно дальше. Но Алекс-то в чем виноват?

— Никто не сделал ничего плохого.

— Тогда почему Джэйс настолько зол?

Три пары глаз уставились на меня, ожидая ответа.

— Ему не нравится Алекс. Он ему не доверяет, или что-то в этом роде.

— Этот Алекс, он плохой?

Почему она задает мне все эти сложные вопросы? Разве я не была весь день идеальной старшей сестрой?

— Если честно, Энджел, я даже не знаю, какой он.

— Это не похоже на Джэйса, — сказала мама. — Он не стал бы так ненавидеть кого-то без причины.

Я всерьез задумалась, не рассказать ли им обо всем: о жуткой встрече с Лиамом, о реакции Джэйса и о моих подозрениях.

— Может, у него и есть причина, но мне он не хочет говорить.

— Этот парень ведь не вел себя неприлично по отношению к тебе?

Вот блин.

— Нет, пап, я его едва знаю.

— Знаешь, милая, если ты чувствуешь угрозу, неважно физическую, эмоциональную или *сексуальную*, ты всегда можешь...

Матерь божья.

— Знаете что, мне нужно поговорить с Джэйсом, — сказала я, вставая из-за стола, в спешке пытаюсь прервать эту становившуюся все более неловкой беседу.

— Скаут, если ты узнаешь, что его так беспокоит, ты ведь скажешь нам, правда? — спросила мама.

Я поцеловала ее в лоб, пока проходила мимо. Она выглядела такой встревоженной, поэтому мне хотелось немного ее успокоить.

— Да, не волнуйся, мама. Скорее всего, какие-то мальчишечьи разборки.

Конечно же, в комнату Джэйса я не пошла, так как прекрасно знала, что когда он расстроен, то разговаривать с ним бесполезно. Вместо этого я заперлась у себя и попыталась отвлечься домашкой. Я как раз пыталась понять, что же такое первообразная, когда зазвонил телефон. У меня екнуло сердце, когда я увидела, кто звонит.

— Чак! Как там студенческая жизнь?

Как я и думала, разговоры с Чарли становились все более и более редкими.

— Задолбала вся эта учеба. Тебе бы понравилось — надо читать кучу книг, писать кучу работ и сдавать множество невозможных тестов. Хотел бы я, чтобы ты была здесь. — И я тоже хотела бы быть где угодно, лишь бы рядом с ним.

— Звучит словно рай.

— Как дела дома? Написала что-нибудь интересное для газеты?

Намек Чарли был не очень тонким. Скорее всего, Джэйс просил его докопаться.

— Да нет. — Я надеялась, чтобы он услышал, насколько безжизненно звучит мой голос.

— Забавно, твой брат сказал, что ты пишешь статью вместе с Алексом Коулом.

— Пишу, но она о социальной медицине, и это настолько не интересно, насколько возможно.

Выдох Чарли прозвучал словно помехи в трубке.

— Скаут, мы это обсуждали. Я думал, ты поняла.

— Нет, не поняла. Я согласилась не дружить с ним, но вы мне так и не объяснили причину.

Я снова начала раздражаться.

— Я тебе говорил, это сложно.

— А я тебе говорила, что достаточно умная, чтобы понять.

Повисло долгое молчание.

— Я не могу тебе сказать, прости, просто не могу. — Его голос стал тише, и я знала, что мне не померещились эмоциональные нотки. — Я не вынесу, если ты пострадаешь. Ты знаешь это?

— Я знаю. — А еще я знала, что мои внутренности превратились в холодец. — Это просто школьное задание. Я буду вести себя максимально профессионально.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Некоторые обещания просто нельзя сдержать, как ни старайся. Я совершенно намеренно хотела выбросить Алекса Коула из своей жизни, потому что Чарли, который не вынес бы, если бы я пострадала, просил об этом. Честное слово.

Чего я не учла, так это самого Алекса. Миссис Соул так понравилась статья, что она решила выпускать похожую каждую неделю. Это значило, что мы с Алексом стали проводить вместе все больше и больше времени. Поначалу это была просто работа над статьей в библиотеке, но понадобилось не так много времени, чтобы та трещина, возникшая между нами в школе, полностью затянулась. Вскоре Алекс начал разговаривать со мной перед математикой и садиться со мной и Талли в театральном кружке, иногда он даже терся в библиотеке во время обеда.

Был дождливый ноябрьский день, и мы сидели в библиотеке, делая домашку по математике. Темой статьи на этой неделе было снижение планки возраста, с которого можно употреблять алкоголь, до 18 лет. Смеха ради, я решила выступить за, а Алекс против. У нас было достаточно материала, чтобы набросать черновик за пять минут.

— В общем, у меня математический вопрос, — объявил Алекс.

Я перестала стучать ластиком себе по лбу и посмотрела на него.

— Ты не замечала, что Джон Дэвис пахнет как-то необычно?

Он сидел между нами на алгебре, и этот вопрос действительно имел какое-то отношение к математике.

— Аромат пластилина, который он источает, непереносим. Чтобы его не заметить, надо быть вообще лишенным обоняния.

— Пластелин! — У него над головой словно возникла мультяшная лампочка — Я знал, что это что-то знакомое, просто никак не мог понять, что. — Алекс уставился в

пространство, щелкая ручкой. — А почему он пахнет пластилином?

— Без понятия. — Я наклонилась к нему, будто мы обсуждали нечто важное, вроде глобального потепления или превосходства печенья с корицей над морожено-клубничным. — Он сидит передо мной 13 лет, и всегда так пах. Может быть, он вместо одеколona мажет себе пластилин за уши?

— А может, он его ест? — заключил Алекс — Я ходил с одним парнем в детский сад, и он всегда ел всякую гадость — фломастеры, клей, ворох из карманов.

— Фу, отвратительно!

— Эй, мне было всего пять!

— Я думала, мы говорим про мальчика, с которым ты ходил в детский сад.

Алекс неловко подвинулся в кресле и взъерошил волосы. Я моментально отвлеклась, увидев, как он провел языком по губам.

— Я хотел сказать, что *ему* было всего пять. Это был не я. *Я* не сумасшедший поедатель вороха.

— Ну так и каков ворох из карманов на вкус?

Алекс пристально посмотрел на меня.

— Скаут, у меня много домашней работы. Мне бы хотелось, чтобы ты прекратила отвлекать меня.

Я картинно застегнула рот на молнию и стала набирать цифры на калькуляторе. Он сделал то же самое, но тишина продлилась недолго. Я поняла, что учиться с Алексом практически невозможно, так как чем больше я с ним разговаривала, тем больше мне хотелось с ним разговаривать. Миссис Соул была права, у нас действительно схожие стили и ритмы, которые очень хорошо смотрелись вместе. Я врала сама себе, что просто наслаждаюсь этой дружбой, пока однажды на одном из занятий по Шекспиру не осознала, насколько усугубилась моя маленькая влюбленность.

Мы готовились к прочтению «Укрощения строптивой»²³. Мне досталась роль Катарины, Алекс играл Петруччо. Я вызывала свою внутреннюю Джулию Стайлз²⁴, когда Эшли проскользнула между мной и Алексом.

— Эй, Алекс, — сказала она, выпячивая напомаженную нижнюю губу, словно обиженный ребенок. — Ты мне так давно не звонил. Где ты был?

Алекс виновато улыбнулся.

— Простия был немного занят с работой и школой, все дела.

Я почувствовала, как нечто огромное и бесформенное, как профессиональный рестлер, угнездились в моем животе. Перед глазами встали картинки — я очень живо представила, как бью Эшли по ее козьему лицу.

— Ну, если у тебя будет свободный вечер, мы можем что-нибудь придумать.

Она прижалась к нему всем телом, чтобы прошептать что-то на ухо, и судя по тому, как покраснели его лицо и шея, было понятно, что конкретно она собралась придумывать.

Алекс нервно закашлялся.

— Л-ладно, ты это, давай позже поговорим.

— Буду ждать, — промычала она. Эшли буквально елозила по нему своими сиськами. Я не могла решить, что же мне сделать — блевануть или забить ее до смерти ботинком.

Алекс попятился назад и едва не споткнулся о деревянный меч.

— Да... Ладно, хорошо. Увидимся.

— Ладно, занимайтесь дальше. — Она повернулась ко мне, глядя как можно более снисходительно. — Скаут в главной роли. Мисс Райдер в кастинге вообще не разбирается, похоже.

Я была рада, что надела спортивные кеды. Она бы умерла слишком быстро и недостаточно мучительно, если бы я отлупила ее своими ботинками.

— Ее сиськи не настоящие, — сказала я после того, как она ушла. — А еще она писалась в постель до седьмого класса и три недели ходила в школу в балахоне, потому что думала, что средняя школа — это Хогвартс.

Алекс просто стоял и смотрел на меня, словно у меня выросла вторая голова.

— Прости, — сказала я. — Я знаю, вы встречаетесь, это было грубо.

Алекс почему-то улыбался. Наверное, ему было смешно смотреть на мое идиотское поведение. Мне бы было, будь я на его месте.

— Я не встречаюсь с Эшли Джонсон.

— Нет?

О чем он говорит? Конечно же, он встречался с Эшли. Может, у них в Монтане это все по-другому заведено?

— Неа. Она не в моем вкусе.

Ямочки на его щеках заработали в максимальном режиме. Даже искорки в глазах засверкали.

— Но ты позвал ее на встречу выпускников!

— Я просто хотел, чтобы кое-кто другой приревновал.

Ему нравился кто-то еще. Отлично. Мой мозг начал перебирать варианты.

Молли Иствик симпатичная, и я пару раз видела, как они общаются. Джэйс недавно расстался с Никки Андерсон, которая выглядит как танцовщица с MTV. Каждый парень в радиусе пяти миль попытался воспользоваться открывшейся возможностью. Я вздрогнула, представив, чем могут закончиться отношения Алекса с бывшей Джэйса.

— И как, получилось?

Что я имела в виду, так это встречается ли он с кем-либо прямо сейчас, потому что нет ничего лучше, чем сыпать соль на открытые раны.

— Сначала я думал, что нет. Но теперь вижу, что, может быть, и получилось.

Только когда румянец вернулся на его щеки, я смогла хотя бы допустить мысль, что он говорит обо мне.

Он снова водил руками по волосам. Он нервничал? Я заставляла его нервничать?

— Так что ты делаешь на день благодарения на следующей неделе? — внезапно спросил Алекс.

Он выглядел очень заинтересованным в собственных ботинках. Это были очень милые ботинки — сильно поношенные Adidas Gazelles, — но в них не было ничего выдающегося.

— Я должна поехать в Вашингтон и провести праздники с сенатором и миссис Харпер.

— Представитель большинства в сенате, Сенатор Харпер? Почему?

Потому что моя жизнь — отстой.

— Он отец моей биологической матери.

— Сенатор Харпер твой дедушка?

Алекс был заметно впечатлен.

— Технически.

Я вижу своих бабушку и дедушку всего раз в год. Они увозят меня в округ Колумбия на

день благодарения. В течение четырех дней я нахожусь под постоянными нападками стилистов, чтобы у Харперов было достаточно фотографий со Счастливой Американской Семьей для следующих выборов в сенат.

Выщипывание бровей и колючие свитера — это не самое ужасное. Самое ужасное — это беседы. Миссис Харпер может часами обсуждать мою внешность и что я даже близко не настолько симпатичная как мама, а Сенатор любит читать мне лекции о том, какая ответственность лежит на мне как на внучке известного политика и как мне важно найти достойное место в жизни. От всего мероприятия хочется вскрыть вены.

Моя неприязнь к сложившейся ситуации отразилась прямо на лице.

— Ты не очень-то рада встрече с родней.

— Они винят моего отца в смерти матери. А я для них — оружие, которое он избрал. Они никогда не поздравляли меня с днем рождения и не присылали открыток на Рождество. Они связываются со мной лишь тогда, когда им это выгодно. Так что нет. Я не очень рада. Трудно радоваться людям, которые ненавидят тебя лишь за факт твоего рождения.

Алекс внимательно изучал мое лицо, пока я старалась звучать как можно более непринужденно, говоря об этом.

— Так почему ты едешь к ним на День Благодарения? Есть же много гораздо более приятных способов провести его.

Я могла назвать миллион гораздо более приятных способов. Поехать к маме отца, которая печет лучший в мире ореховый пирог, или к его отцу, чей ореховый пирог на втором месте. Я могла бы провести ночь благодарения с семьей Ребекки, где все играют в настольные игры до самого утра. Могла бы поехать на базу и отметить праздник с родителями биологического отца Джэйса, потому что они всегда считали меня семьей. Это было бы неплохо, учитывая, что я смогу увидеть Чарли.

Но я ничего этого не сделаю. Просто не смогу.

— Я поеду, потому что она бы этого хотела.

Каким-то образом Алекс вытянул из меня всю историю. Я рассказала, как врачи заметили, что у нее возникли проблемы во втором триместре и посоветовали прервать беременность ради собственного блага. Рассказала, как она решила, что моя жизнь стоит того, чтобы рискнуть своей, как она держала мое крохотное тело и сказала, что оно того стоило, и как она умерла со мной на руках. Я рассказала о том, как должна быть лучшей во всем, чтобы она мной гордилась, и как сильно боюсь, что ее жертва может быть напрасной.

Я все выложила, как никогда раньше. Он продолжал задавать вопросы, а я на них отвечала, может, даже слишком честно.

Вот такие вот профессиональные отношения.

— Вот такое у меня печальное прошлое, — сказала я. Я осталась без сил, уязвимой и уязвленной, как в тех снах, в которых ты приходишь в школу, забыв надеть штаны. — Что насчет тебя?

— Кто тебе сказал, что у меня печальное прошлое?

Алекс начал выдергивать ниточки из дырки на джинсах.

— Ты ведь живешь с братом? Где ваши родители?

— Погибли в аварии, когда мне было 11. Я не люблю говорить об этом.

Он продолжил ковырять штанину, даже не глядя в мою сторону.

Я хотела стукнуть его по руке, чтобы он перестал. Я только что открыла ему свою душу, а он отфутболил меня, сказав, *что не хочет говорить об этом?* Я уже хотела

высказать ему, как это несправедливо, когда прозвенел звонок. Алекс встал и скрылся за дверью до того, как я успела собраться с мыслями.

Я не видела его в столовой в тот день, и у меня не было возможности поговорить с ним на занятии у миссис Соул.

Когда он исчез еще до объявления конца уроков, я была уверена, что он меня избегает.

Это было так унижительно. Во-первых, я извергла из себя поток ненависти к Эшли Джонсон, который только тупой не принял бы за приступ ревности. Во-вторых, без конца трепалась о своей мертвой матери, злых родственниках и комплексах. А самое худшее — я смогла убедить себя в том, что интересна ему. Конечно же, он об этом догадался. И, конечно же, избегал меня. Ему было неловко, он ведь случайно дал странной девчонке, у которой не хватает винтиков в голове, прийти к неверному выводу. В тот день Талли пыталась поднять мне настроение молочным коктейлем и картошкой, но это не помогло. В одном я была уверена — что больше никогда не хочу видеть Алекса Коула.

ГЛАВА 6

Самая лучшая часть каникул, помимо отсутствия математики, это то, что люди возвращаются в школу в хорошем настроении и гораздо менее нервными. По крайней мере, так было со мной и Алексом. До дня благодарения наши встречи были достаточно неловкими хотя бы потому, что я убегала всякий раз, когда он пытался подойти ближе. Но в этот понедельник наша удобная, но не до конца удовлетворительная дружба вернулась.

— Ты какая-то оранжевая, — сказал Алекс, пока я копалась в статьях о новой иммиграционной политике.

— Матерь божья! — вскрикнула я, глядя на свои руки. — Как это случилось? Спасибо, что заметил, сама бы я никогда не догадалась.

Из своей поездки в Вашингтон я вернулась похожей на апельсин. Последняя попытка миссис Харпер сделать меня фотогеничной включала в себя визит в эксклюзивный салон в Вирджинии, где меня заставили раздеться и лечь в космическую капсулу, где мое тело покрыл порошок с приторно-сладким запахом. Они сказали, что я выйду оттуда загорелой пляжной красоткой.

Они соврали.

Миссис Харпер получила извинения и свои деньги назад. А я стала выглядеть еще более странно. К счастью, загар исчезал довольно быстро и еще через неделю, если буду принимать душ три раза в день, я верну своей коже привычный оттенок.

— Скаут модно загорела, чтобы выступать по телевизору. Ее дедушка знаменит, — сказала Энджел, оторвавшись от своей раскраски. Она снова общалась с Эммой, хоть и предпочитала находиться поближе ко мне. Алекс тоже к нам присоединился.

— Скаут превратилась в говорящую мультяшку, потому что ее бабушка и дедушка садисты, — поправила я.

— Я хочу модный загар.

Если бы у меня был третий глаз на затылке, она бы и его захотела.

— Тебе не нужен фальшивый оранжевый загар, Бурундук.

— Нужен, — настаивала она — Он красивый.

Алексу было весело.

— И я так думаю. Всегда было интересно, как выглядят девочки Умпа-Лумпы.

Я пнула его по ноге под столом.

— Не заставляй меня применять техники ниндзя!

Я не возражала против того, чтобы Алекс дразнил меня из-за загара. Я действительно выглядела довольно глупо. К тому же от того, как он смотрел на меня в это время, бабочки в моем животе порхали, а я была не в том состоянии, чтобы жаловаться на бабочек.

— Ты больше не ниндзя.

Алекс не обращал внимания на Энджел уже больше 30 секунд, и она должна была что-нибудь сказать.

— Ты была ниндзя?

Брови Алекса, прикрытые длинной челкой, поднялись.

— Да, но мне пришлось уйти. Устала постоянно одеваться в черное с ног до головы.

Энджел, еще не до конца понимавшая концепцию сарказма, решила снова меня поправить.

— Черным у тебя был только пояс. А пижама была белая.

— Тхэквондо?

— Первые пару лет, — сказала я. — Потом начались совместные тренировки. В конце мы по большей части занимались смешанными боевыми искусствами.

— Значит, в теории ты можешь надрать мне задн... — Алекс глянул на Энджел, — ...попу?

— Это не столько теория, сколько признанный факт.

Ну не совсем. Я давно не практиковалась, а у Алекса были неплохие мускулы, просматривающиеся под футболкой, а еще он выше меня.

— Это приглашение на поединок, Донован?

Улыбка Алекса была довольно свирепой.

— Называй время и место, Коул.

От его улыбки меня отвлек мой рингтон «Через веселенную»²⁵, разнесшийся по библиотеке к ужасу окаменевшей мисс Нэнси. У нее были твердые убеждения относительно мобильных, и она выгоняла из библиотеки всех, кто регулярно ими пользовался.

— Как жизнь, Чарли? — спросила я, поворачиваясь спиной к столу и Алексу. Мне почему-то было неловко разговаривать с Чарли при Алексе.

— Все как всегда. Ты знаешь, какая жизнь у нас, рок-звезд, — ответил он. — Шампанское на завтрак, лобстеры на ужин. Я сейчас встречаюсь с Боно, мы вместе будем бороться со СПИДом, а потом идем по клубам. Надеюсь, в этот раз Эдж присоединится к нам, этот парень — отличный второй пилот.

— А я-то думала, ты сидишь на кровати в неделю не стиранных шмотках, ешь лапшу и учишься, пока кровь из глаз не пойдет.

Смех Чарли пробрал каждую клеточку моего тела.

— Иди ты со своим ясновидением. Хотя ты немного ошиблась. Ненавижу лапшу. Я на строгой диете из хлопьев и попкорна.

Мы несколько минут несли всякую ерунду, пока я не смогла перевести разговор в более полезное русло и выяснить причину звонка. После того, как рассказала ему, как найти тангенс, назвала столицы нескольких южно-американских государств, объяснила, как искать информацию в Википедии, и закончила звонок, я повернулась к Алексу, чтобы извиниться. К моему удивлению, Энджел сидела одна, а Алекс и его вещи исчезли.

***

На следующий день наш театральный кружок отправился в Нашвилл, чтобы посмотреть постановку «Укрощения строптивой» в исполнении университета Вандербильта²⁶. Я хотела узнать у Алекса, что случилось, и извиниться за потраченное время во время занятий, но Эшли уже заняла место рядом с ним на последнем сидении. Пока Талли громко общалась с мисс Райдер, я размышляла, не доводилось ли им и раньше оставаться вдвоем на последнем сидении.

Когда мы доехали до города, начался дождь, и волею судеб нам пришлось припарковаться за 4 километра от театра.

Я прокляла себя за то, что не взяла зонт или плащ. Я вышла из фургона меньше минуты назад и уже успела промокнуть. Талли выглядела глупо в своем странном дождевике, но зато была сухой.

— Ты смотрела утром погоду? — спросил Алекс, прикрывая нас обоих своим зонтом.

Это был милый жест, но я все-таки хотела разобраться.

— Я была занята, искала своего партнера по статье. Он исчез, а нам вчера днем нужно было написать статью. Кажется, он провалился через волшебный портал в мир без телефонов, потому что даже не позвонил и не извинился.

Алекс догадался принять виноватый вид.

— Прости, становилось темно, и я надеялся, ты не заметишь.

— Было темно? — хихикнула я. — Ты боишься Бабайку?

Он нахмурился.

— Я никого не боюсь. Я сам Бабайка.

Я так сильно смеялась, что едва не прослушала инструкции мисс Райдер насчет того, что мы должны вести себя как взрослые и культурные люди, пока раздавала нам билеты.

Нам пришлось подождать, пока консьержи, которые были еще большим позором человечества, чем мои одноклассники, закончат свою дуэль на световых мечах и пропустят нас внутрь театра. Когда Дарт Вейдер в конце концов нашел время, чтобы отвести нас на наши места, я с удовольствием узнала, что сижу между Талли и Алексом.

— Запомните, дамы, мы здесь затем, чтобы увидеть театральное представление, а не затем, чтобы общаться. Я не желаю слышать ваши перешептывания после того, как погаснет свет, — сказал Алекс, практически идеально пародируя мисс Райдер, если не считать длительного зевка в конце.

— А мы не желаем слышать вашего храпа, мистер Коул, — ответила Талли.

— Ничего не могу обещать. — Он, похоже, говорил правду.

Алекс выглядел так, будто совсем не спал. И почему у парней всегда бессонница? Джэйс очень часто обходился вообще без сна, либо спал очень мало.

После того как поднялся занавес и погас свет, я очень быстро поняла, почему Вандербилт славится своим медицинским факультетом, а не театральным. К третьему акту меня клонило в сон так же сильно, как и Алекса. Когда я повернулась, чтобы посмотреть, не отрубился ли он, то с удивлением заметила, что он смотрит на меня.

— Это отстой, — прошептал он.

Я смогла лишь кивнуть в ответ. Освещение творило чудеса с восприятием. Его челюсть казалась более выраженной, губы более полными, а глаза, смотревшие на меня, светились как две серебряные монетки.

Я поняла, что пялюсь, и быстро отвернулась, пытаясь унять стук сердца. Почувствовала, как тепло расплывается по моим щекам, и отчаянно понадеялась на то, что в темноте он этого не увидит. Краем глаза заметила движение, но не поняла, что происходит, пока не почувствовала, как он взял мою руку.

Алекс Коул не был первым парнем, с которым я держалась за руки. Эта честь была оказана моему парню из третьего класса, Джереми Ренду, который подарил мне шоколадную розу на день святого Валентина и через неделю навсегда уехал в Иллинойс. Были и другие, включая Далтона Райли, с которым коза Эшли поступила не очень красиво, — но ни разу до это не было так хорошо. С другими мальчиками был просто контакт кожей. Они всегда либо сжимали мою руку слишком сильно, либо наоборот не сжимали, их ладони были либо слишком сухие, либо слишком влажные.

Рука Алекса была идеальной. Его кожа была мягкой и теплой, он держал мою руку нежно, но уверенно. Моя ручка казалось маленькой и изящной.

В тот момент я была обладательницей самой счастливой руки в мире.

А еще самых красных щек. Стук моего сердца отдавался в ушах, дыхание полностью сбилось. Я не могла оторвать от него глаз.

— Привет, — прошептал он.

— Привет, — пискнула я чуть громче, чем хотела. Я еще не полностью вернула контроль над своим дыханием. Талли ткнула меня под ребра, чтобы я сидела тихо. Я перевела взгляд от Алекса и попыталась сконцентрироваться на происходящем на сцене. Пока взгляд был устремлен туда, мой разум полностью поглощен Алексом, который держал мою руку до тех пор, пока свет не включили обратно.

— Бог ты мой, это было ужасно, — сказала Талли, вылезая из узкого театрального сидения.

— Они что, совсем пропустили четвертый акт? — спросила я. Я не помнила, как Транио обхитрил Гортензио, чтобы тот больше не ухаживал за Бьянкой.

— Четвертый акт, в котором акцент Люченцио менялся минимум 12 раз? Четвертый акт, в котором Кейт споткнулась о ногу Пертуччо и упала на сцену? Четвертый акт, который тянулся *бесконечно*? Этот четвертый акт?

— Эмम्म... я, наверное, заснула, — соврала я. У меня за спиной раздался смехок Алекса, и мои щеки снова вспыхнули пламенем. Я игриво ткнула его в живот, наслаждаясь ощущениями, когда прикоснулась к нему.

Талли одобритительно кивнула головой.

— Да, наверное, так и было. Ты *заснула*.

— Молчи.

Я подтолкнула Талли к дверям, радостно думая, что Алекс стоит у меня за спиной. Первое, что я заметила, когда мы вышли из театра, — что стало гораздо холоднее, чем было. А второе — что асфальт был очень скользким. Я не заметила, что пошел снег, пока не растянулась на тротуаре.

— Скаут, ты в порядке?

Лицо Алекса наклонилось надо мной.

— Мне кажется, я сломала попу.

— Травма, достойная ниндзя, — хихикнул Алекс, пока поднимал меня. Я уже почти поднялась, когда он потерял равновесие, и мы оба повалились обратно.

— Да, моя попа точно сломана, — процедила я сквозь сжатые зубы. Учитывая то, что Алекс согнулся от смеха, он избежал повреждений.

К этому времени весь класс собрался посмотреть, как мы с Алексом неловко пытаемся помочь друг другу. Когда мы, наконец, смогли твердо встать на ноги, Алекс обернул свою руку вокруг моей талии.

— Нам бы не хотелось, чтобы твоя попа пострадала еще сильнее, — проинформировал он меня.

Я не была уверена, что не получила каких-то страшных повреждений. Падение на бетон копчиком вниз не может пройти без последствий. То, что Алекс был, рядом помогло, он оказывал на меня обезболивающее действие. Я чувствовала тепло его тела, несмотря на то, что мы оба были одеты в теплые пальто.

Мисс Райдер прискакала к тому месту, где мы столпились.

— Отлично, ребята. Как продемонстрировали нам Эббот и Костелло, на улице скользко. Мистер Донован рассказал мне, что произошло несколько аварий и трасса I-24²⁷ практически закрыта. — Она выдохнула, будто была не очень рада тому, что собиралась

сказать: — Ему кажется, что для нашей безопасности мы должны провести ночь в Нашвилле и поехать домой завтра, когда станет потеплее. Мы уже забронировали места в мотеле в трех километрах отсюда. Пожалуйста, позвоните своим родителям и скажите, что приедете домой завтра.

Дюжина голосов одновременно затараторила. Класс разделился практически поровну. Половина была рада провести еще день в городе и не ходить утром в школу, а у другой половины были другие планы и дела.

Что насчет меня, моя душа витала в стратосфере. С неба падали красивые огромные снежинки, я была спасена от мистера Бека на целых два дня, а еще проведу весь вечер с Алексом и его идеальными руками. Может ли жизнь быть еще прекраснее?

— Мисс Райдер, мне нужно попасть домой сейчас, — сказал Алекс. Он выглядел еще более испуганным, чем Эшли, которая дрожала от мысли о том, что ей придется провести ночь в дешевом мотеле. Ну, было бы гораздо приятнее, если бы идеальный парень тоже хотел бы провести вечер со мной.

— Прости, Алекс. Но я не могу отпустить тебя и гарантировать безопасность в таких условиях.

Мисс Райдер подтвердила свои слова, пройдя два шага, прежде чем упасть в объятия Джеймса Киплингера, который умудрился облапать ее, пока ловил. Учитывая привычку Джеймса проводить большинство времени за игрой «Magic: The Gathering»²⁸ и редко посещать душ, я могла с уверенностью сказать, что это был его первый контакт с женской грудью. Унизительное, но такое отвратительно счастливое выражение его лица только подтверждало мою теорию.

Я была так занята, наблюдая за Джеймсом и мисс Райдер (и мне было стыдно за них обоих), что не заметила, как Талли проскользнула к Алексу.

— Я не могу здесь оставаться, — сказал Алекс, когда она взяла его за локоть чтобы не упасть.

— Думаю, тебе придется, — тихо ответила она. Похоже, она тоже чувствовала, как напряжено его тело. Что бы там ни было, похоже, ему было очень важно попасть домой. Я была рада, что Эшли остается с нами. По крайней мере, он не торопился на горячее свидание с ней.

— Я позвоню Лиаму. Он меня заберет, — сказал Алекс, доставая телефон из кармана. Глаза Талли расширились, и она сильнее сжала его руку.

— Нет, ты не можешь. Все будет хорошо, обещаю. Но ты должен остаться здесь. Пожалуйста, не звони брату.

Я мысленно поддержала просьбы Талли. Я могла бы обойтись без того, чтобы когда-либо еще столкнуться с Лиамом Коулом.

Алекс сопротивлялся, но в итоге признал, что было бы небезопасно заставлять брата ехать в город в такую погоду. Я аккуратно пробиралась к фургону, пока Алекс помогал Талли, чьи попытки идти напоминали мне Бэмби, пересекающего замерзшее озеро. Иногда сквозь ветер до меня долетали обрывки их разговора. Было похоже, будто Талли все еще убеждала Алекса в том, что мир не развалится, если он останется на ночь в Нашвилле. Я пыталась не принимать его попытки убежать на свой счет.

Улицы Нашвилла напоминали каток, а огромные снежинки снижали видимость почти до нуля. Чтобы доехать до мотеля, у нас ушел целый час. К ужасу Эшли, мотель был действительно довольно дешевый.

К тому времени как мы заселились, мисс Райдер была настолько измотана, что ей было уже все равно, чем мы станем заниматься до конца дня. Она исчезла за дверью в свою комнату и не появлялась до следующего утра.

После жестокого боя в снежки я оказалась в комнате с группой людей, смотрящих Гарри Поттера, и поняла, что Дэниел Редклифф уже не такой симпатичный, если мою руку держит Алекс.

Алекс весь вечер очень нервничал. Он смотрел на часы каждые пять минут. Несмотря на все мои попытки выяснить, почему он так сильно хочет домой, я так и осталась в неведении.

Мы уже досмотрели «Кубок Огня» до половины, когда я осознала, что что-то не так, рука Алекса дрожала, и он как-то тяжело дышал.

— Ты в порядке? — спросила я, в то время как девочки, сидящие на кровати, обсуждали, насколько горяч Роб Паттинсон.

— Ээээм... да. Все нормально.

Алексу, похоже, было сложно сфокусироваться на происходящем вокруг него.

— Ты выглядишь ужасно. — Талли появилась у меня из-за спины. — Может, тебе стоит пойти спать прямо сейчас.

Алекс посмотрел на часы. Было пять вечера, и солнце начало садиться. Рановато идти баиньки, но Алекс, очевидно, заболел.

— Все нормально.

— Нет, не нормально. Ты должен пойти спать, и должен пойти спать прямо *сейчас*. — Талли звучала очень строгой, почти как ее мать.

— Ты права. Наверное, стоит поспать.

Когда Алекс вставал, по всему его телу прошла дрожь.

— Точно все в порядке? Может, позвать мисс Райдер или врача?

Каждая мышца в теле Алекса дергалась.

— Вот посплю, и все будет нормально. Не волнуйтесь за меня. — На секунду Алекс остановился прямо передо мной, проводя рукой по волосам. — Спасибо за сегодня, Скаут. Было здорово.

Я почувствовала, что все в комнате следят за нашей маленькой беседой. Неловкость немножко уняла мое возбуждение. Но не сильно.

Вечер тянулся медленно, после того как он ушел. Гарри не мог заинтересовать меня, даже когда тащил тело бедного Седрика обратно в Хогвартс, что обычно вызывало у меня слезы. В конце концов, мы устали от еды из автомата и перебрались в «Тако-белл»²⁹ через улицу. На обратном пути я остановилась около двери Алекса.

Я спросила Талли:

— Как думаешь, он голодный? Может, зайти спросить? Я могла бы принести ему чего-нибудь.

— Думаю, ему нужно поспать. Пошли, Скаут. Ты переживешь, если не увидишь его до утра.

Я осмотрелась, чтобы убедиться, что больше никто не слышит нас.

— Он мне очень нравится, — призналась я.

На лице у Талли появилось легкое раздражение.

— Я в курсе. Я месяцами пыталась тебе об этом сказать.

Она превращалась в противную всезнайку.

— Думаешь, я ему тоже нравлюсь?

Я не могла смотреть ей в глаза.

— Думаю, да.

Хотела бы я быть настолько же уверенной. Я прислонилась к стенке около двери в нашу комнату и смотрела, как за окном танцуют снежинки, пока Талли доставала ключи.

— Джэйс ненавидит его.

— Ага. Знаю.

— Знаешь, почему?

После четырех попыток достать ключ Талли, наконец, открыла дверь. Застарелый запах сигаретного дыма обжег мне легкие.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, Талли начала длительный процесс снятия дождевика. К тому времени, как она высвободила ноги из отвратительно радостного желтого винила, у меня кончалось терпение.

— Ты ведь знаешь, правда?

— Знаю что? — рявкнула она. Она усиленно пыталась облегчить смертельную хватку костюма на своем бедре.

— Ты знаешь, что происходит между Джэйсом и Алексом. Скажи мне.

Талли, наконец, избавилась от плаща и повалилась на кровать.

— Думаешь, Джэйс сказал бы мне, а тебе нет?

Да.

Ну, может быть.

Ладно, может, и нет.

— Что мне делать, Талли?

Я взяла ее за руку и положила голову ей на плечо. Ее волосы пахли тем же шампунем, которым она пользовалась с тех пор, как мы были маленькими.

— Я не знаю, — сказала она, целуя меня в лоб. — Мы со всем разберемся, и все будет хорошо. Обещаю.

Я открыла телефон, чтобы поставить будильник, и заметила, что пропустила несколько сообщений от Чарли.

«Тебе нравятся бегемоты?»

«Большие такие звери. Любят воду»

«Дай мне знать как можно скорее»

Я была в легком недоумении, но быстро написала, что очень уважаю этих прекрасных животных. Я не знала, что ответить, и это звучало как подходящий вариант.

— Кто это? — спросила Талли. — Джэйс проверяет нас?

— Нет, это Чарли.

Я залезла в кровать и натянула одеяло на голову. Мне было как-то нехорошо. Может, я заразилась болезнью от Алекса. А может, это была мексиканская еда.

— Каково быть влюбленной в двух парней сразу?

Я вылезла из-под одеяла, чтобы Талли могла видеть меня, когда я ответила:

— Ни в кого я не влюблена... Мне нравится Алекс, а Чарли... это просто Чарли.

На лице Талли большими буквами было написано «ЧУШЬ СОБАЧЬЯ».

— Ни в кого я не влюблена, — повторила я.

— Пожалуйста, дай мне знать, когда поймешь, что это неправда, — пробормотала Талли и выключила в комнате свет. — Жалко будет пропустить еще одну возможность

сказать «Я же говорила».

Следующие несколько часов я ворочалась и вздыхала, несмотря на обезболивающее, которое дала мне Талли, чтобы успокоить боль в отбитом копчике. Я никогда не спала в чужой кровати без Гвидо, да и всякие раздумья не очень помогали. Я задремала и очнулась в каком-то нервном состоянии. Обрывки сна летали по моему подсознанию. Все, что я помнила, — это Алекс, Чарли, мороженое и то, как меня разрывают надвое. Простыни царапали мои голые ноги, пока слушала мерное жужжание обогревателя и оглушительный храп Талли. Я поняла, что не могу оставаться в этой комнате, когда стены начали сдвигаться. Поэтому встала, как можно тише надела пальто и ботинки и выскользнула из дверей.

Стояла красивая и тихая ночь. Буран закончился, и небо посветлело. Оно было усыпано сверкающими звездами, и сияла полная луна, отражаясь в свежавыпавшем снегу.

Я увидела электрическое сияние заправки, и мне внезапно захотелось засохших пирожных и приторно сладкого какао. Если бы я пошла прямо, я бы прошла мимо «Сборища у Хэнка», бара, который, судя по облезшей розовой краске на стенах, привлекал только самых солидных посетителей. Вместо этого я решила пройти через лесок за мотелем.

Из-за обезболивающего, затуманившего мозг, и теней, отбрасываемых деревьями, я не сразу заметила человека, стоявшего у подножья холма. Я застыла, когда разглядела в нем традиционные признаки бомжа — несколько слоев грязной одежды, грязная кожа, невымытые волосы и ни с чем несравнимая аура отчаяния. Он что-то подобрал с земли и внимательно рассматривал. Это было обычное черное пальто, но что-то в нем смутило меня.

Я осторожно подошла ближе. У ног старика валялось еще несколько предметов одежды. Джинсы, рубашка, свитер и пара ботинок. Мужчина поднял один ботинок и поднес его на свет луны.

Мягкий зимний мир застыл вокруг меня. Даже с такого расстояния я поняла, что это был ботинок из пары Adidas Gazelles.

Адреналин побежал по моим венам, и я перестала действовать разумно.

— Что вы делаете?! — грозно сказала я, перелезая через сугроб. — Где вы это взяли? Что вы с ним сделали?!

Мужчина развернулся и посмотрел на меня. Даже отсюда я почуяла запах грязи и алкоголя.

— Это все мое. Я нашел. — Его язык заплетался, но движения были резкие, как у испуганного дикого животного.

Или бездомного, который обдолбался амфетаминами.

— Это одежда Алекса! Где он? Что вы с ним сделали?

Я в панике осматривалась по сторонам в поисках обнаженного трупа в снегу.

— Ничего я никому не делал. Я все это нашел, и оно мое. — Он начал собирать одежду. Я заметила футболку с человеком-пауком, которую Алекс носил по четвергам, и быстро подобрала ее.

— Они не ваши! Это вещи Алекса! Верните все на место! — Я потянулась за штанами, но мужчина схватил меня за руку с неожиданной силой.

— Сказал же тебе, я все это нашел. — Он притянул меня к себе так резко, что наши лица почти коснулись. Запах был невыносимым. В его глазах сверкало безумие. — Это все мое.

Он внезапно оттолкнул меня, и я упала на землю. Жуткая боль от очередного падения на задницу вырубил меня на пару секунд. К тому времени, как я очухалась, мужик был

прямо надо мной, стоя на коленях. Из ниоткуда появился нож, который он прижал к моему горлу.

— Я не люблю, когда меня обвиняют во лжи, девка. Усекла? — Я не ответила, парализованная страхом. Я знала, что должна что-то сделать, должна бороться, но мое тело отказывалось двигаться.

Он потерял об меня, его налитые кровью глаза гуляли вверх и вниз по моему телу.

— Не такая уж ты и милашка. Но не волнуйся, мне все равно. Никогда не любил сильно смазливых.

Мой мозг наконец-то смог достучаться до тела. Моя правая рука отбросила нож от горла, в то время как левая нанесла резкий удар ему в грудь. Я попыталась откатиться из-под него, но он это предвидел и прижался ко мне еще сильнее, придавив мои руки к земле.

— Не надо так, сладкая. — Я едва не блеванула, осознав, насколько он наслаждается ситуацией. — Сейчас мы с тобой...

Его слова прервал дикий рык, разорвавший тишину и пробежавший по моим костям.

— Какого черта...? — успел пробормотать он, прежде чем нечто промелькнуло надо мной и откинуло его назад.

Я должна была быть в ужасе от происходящего, но ситуация казалась фантастической. Сев, я увидела мужика, так же сидевшего на земле с ножом в вытянутой руке, пытавшегося удержать на расстоянии дикое животное. Животное, похожее на большую собаку, выгнуло спину в угрожающей позе, и его шерсть встала дыбом. Из горла зверя раздавались рычащие литания. Без сомнения, такими острыми зубами он легко мог разорвать бомжа на части.

Эти зубы могли так же сделать много неприятных вещей с моей хрупкой плотью, но я почему-то не боялась. Вместо этого я была восхищена зверем, стоявшим передо мной. Его густая шерсть бело-серого цвета с вкраплениями бордового и черного. Одна часть меня понимала что это, скорее всего, волк, другая пришла к выводу, что я испытываю какой-то психологический шок от перенесенного стресса.

Противостояние закончилось, когда бомж сделал выпад ножом, и волку пришлось отскочить. Это дало мужику достаточно времени, чтобы встать на ноги и побежать. Волк рванул за ним. Они очень быстро исчезли из поля зрения.

Я поднялась с земли и быстро проверила все части своего тела. На мне не было никаких повреждений, кроме ранее ушибленного копчика и возможной психологической травмы. Я отбросила страшные мысли о том, что случилось, и сконцентрировалась на более важных вещах.

Я знала, что нужно оставить все как есть, чтобы полиция могла найти улики. Я смотрела достаточно CSI³⁰ и догадывалась, как долго происходят исследования места убийства, но не смогла себя остановить. Не смогла уйти и оставить его вещи валяться вот так. Это значило бы принять, что его больше нет, а этого я сделать пока не могла.

Я пыталась выловить ботинок из ручья, когда поняла, что рядом со мной кто-то есть. На другом берегу под кустом сидел волк и смотрел на меня. Я подавила крик и замерла, по крайней мере, пыталась замереть, как в тех передачах канала Дискавери, в которых учат, что делать при встрече с диким животным. Но мою дрожь было не унять, а дыхание стало еще более прерывистым.

Я раздумывала, что делать, — закричать, убежать или лечь на землю в надежде на быструю смерть, когда заглянула в определенно человеческие глаза волка.

— Алекс? — Это был шепот, но он меня услышал. Волк дернулся и побежал вдоль

ручья, где вскоре скрылся за холмом. — Алекс! — крикнула я громче.

Я, наверное, смогла бы убедить себя, что ошиблась. Могла прийти к выводу, что из-за шока зрение меня подвело. Могла поверить, что переживаю приступ временного безумия. Все эти варианты было бы очень легко принять, если бы он еще раз не оглянулся на меня и не посмотрел теми самыми серыми глазами, прежде чем скрыться в ночи.

ГЛАВА 7

Спать можно было уже и не ложиться. Мое тело устало, но это не помешало мыслям бешено метаться. Я была шокирована, смущена, испугана. Фрагменты произошедшего пролетали перед глазами, как фрагменты артхаусного кино³¹, которое специально вводит зрителя в замешательство. Я боялась увидеть больше, если закрою глаза. Я свернулась калачиком в единственном кресле — удивительно мягком огромном сине-желтом мешке — и смотрела, как розовый свет восходящего солнца окрашивает комнату.

В голове роилось так много вопросов и мыслей, что я даже не знала, с чего начать, поэтому сконцентрировалась на свете, ползущем по лицу спящей Талли, и на боли от заживающих на моем теле царапин. Услышав голоса, я подумала, что это всего лишь часть хаоса, бурлящего в моей голове. Только когда кто-то произнес его имя, стало понятно, что прямо за дверью моей комнаты ругаются люди. Я отодвинула тяжелую занавеску и с облегчением вздохнула. Там стоял Алекс. Живой. Целый. Человек. Несмотря на все мои старания в туалете заправки, его одежда все равно была непередаваемо грязной, но он все равно выглядел прекрасно. Даже лучше, чем прекрасно.

Из-за пульсирующей боли в копчике вылезти из кресла было сложно. Я завернулась в большое пушистое синее одеяло и, взглянув на батарею, на которую повесила одежду, решила не одеваться. Вещи до сих пор влажные, а мне срочно было нужно поговорить с Алексом и убедиться, что он в порядке, и это желание оказалось сильнее любых моих внутренних ограничений. Я приоткрыла дверь, впустив ледяной воздух, от которого по телу пробежали стада мурашек.

— Мы уезжаем, — сказал Лиам. — Ты знаешь, что будет, если они нас найдут. Поверить не могу, что ты рисковал всем ради какой-то девчонки.

— Это не просто девчонка, это... — Алекс поднял глаза и заметил, что я стою в дверях. — Скаут.

— Привет, — сказала я, закрывая за собой дверь. Напряженная реакция Лиам на мое появление заставила мои колени дрожать, но радость от того, что Алекс жив и ходил на двух ногах, не давала мне поддаться желанию вернуться в комнату.

Алекс прошел мимо брата прямо ко мне.

— Ты в порядке? Где твоя одежда?

Тут я пожалела, что ничего не надела. Выражение лица Лиам совсем не повышало моей самооценки. Я завернулась в одеяло еще плотнее, так, чтобы из-под него торчали только пальцы и голова.

— Она вся мокрая, — промямлила я, уставившись на свои голые пальцы на фоне холодного бетона.

— Даю тебе пять минут, — сказал Лиам со всей теплотой, которую от него можно было ожидать, — и мы уезжаем. Усек?

Я с облегчением увидела, как он прошел через парковку и забрался в побитый старый джип. Когда мы остались наедине, я неожиданно очень четко осознала, что мои волосы не расчесаны, лицо не накрашено, и вообще я стою в одном одеяле. Поэтому резко выпалила:

— Ты оборотень!

Алекс слегка попятился и виновато отвел глаза.

— Ты заметила, да?

Ага, я жуть какая внимательная.

— Не понимаю. — Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить нервы. Одно дело подозревать, что кто-то превращается в монстра, и совсем другое — получить неоспоримые подтверждения. Мне хотелось вернуться в комнату и запереть дверь, но жажда получить ответы пересилила страх. — Как это вообще возможно?

— Мы можем поговорить об этом в другой раз?

Он периодически оглядывался туда, где его ждал брат.

— Ладно, — сказала я почти истеричным тоном. — Погода хорошая сегодня, правда?

О чем еще я могла спросить? *Кстати, а ты совершенно случайно не мифическое чудище?*

Алекс хмыкнул.

— Холодно сегодня. Слишком холодно, чтобы стоять вот так, босиком и без нормальной одежды.

— Холод меня не очень волнует.

— Поэтому ты вчера убежала на улицу в самую метель? — Я вздрогнула. — Я пошел погулять.

Алекс подошел ближе и коснулся рукой моего лица.

Весь дискомфорт, который я испытывала от низкой температуры, начал исчезать, когда по моему телу от того места, где он коснулся меня, расползлось тепло. Несмотря ни на что, он до сих пор был тем же Алексом, и я все еще дорожала от его прикосновений.

— Скаут, мне так жаль, — прошептал он. — Я думал, ты ушла спать. Я пошел на охоту и даже не знал, что ты на улице, пока не услышал крик.

Мне хотелось коснуться его лба и разгладить морщинки, но я сдержалась.

— Не извиняйся. Ты спас меня. Если бы ты не появился... — Мой голос задрожал, когда я не смогла описать словами, насколько ужасные вещи могли произойти.

Алекс провел пальцем по моей щеке, и это заставило мурашек бегать по моей коже.

— Не волнуйся. Он больше не тронет ни тебя, ни кого-либо еще.

Его рука остановилась на моей шее, и я услышала, как он глубоко вздохнул и, облизнув губы, наклонил голову ко мне.

В тот момент меня больше не волновало, что Алекс превратился в волка и, возможно, убил человека. Единственное, что имело значение, — это то, что он собирался поцеловать меня.

А затем джип громко посигналил, и Алекс дернулся, будто от удара током.

— Похоже, тебе пора.

По какой-то дурацкой причине я хихикнула.

— Похоже на то.

Лиам снова подал сигнал, и Алекс немедленно рванул через парковку.

— Нужно бежать! — крикнул он через плечо — Скажи всем, что я заболел, ладно?

Я кивнула. Он уже почти сел в машину, когда я вспомнила, о чем забыла сказать.

— Алекс, — позвала я. Он обернулся. Станным образом это движение в человеческой форме ничем не отличалось от того, что я видела прошлой ночью. — Спасибо. Знаешь, за то, что стал моим героем, ну и все такое.

Он помахал еще раз и залез в джип.

Я оставалась на месте, пока они не выехали с парковки, а затем вернулась в комнату. Талли уже проснулась и ждала меня.

— Ты что, только что вышла на улицу в одном одеяле? Что случилось с твоей одеждой? Куда поехал Алекс? Что произошло? Ты в порядке? — Талли так быстро задавала вопросы, что я не могла выбрать, на какой отвечать.

— Давай помедленнее. Мой мозг еще не до конца проснулся.

Талли осмотрела меня, заметив красные глаза и медленные дерганные движения.

— Ты совсем не спала, — сказала она. — Что случилось?

Ничего особенного. Я всего-то ввязалась в драку с обдолбанным бомжом, в которой, кстати, он победил. Но не волнуйся, Алекс появился очень вовремя. Кстати, ты знала, что в полнолуние он превращается в волка? А я знаю, потому что вчера была как раз такая ночь. К твоему сведению, он очень симпатичный волчок.

— Ничего, — сказала я.

— Тогда почему твоя одежда грязная, а ты раздета?

— Я не могла заснуть, пошла прогуляться и упала.

Почти правда. Я всего лишь опустила некоторые детали.

— А что ты только что делала на улице с Алексом?

Нда. Никто не ожидал испанской инквизиции.

— Он заболел, и брат приехал забрать его. Он заходил попрощаться.

— Ты врешь, — сказала Талли. — Все в порядке, Скаут. Мне ты можешь рассказать.

Я могла. А еще могла оказаться в своей собственной прекрасной комнате с мягкими стенами.

— Думай что хочешь, Талли, — сказала я, направляясь к ванной. — Я в душ.

Я была рада, что два подхода с дешевым мылом из отеля довели мою кожу до приятного желтоватого оттенка. Я заплела волосы в хвост и отстирала с одежды всю грязь, которую смогла. Но, когда пришла в Макдональдс, который мисс Райдер назначила местом встречи, я все равно выглядела жутко, как атомная война.

Очевидно, Талли все еще обижалась на меня за прошлый разговор. С тех пор как я вышла из душа, она не сказала мне и двух слов, для чего ей пришлось приложить огромные усилия. Обычно по утрам Талли болтала без умолка. Забрав завтрак, она села рядом с Дженни Поттс, оставив меня в компании Джеймса Киплингера.

Я отрывала кусочки от пирожного и скручивала их в шарики, когда в закусную вплыла Эшли Джонсон. В то время как остальные провели утро, играя в снежки или смотря отупляющие передачи по телевизору, Эшли нашла отличное применение кредитной карте своего отца.

Вычислить участников нашего театрального кружка было несложно. Само собой, мы спали в одежде и не пользовались косметикой. Эшли даже подумать о таком не могла — она натянула на себя фирменный комбинезон университета Вандербильта и бейсболку, чтобы скрыть нечесанные волосы. Во всем этом она напоминала промоутера.

— Джеймс, как мило с твоей стороны разделить завтрак с несчастным бездомным человеком, — сказала она, остановившись около нашего столика. — Ой. Скаут. Это ты? Прости.

Я слишком устала, чтобы терпеть ее хамство и обиды Талли. Тем более вид жирных волос Джеймса и горький запах, исходивший от него, едва ли не выворачивали мой желудок. Я решила, что сидеть рядом с жуткой статуей Рональда Макдональда на улице будет приятнее, чем находиться рядом с этими людьми. Я встала, чтобы выкинуть недоеденный завтрак.

— Боже, посмотрите на нее, — сказала Эшли, когда я проходила мимо. — Неудивительно, что бедный Алекс заболел и уехал. Меня бы, наверное, пришлось на скорой увозить, если бы я была вынуждена проводить время с *этим*.

Я сорвалась.

Выражение ее лица, когда мой кулак встретился с ним, было бесценным. Она попятилась обратно к столу, на глазах проступили слезы.

— Сука! — закричала Эшли. — Ты сломала мне челюсть!

— Нет, не сломала.

Я ударила ее так, чтобы остался всего лишь синяк. Да и я сомневалась, что после моей полной приключений ночи у меня остались силы, чтобы нанести хоть какой-то урон.

— Ты подожди, школьная администрация узнает об этом. Папа позаботится, чтобы тебя исключили.

— Ты никому не расскажешь, — сказала Талли откуда-то слева.

Капля кетчупа упала с нового комбинезона Эшли, когда та выпрямилась.

— Это почему это, свинка?

Джейн успела обхватить меня за талию и дернуть назад до того, как я по-настоящему сломала ей челюсть.

Я ожидала, что Талли заплачет или как минимум будет выглядеть расстроенной. Но язвительная улыбка, которая расползлась по ее лицу, удивила и меня, и Эшли.

— Потому что, хоть все и забыли, кем ты была до того, как твоя мачеха чудесным образом превратила тебя в куклу, мы все помним, — сказала Талли — У нас достаточно историй и фотографий, чтобы ты испытывала унижение каждый день, начиная с сегодняшнего и заканчивая выпускным.

— Да мне все равно, — ответила Эшли. Хотя на ее лице было написано, что это не так.

— Ну и ладно. Скаут, ты все еще хранишь те фотографии с празднования твоего тринадцатого дня рождения?

— А то!

В тот день Эшли решила, что нам пора готовиться к взрослой жизни. У меня есть снимки, на которых она запечатлена в белье моей мамы, набитом бумагой, и целующейся с постером Зака Эфрона. Конечно, есть и наши настолько же интересные фотографии, но их никто не увидит. Никогда.

— Знаешь, если хочешь, я могу устроить, чтобы пара таких фоток попали в эфир, — сказала Джейн, которая в тот момент занимала пост директора утренней школьной телепередачи. Я прифигела от ее поддержки. Джейн — милая девочка, но мы никогда особо не дружили.

— Я даже не знаю, о чем вы говорите, — сказал Джеймс. — По-моему, Эшли просто споткнулась и ударилась о стол.

Если поддержка Джейн была неожиданной, слова Джеймса повергли в шок. Он старался как можно реже говорить, особенно когда это не требовалось.

— Ладно, — выплюнула Эшли в мою сторону, почти в буквальном смысле. Мне пришлось вытирать лицо от брызг. — Ты и твои друзья-неудачники на этот раз победили, но я клянусь, ты заплатишь, Харпер Донован. И когда этот момент настанет, ты пожалеешь, что я просто не разбила твою страшную рожу.

Зевок стал подходящим ответом, хоть я его и не планировала.

Как всегда, местный климат не отличался постоянством. После обеда температура

поднялась до +5, и иней на дорогах превратился в маленькие ручейки, а красивый снежный пейзаж — в грязную мешанину. Как только мисс Райдер помылась и опрокинула две большие кружки кофе, мы отправились домой.

В поездке у меня открылось второе дыхание, и я завела длинную дискуссию с Джейн о наших любимых певцах. Было приятно поговорить с кем-то, кто лучше знал творчество Дэмьена Райса³² и Регины Спектор³³, чем песни Леди Гаги. Я просто растаяла, когда она показала мне салфетку, на которой Райан Адамс³⁴ написал «Для Поттси — попробуй тако. С любовью, Райан», когда она встретила его в мексиканском ресторане в Атланте.

Когда мы доехали до школы, Талли предложила подбросить меня до дома. Слепящее солнце вызвало в ее машине маленький парниковый эффект. Это тепло вместе с успокаивающим гулом шин создавали эффект колыбельной. Я уже почти заснула, когда Талли остановилась перед моим домом.

— Прости, что обиделась на тебя утром, — сказала она. — Я только хотела помочь. Ты знаешь, что можешь поговорить со мной о чем угодно.

— Конечно.

Я могла рассказать ей что угодно. Но не это. Я не могла рассказать ей о бездомном и о том, что он собирался со мной сделать. Не могла рассказать о том, как запаниковала и практически позволила этому случиться. Не могла сказать, насколько испуганной и униженной себя чувствовала. И, конечно же, не могла рассказать про Алекса.

Талли наклонилась, чтобы обнять меня. Я положила голову ей на плечо, принимая теплоту и комфорт. Когда она отпустила меня, в ее глазах стояли слезы.

— Ты точно в порядке?

Я кивнула и не смогла выдать из себя ни слова.

Я должна была спросить ее, не хочет ли она зайти. Должна была поблагодарить ее за то, что подвезла, но я не хотела, чтобы этот океан слез затопил все.

Я сразу залезла на кровать, даже не снимая грязную одежду. Несмотря на прилагаемые усилия, слезы все-таки вырвались наружу, вместе с судорогами и хныканьем.

Потребовалось много времени, чтобы заснуть. Во сне я ожидала увидеть ужасные происшествия в снегу и четвероногих чудовищ, преследующих добычу. Вместо этого мне снился мальчик с ямочками на щеках.

ГЛАВА 8

Я не часто вижу сны. Обычно если я сплю, то просто сплю. Когда закрываю глаза, мой мозг не превращается в волшебный кинотеатр, а даже если мне что-то снится, то не запоминаю деталей.

Этот сон был другим. Я запомнила все. Помню, как воздух пах пылью и пылью. Помню зелень свежих листьев, желтое поле из одуванчиков и сине-зеленую мутную поверхность озера. Помню, как ветер щекотал мне шею. Я помню, как выглядел он, прислонившийся к трухлявой коре старого дуба, скрестивший руки на груди и наклонивший голову, так что челка закрыла правый глаз.

Озеро было не очень широким, и я была уверена что с того берега на меня смотрит Алекс. Я неуклюже помахала рукой.

— Привет, — сказала я и почувствовала себя полной дурочкой.

Алекс оглянулся, будто подумал, что кто-то окликнул его сзади. Поняв, что рядом с ним никого нет, он снова посмотрел на меня и что-то сказал. Я видела, как двигаются его губы, но слов разобрать не смогла.

— Я тебя не слышу! — крикнула я.

И вновь он что-то произнес, но я ничего не услышала.

— Алекс! — крикнула я, так громко, как только смогла.

Он качал головой и продолжал мне что-то говорить. Я понимала, что он кричал, но все, что я слышала лишь плеск воды у берега и шелест листьев.

Не знаю, как долго мы там стояли, пытаюсь докричаться друг до друга, но я охрипла, что меня взволновало, так как я рассчитывала, что во сне буду неуязвимой.

Наконец Алексу это надоело, и он решил попробовать другой подход. Я увидела, как он срывает с себя футболку, ботинки и носки. Он на секунду задумался, глядя на пояс джинсов, и, к своему ужасу, я почувствовала разочарование, когда он решил их не снимать.

Вокруг было очень спокойно, пока Алекс не вошел в воду. Небо мгновенно почернело, ветер начал хлестать меня по лицу, а темная поверхность озера резко затянула Алекса вниз. Мой крик утонул в раскатах грома.

Я собиралась сделать нечто глупое и прыгнуть за ним, когда его голова показалась над водой. В образе волка Алекс мог плыть против течения обратно к берегу.

Шторм продолжал свирепствовать. Щепки взлетели в воздух, когда дерево с грохотом повалилось на землю недалеко от меня. Что-то ударило меня по ноге, прямо над правым бедром. Было так больно, что я аж вскрикнула.

Я открыла глаза. Вокруг было темно, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что над моей кроватью стоит не Алекс.

— Нехилая у тебя ссадина, — сказал мой брат, включая лампу, стоявшую на столике. Мягкий белый свет едва не выжег мне глаза. — Вы с Талли снова подрались, когда не смогли решить, кто выйдет замуж за Билли Ломака?

В первом классе Билли Ломак был самым крутым. Он взъерошивал волосы ежиком и всегда делился шоколадкой, которую мама подкладывала ему в коробку с обедом, с той, кто была его девушкой на той неделе. Мы с Талли поссорились всего один раз, когда он бросил меня ради нее.

К девятому классу Билли стал известен как самый главный укурыш в школе, а внешне

напоминал Филипа Сеймура Хоффмана³⁵. Я бы подралась с Талли, если бы она вдруг решила встречаться с ним.

— Я ей говорила, сначала он был мой, — сказала я, натягивая футболку так, чтобы ссадин не было видно. Я смутно вспоминала ощущения о камне, воткнувшемся в мое бедро, когда я упала на землю.

— Если серьезно, ты ездила смотреть какую-то нудную пьесу, почему тогда выглядишь как беженец от войны из выпуска новостей?

Я села на кровати, жмурясь от того, как боль переходит от одного синяка к другому. Джэйс смотрел на меня с беспокойством.

— Я упала. Ты же знаешь, я неуклюжая.

— Ты никогда не была неуклюжей. Ты единственный ребенок в истории, который сразу научился ходить, ни разу не упав. Наш кружок боевых искусств месяцами изучал искусство ниндзя, потому что сенсею нравилась твоя грация.

— Ну, значит, этот ниндзя так и не научился ходить по свежему льду на семисантиметровых каблуках.

Ну, или использовать свои боевые умения, когда оказалась в опасности. Отстойный из меня ниндзя, ничего не скажешь.

— Слава богу, я родился пацаном, — сказал Джэйс, подкатывая мое офисное кресло по полу. Он подогнал его к кровати, а затем начал отъезжать обратно. — Никто не заставит меня ходить в обуви с такими каблуками.

— Тебя не пришлось долго убеждать надеть ту пару туфель рубинового цвета. И ты в них не просто ходил, а вполне себе приплясывал.

— Скаут Донован, я говорил тебе, что с тобой сделаю, если еще хоть *когда-нибудь* об этом вспомнишь.

Я посмотрела на него с ангельским видом.

— Я упала. Сильно ударилась. Может, даже сломала копчик.

— И?

— А мой старший братик не станет драться с калекой.

Он закатил глаза. Я так называла Джэйса, только когда чего-то хотела или попадала в беду. Он старше меня всего на пять недель, так что это не считается, а разница в росте компенсируется, когда я обуваю туфли.

— Просто вспомни об этом, когда полностью поправишься, и вот тогда я тебя отлуплю. Теперь уже я закатила глаза.

— Посмотрим, получится ли у тебя.

Я не справилась с бездомным, но с Джэйсом было гораздо легче. Не то что бы я гораздо сильнее его, но он очень предсказуем. Все равно что драться с роботом.

Мы с братом еще долго сидели и болтали о всякой ерунде. Несмотря на бессмысленные темы, эта беседа помогла избавиться от напряжения, которое мучило меня последние сутки.

Джэйс даже смог отвлечь меня от приступа паники, связанного с оборотнями, который собирался начаться.

Когда Энджел слышала, что я проснулась, она пришла ко мне в комнату, неся в руках бутерброд с индейкой, чтобы продемонстрировать сочувствие. Я даже не осознавала, насколько голодна, пока не откусила первый кусок, и безумно хотела есть, когда доела все минутку спустя.

— Пойду я сделаю еще один, — сказала я. — И найду чипсы. И печенье. У нас же есть

печенье?

— Может, ты сначала сходишь в душ и переоденешься в чистое? — спросила Энджел. Она прижалась ко мне с боку. Я почувствовала, что она скучала по мне, когда я уезжала на целую ночь. Учитывая то, что я позволила ей так сидеть, я тоже соскучилась по Бурундуку.

В тот вечер брат с сестрой уделяли мне максимум своего внимания. Энджел настояла, что она сделает мне второй (ну ладно, может быть, третий) бутерброд. Она сказала, что делать бутерброды это все равно, что готовить, а к готовке меня нельзя подпускать на пушечный выстрел. Джэйс записал предыдущий эпизод сериала про богатых подростков с ужасающими жизненными проблемами, на который мы подсели в последнее время, и мы втроем уселись на диван с пакетом шоколадных чипсов, чтобы смотреть его.

В обычный день их повышенное внимание раздражало бы меня, но в этот раз я была рада, что отвлеклась. Благодаря своей родне я не находила времени подумать о чем-то, между болтовней Джэйса о том, что он смотрит сериал только ради красивых девчонок (при этом бурно реагируя на все сюжетные ходы), и расспросами Энджел в духе «Почему твой любимый цвет не розовый?» и «Что ты будешь делать, когда вырастешь?».

Той ночью я видела еще один красочный сон про Алекса и озеро. Он продолжал меня звать, но я его не слышала. Мне очень быстро стало скучно, и я крикнула:

— Расскажешь завтра в школе! — после чего тихо ушла в другой сон, который, возможно, был про голодных танцующих бегемотиков.

Несмотря на то, что я легла рано, на следующее утро все равно умудрилась проспать. Джэйс пригрозил, что мне, возможно, придется идти пешком, пока я, стоя у зеркала, выбирала, что надеть.

Я проерзала на стуле весь урок английского, думая, что же скажу Алексу, когда увижу его. Будет ли он вообще разговаривать со мной про оборотней? И что происходит между нами? Каким бы невероятным это ни казалось, я, возможно, все-таки нравилась Алексу и была не уверена, как к этому относиться.

Сначала я испытала облегчение, когда не увидела его в классе мистера Бека, но когда Алекс так и не появился, облегчение превратилось в беспокойство.

— Где, по твоему мнению, он бродит? — спросила я Талли, когда мы писали наши отзывы на спектакль, который, казалось, прошел миллион лет назад.

— Думаю, он еще болеет, — сказала она, старательно работая над своим отзывом, как будто о спектакле можно было сказать что-то, кроме «Это был отстой».

— Он болен?

Талли посмотрела на меня, как на дуру.

— Уже забыла, как он пошел спать, а утром брат забрал его из Нашвилла?

Упс.

— А, да. Я имею в виду, не верится, что он еще болен. Он же вроде чувствовал себя нормально тем утром.

— Ну, значит, ему стало хуже, — сказала Талли, снова отвернувшись от меня и уткнувшись в работу.

Я откинулась назад и начала думать о причинах отсутствия Алекса. Возможно, он действительно заболел. Хотя, скорее всего, просто избегал меня, потому что А) не хотел рассказывать о своем превращении, и Б) сожалел о почти поцелуе и держании за руки.

Хотелось бы, чтобы он действительно заболел, и с моей стороны это было не круто.

— Скаут, нам нужно поговорить о твоей статье, — сказала миссис Соул, когда я умоглась на стуле рядом с Николь.

— Мы ее еще не закончили, — сказала я. Естественно, под этим я имела в виду, что *даже не начинали*. — Алекс заболел до того, как мы успели все сделать, но мы поработаем сегодня, и завтра она будет у вас.

— Этого я и боялась, — ответила миссис Соул. — Как думаешь, сможешь написать статью в тысячу слов одна?

— Конечно, но я думаю, Алекс будет в настроении поработать после обеда.

Учитывая, что он вообще не был болен, если оборотничество не считается болезнью. Может быть, это вирус.

— Боюсь, этого не произойдет. Сегодня утром я получила сообщение, что Алекс переводится в другую школу.

— Чего? — В моем голосе прозвучали истерические нотки. — Вы уверены?

Может быть, она не правильно все поняла. Может быть, это был другой Алекс. Может, у миссис Соул начался склероз. Может быть...

— Его брат все вчера подписал. Они возвращаются в Монтану, чтобы жить у родственников.

Она сказала что-то еще, но я уже не слушала. Мой мозг полностью отключился до конца занятия.

После школы я уговорила Талли подвезти меня домой, чтобы мне не пришлось видаться с Джэйсом. Придя домой, я целый час просидела на кровати, сжимая Гвидо и пялясь на стену, отчаянно пытаюсь не расплакаться, как девчонка.

Ладно, Алекс исчез. Совсем исчез, навсегда, больше я никогда ничего о нем не услышу. Но это же не конец света? Само собой, у меня остался миллион вопросов, но он не обязан был мне отвечать. Это я ему была обязана, в конце концов, он ведь меня спас.

Так почему я была так расстроена тем, что он не попрощался? Почему мне было больно, будто меня предали? Почему мне пришлось прикусить губу, чтобы не заплакать?

Когда я уже не могла выдерживать все эти ноющие голоса в своей голове, я решила заняться делом. Я знала: единственный способ не думать об Алексе — найти себя занятие. Поэтому взялась за домашку по математике, но остановилась, когда поняла, что трачу больше времени, думая, что он *всегда* знал ответ, если мистер Бек спрашивал его, чем на решение уравнений.

Заниматься делами, чтобы не думать об Алексе, стало моим главным времяпрепровождением. Жизнь была заполнена подготовкой к экзаменам, к Рождеству, отправлением резюме в колледжи. Всякий раз, начиная думать об Алексе, я заставляла себя еще сильнее сосредотачиваться на том, чем занималась.

Наряжая елку с мамой и Энджел, я совсем не думала, где он сейчас и наряжает ли елку сам. Когда мы с Джэйсом устроили митинг против покупки кошки для Энджел (у Джэйса аллергия, а я боюсь, что животное высосет мне душу), я не вспоминала, что Алекс тоже терпеть не мог кошек. Когда мисс Нэнси устраивала ежегодный сбор средств под видом вечеринки Смертельное Рождество: Таинственное убийство, я не представляла, как на нашем столе лежит труп Санты. И уж точно не искала Алекса в лице каждого прохожего на людных улицах Нашвилла и Падуки.

Ну, или, по крайней мере, старалась всего этого не делать.

Я думала об Алексе, лишь когда наступала ночь. Тогда я запиралась в комнате и пыталась выяснить об оборотнях все, что только можно. Я выгребла все из нашей библиотеки, и прочла все, что нашла в интернете.

Так как это заняло у меня меньше недели, я попросила мисс Нэнси помочь мне заказать книги в межбиблиотечной сети. Стопки книг обо всем, связанном с волками и собаками, были спрятаны в моей комнате подальше от глаз Джэйса.

Полученные мной сведения разнились от интересных и ужасающих до непроходимой тупости. Несколько книг из библиотеки Элая в Миннесоте оказались очень полезными. Они были такими интересными, что я отправила электронное письмо библиотекарше, в котором похвалила ее коллекцию. В ответ мне пришло лишь напоминание о дате сдачи книг.

Вокруг оборотней ходило множество легенд. Казалось, в каждой культуре были свои истории о человеке, превращающемся в зверя.

Я отбросила те, что говорили об огромных чудовищах полулюдях-полуволках и сосредоточилась на волках с человеческими глазами. В некоторых из них создания выступали жертвами, в других — безжалостными монстрами.

Каждый вечер я старалась быстрее закончить свои дела, чтобы продолжить чтение. Я становилась экспертом по оборотням, и это повлияло на мои сны. Спокойные ночи наполнились красочными картинками, в которых я убегала от стаи волков, либо сама превращалась в волка. Иногда я видела Алекса и озеро, но теперь он всегда стоял на другом берегу в своем зверином облики.

Несмотря на все исследования, у меня все равно было больше вопросов, чем ответов.

Как Алекс стал оборотнем? (Самая популярная теория — оборотень должен укусить или поцарапать тебя, чтобы это случилось.)

Больно ли было ему превращаться? (Судя по его состоянию перед той ночью и после, скорее всего да.)

Связано ли превращение с полнолунием? (Тогда, в Нашвилле, было полнолуние, так что наверное.)

Осознавал ли Алекс себя и что происходит, пока был волком? (В большинстве книг говорилось что нет, но Алекс защитил меня и все помнил на следующее утро.)

Убивают ли оборотни людей, или это слухи, возникающие из-за невежества и страха? (Я все-таки надеялась, что слухи.)

И знал ли об этом Джэйс, а если да, то как много? (Я представила брата как нечто среднее между Винчестерами и Баффи.)

На большинство вопросов у меня не было возможности найти ответы. Я читала книги и строила догадки, но не могла знать точно, не спросив Алекса.

Зато я могла спросить Джэйса.

Конечно, я не могла сказать ему: «Эй, Алекс на самом деле оборотень, что ты об этом знаешь?» Но я очень упорная, и у меня был план. Не без изъянов и сам по себе не очень хитрый, но был. И я собиралась привести его в исполнение на Рождество.

ГЛАВА 9

Рождество — это время, когда семья собирается вместе, что очень хорошо, если конечно у вас достаточно чистых носков для каждой пары родственников. Чтобы пережить бесконечный поток семейных ужинов (включая семью каждого из папиных разведенных родителей, мамину вечно растущую семью и вечер у Талли, которая считалась семьей, потому что ее мать сидела со мной и Джэйсом, когда мы были маленькими), ушло два дня и бесконечный запас терпения.

Рождественским утром Энджел разбудила всех с криком:

— Он пришел! Санта пришел! Джэйс! Скаут! Подарки!

Было 6 утра, и я понадеялась, что Санта подарит ей часы и желание дать сестре поспать.

После открытия нашей огромной горы подарков (в число которых входил Эльф, новый котенок Энджел, который сразу же зашипел на Джэйса и попытался выцарапать мне глаза) мы с Джэйсом направились на Базу, чтобы провести день вместе с семьей Хэйганов.

Я воспряла духом, когда переступила порог деревянного домика, запрятанного в густой роще. Во-первых, из-за изумительно вкусного запаха, идущего из кухни, благодаря которому мой желудок уже забыл мучения последних двух дней и снова заурчал от голода. Во-вторых, из-за волшебной атмосферы, созданной сотнями мигающих огоньков и украшений, развешанных по всему дому. В-третьих, из-за рождественских песен, исполняемых на акустических гитарах. Но в основном из-за парня, заключившего меня в объятия и закрутившего по комнате.

— Боже, как я скучал, — сказал Чарли, ставя меня на пол. Он держал меня руками за плечи, осматривая.

— Ну что, я прошла тест?

Чарли скривил рот, что выглядело одновременно глупо и очаровательно.

— Я думал, ты будешь оранжевой с редкими черными и синими пятнами.

Впервые в жизни я была рада своей врожденной бледности.

— Весь этот цвет сошел, кроме впечатляющего желто-зеленого пятна на моей заднице.

Я тут же пожалела о сказанном только из-за того, что именно в этот момент бабушка Хэйган решила войти в комнату. Джэйс с таким трудом сдерживал смех, что к тому времени, как она закончила читать мне лекцию о том, как должна разговаривать приличная девушка, по его щекам бежали слезы.

Позже, когда мы собрались вокруг елки, Чарли положил мне на колени синий сверток. Я нетерпеливо разорвала обертку. Под ней оказалась несколько винтажная цепочка с маленьким бегемотиком в ботинках.

— Тебе нравится? — спросил Чарли, убирая мои волосы за плечо. — Я купил его в одном из этих хипстерских магазинов в кампусе. Не могу пройти мимо них, не думая, как ты любишь всю эту фигню.

Я покрутила блестяшку между пальцами.

— Да, нравится. Оно идеально. — И это было так.

Оно было милое и клевое, и я вообще не собиралась его снимать.

Джэйс умудрился выпросить у дедушки с бабушкой новую приставку и неплохой набор новых игр у дяди Чарльза и тети Дианы. Чарли и Джэйс сразу же понеслись устанавливать ее в комнате, которую бабушка называла кладовкой, а все остальные «старой комнатой

Чарльза».

Сначала я, Джэйс, Чарли и Лэйн (слегка чокнутый двенадцатилетний племянник Чарли) по очереди гоняли разноцветные машинки по трассам, сделанным из конфет, и занимались всякой ерундой с безумными нарисованными кроликами. В конце концов, Лэйну надоело сидеть с нами и не понимать наши шутки, и он пошел заниматься чем-нибудь в своем стиле, например, мучить мелких животных. Вскоре я вспомнила, что ненавижу видеоигры, и удалилась. Джэйс и Чарли сделали вид, что обиделись, но быстро уткнулись в новую стрелялку для двух игроков, на которую поглядывали с тех пор, как открыли коробку.

Большую часть вечера я провела сидя на пуфике со стороны Чарли, наблюдая, как ребята самоотверженно защищают мир от... чего-то.

— Не понимаю, — наконец признала я, — это пришельцы или зомби?

— Очевидно, что это зомби-пришельцы, — ответил Джэйс, стреляя одному между глаз, чтобы мозги размазались по экрану.

— Зомби-пришельцы — главная угроза американскому укладу жизни, — серьезно сказал Чарли. — Специальный правительственный отряд занимается этой проблемой.

— А клоуны? — спросила я, когда мим разлетелся от взрыва гранаты.

— Клоуны просто злые, — сказал Джэйс. — Разговор окончен.

Я еще несколько минут наблюдала за резней на экране, прежде чем нехотя встать и отойти от Чарли.

— Куда ты? — спросил он, впервые за последний час оторвав глаза от экрана.

— Мне нужен тайленол³⁶. От всех этих гнилых мозгов у меня самой разболелась голова.

Я достала свою сумку из-за угла и начала рыться в ней. Там лежали жвачка, телефон, очки, горькие конфетки, салфетки, игрушечный щенок Энджел, ручка Алекса (видимо, теперь моя) и шоколадка из Белого Дома. Тайленола не было. Отлично. Я поставила сумку между Джэйсом и Чарли.

— Я иду на охоту за лекарствами. Кому-нибудь что-нибудь принести?

— Фанту, — рефлексивно ответил Джэйс.

— И мне тоже, — сказал Чарли, — и еще того печенья с красным изюмом посередине.

— И сэндвич с беконом, перцем и майонезом, — добавил Джэйс.

— И я такой же хочу. И еще, пожалуйста, кусок тыквенного пирога с кремом, только не с тем, который из банки, а с нормальным, из тьюбика.

И они говорили совершенно серьезно, вот что грустно.

Я ворчала всю дорогу до кухни, собираясь принести назад лишь напитки. Там я встретила старшего брата Чарли, поедавшего салат прямо из салатницы.

— Как жизнь?

— Харпер, — промычал он, и лишь поэтому я поняла, что он вообще заметил мое присутствие.

Я порылась в шкафу в надежде найти стаканы, которые парни не разобьют на миллион осколков своими корявыми руками, когда почувствовала чье-то присутствие у себя за спиной. Я дернулась влево, уходя от кулака, летящего мне в голову. Мои ноги немедленно подкосились, когда я влетела лицом в шкаф, но я успела вскинуть ногу вверх, отправив нападавшего в полет в сторону духовки. Мой ответный правый хук был остановлен, когда он схватил меня за запястье и прижал к шкафу.

— Теряешь хватку, Скаут, — хихикнул Тоби, отпуская меня.

Я вернула плечо обратно, точно зная, что к утру появится новый синяк.

— Простите, сенсей.

Конечно, наверное, это Тоби стоило извиняться, раз уж он напал на меня без всякой причины. Но этого можно было не ждать. Не то чтобы мне не нравился Тоби. В некотором смысле им можно было гордиться. Когда в школе он обрюхатил девчонку из группы поддержки, он сразу же женился и пошел в армию, чтобы поддерживать свою новую семью. Прослужив два срока в Ираке, он вернулся и устроился на работу в полицию. Когда его молодая жена бросила их, он сам взялся за воспитание Лэйна. И все это он делал, стараясь выглядеть как рок-звезда.

С другой стороны, он был высокомерным, мрачным и, в общем-то, шовинистом.

Тоби всегда помогал дяде Чарльзу в его школе боевых искусств, а после того, как вернулся из армии, фактически возглавил ее. Он всегда хотел, чтобы Джэйс и Чарли в совершенстве владели всеми приемами. Он подвергал их тяжким тренировкам и очень явно выражал свое разочарование, когда они не оправдывали его невероятно завышенных ожиданий. Если я показывала хороший результат, единственной его реакцией было невообразимое удивление.

Самое страшное оскорбление от Тоби — «Ты дерешься как девчонка!»

Самый большой комплимент — «А у тебя все-таки есть яйца!».

Мама испытала огромную гордость, когда восьмилетняя Скаут спросила, что такое яйца и почему так хорошо ими обладать.

— Если хотел настоящей драки, тебе нужно было напасть на кого-то из пацанов, — довольно язвительно сказала я.

— И какой бы мне был от этого толк? Это у тебя талант, а не у них.

Это было неожиданно.

— Ты считаешь меня талантливой?

Мне все еще казалось, что он сказал это, чтобы очень смешно пошутить над моими девчачьими боевыми навыками.

— Смеешься? — промямлил Тоби с полным пирога ртом. — Ты не такая сильная, как Чарли, не такая быстрая, как Джэйс, но твой оборонительный стиль борьбы — лучший, что я когда-либо видел. Будто ты знаешь, какой прием использует противник, еще до того, как он сам это поймет.

Он хвалил меня? Seriously?

Похоже, зомби-апокалипсис с пришельцами действительно приближался.

Я была рада, что Тоби дал мне возможность упомянуть кое-что, о чем я уже довольно долго думала. Я закусила губу, сосредоточила свой взгляд на сыром пятне в виде головы Авраама Линкольна, расплывшемся по потолку, и наконец выпалила:

— Я снова хочу начать тренировки.

Я занервничала, ожидая реакцию Тоби. Он был настолько же грубым и противным, насколько Чарли был добрым и дружелюбным. Я ожидала, что он посмеется или начнет мне высказывать за то, что я трачу его время.

— Seriously?

— Я давно об этом задумалась. — Если точнее, с того самого снежного дня в ноябре. — Я могу вступить в твой класс?

— Нет, не думаю. — Мое сердце сжалось. — Но я могу сам заниматься с тобой раз в неделю или около того. — Сердце снова затрепетало. Вышло даже лучше, чем я надеялась.

Мы обговорили удобное для нас обоих расписание, пока я делала пару сэндвичей с беконом.

— Слава богу, я умираю с голоду, — сказал Джэйс, забирая половину всего, что я принесла, когда вернулась в заднюю комнату.

Чарли быстро захватил вторую половину.

— Крем точно из тубика? Я ненавижу эту фигню из банки, она на вкус как проволока.

Я должна была привыкнуть к их хронической неблагодарности, но так и не привыкла. Кто я такая, по их мнению? Горничная, которая пляшет по первому требованию?

Неа, я так не думаю.

— Спасибо тебе большое Скаут, — язвительно сказала я, усаживаясь между парнями. — Как хорошо, что ты принесла нам еду.

— Спасибо, Скаут, — сказал Чарли, чмокнув меня в щеку. — Ты лучшая.

Ладно, может, я и готова плясать по первому его требованию.

— Ну как?

Чарли откусил большой кусок от пирога. Он вытаращил глаза, с трудом проглатывая этот кусок.

— Очень вкусно. — Он никогда не умел врать.

— Что я сделала не так?

— Ничего, пирог очень вкусный. Просто другой. Но по-хорошему другой.

Я отобрала у него тарелку и сама откусила от пирога.

— Черт, эти сливки скисли!

Джэйс резко захватил белую кислятину пальцем и распробовал ее до того, как я смогла его остановить.

— Отличная работа, Пола Дин³⁷, — смеясь, сказал он. — Я уверен, тыквенный пирог со сметаной будет хитом на всех праздниках в следующем году.

Я попробовала еще чуть-чуть и поняла, что он прав. Я перепутала взбитые сливки со сметаной. По крайней мере, Энджел не было рядом, чтобы поиздеваться надо мной за мои чудовищные кулинарные умения.

— Прости, — пробормотала я. — Я принесу тебе другой кусок.

Чарли вырвал у меня тарелку.

— Никуда не пойдешь. Я ж сказал, он вкусный.

— Тебе не обязательно...

— Скаут, заткнись, пожалуйста, и дай мне съесть мой пирог.

В итоге он все съел, со сметаной и всем остальным. Он делал вид, что ему нравится, но я понимала — это все лишь для того, чтобы не обидеть меня. Чарли был очень хорошим человеком и одним из моих лучших друзей. Он доверял мне и что угодно готов был сделать ради меня. Поэтому я чувствовала себя крайне виноватой, когда, вернувшись домой, раскрыла свою сумку и выложила содержимое на кровать.

Я надела наушники от айпода, пока запись в диктофоне перематывалась. Мне совсем не хотелось, чтобы Джэйс поймал меня.

Сперва я очень обрадовалась тем, что запись была довольно хорошего качества, несмотря на то, что велась из сумки. Иначе бы весь мой хитрый план оказался напрасным, и я бы не услышала, о чем они говорят, пока меня нет в комнате.

Затем заметила, какой у меня громкий и противный голос. Если он действительно так звучит, я поражаюсь, как люди вообще со мной разговаривают.

И в-третьих, оказывается, парни могут молчать очень долго. Я уже почти сдалась, пока, наконец, не услышала голос.

— Зачем она таскает ручку этого козла в своей сумке?

Да! Я мысленно поблагодарила мистера Бреннера за всю ту полезную информацию о человеческой психологии, которую он поведал нам на своих занятиях

— Я говорил, у них было совместное школьное задание, — сказал другой голос. Я была почти уверена, что это Джэйс, но их голоса были поразительно похожи. — Она просто взяла у него ручку и не вернула. Ничего в этом такого нет. Забей.

— Я просил тебя присматривать за ней? — Это точно был Чарли?

— Ну, я так и делал. — А это точно Джэйс.

— Ты не особо старался. — Это, по-любому, должен был быть Чарли, хоть я и никогда не слышала, чтобы он говорил так резко, особенно с Джэйсом. — Я клянусь, если он хоть пальцем ее тронул...

Позвучало нечто напоминающее рык. Сначала мне показалось, что это Чарли, но потом я вспомнила, что они играют в эту дурацкую игру.

— Кстати, о людях, которые должны держать свои лапы подальше от моей сестры...

— Мои лапы были в 300 милях от Скаут с самого августа. — Да, точно Чарли. И точно злой. — Я дождался вторника, чтобы приехать домой, только потому, что не хотел приближаться к ней. Не хотел, чтобы ты забивал свою симпатичную головку переживаниями, хоть и знаешь, что я никогда бы ей не навредил.

Я глянула на календарь. Последний экзамен Чарли был в пятницу. Я думала, он задержался, чтобы праздновать все выходные, но, похоже, я ошибалась.

— Ты знаешь, что я имел в виду. — Музыка из игры добавляла драматизма беседе. Ну, или это было мое ускоренно бьющееся сердце. — И ты знаешь, как она к тебе относится.

Он знал? О боже, нет. Нет, нет, нет, нет, нет.

— И ты знаешь, как я к ней отношусь.

Как он ко мне относится? Этого я не знала. Разве я не должна была этого знать?

— Она моя сестра. — Несмотря на помехи, я поняла, что Джэйс говорит сквозь зубы. Было не трудно представить, какое выражение лица у него было в тот момент. — В любом случае, у тебя же уже есть девушка.

У Чарли была девушка? С каких пор? И причем тут я?

Это была не та информация, которую я хотела получить, но она потрясла меня до глубины души. И смутила. И запутала.

Кто-то из них спросил:

— Что это было?

— Тоби и Скаут. — Голос Чарли. — Он убеждает ее снова начать тренировки.

— Как? Кидаясь в нее кастрюлями? — Ну, он почти угадал.

— Это же Тоби, кто его знает. Он все сделает, чтобы добиться своего. Считает, что его обязанность как вожака стаи — оберегать ее. Удивительно, что он не послал кого-нибудь следить за ней 24/7.

Вожак стаи? Что? И оберегать меня? От чего? От Алекса? Все знали, что он оборотень?

— Ну, он может расслабиться. Коулы уже свалили.

Ага. Они говорили про Алекса. Мне стало интересно, была ли я последним человеком в округе, узнавшим его секрет.

— Уверен?

— Абсолютно. В понедельник я прогулялся к их дому. Запах почти рассеялся. Они не появлялись уже больше одного полного цикла. Мы снова единственные шифтеры в западном Кентукки.

Я не дышала, мои глаза были все еще прикованы к календарю, и я не могла отвести их с того самого момента, как поняла, что полнолуние было в понедельник. Чарли ждал, пока пройдет полнолуние, прежде чем вернуться домой.

Потому что он был оборотнем. Чарли и Джэйс — оборотни.

Я глубоко вздохнула. Безумие какое-то. Мой брат не оборотень. Я бы знала.

Я сорвала календарь со стены и начала рыться в нем. Эту теорию было довольно легко опровергнуть, нужно было всего лишь вспомнить, когда я видела Джэйса человеком в полнолуние. Очень легко.

Или должно было быть легко. За 12 ночей последнего года, когда за окном была полная луна, я не могла вспомнить ни одной, когда что-то делала вместе с Джэйсом. Наоборот, я понимала, что в некоторые из них я его совершенно точно не видела.

В феврале он пропустил важную игру в бейсбол и всю ночь провалялся в постели, будучи смертельно больным. В апреле во время полнолуния он пошел с Чарли в поход. В сентябре он навещал бабушку после того, как ее выписали из больницы. В понедельник он вспомнил, что собирался кое-что купить, и в итоге провел ночь на Базе.

Все равно, это ничего не значило. Я не собиралась верить, что у моего брата есть вторая жизнь в виде мифического чудовища, без каких-то более существенных доказательств. Я вынула стопку книг из-под кровати и продолжила свои исследования больше по привычке, чем из необходимости.

Вскоре я уже собиралась достать следующую стопку, когда мое внимание кое-что привлекло. На внутренней стороне обложки одной из книг, которую я взяла в нашей библиотеке, была маленькая табличка.

«Посвящается памяти Джэйсона Энтони Хэйгана».

В нашем городке было принято посвящать книгу памяти умершего и сдавать ее в библиотеку. Мисс Нэнси считала это отличным способом поддерживать коллекцию без напряжения для бюджета библиотеки. Когда кто-то умирал, близкие всегда покупали книгу, которая каким-то образом напоминала им об ушедшем, и сдавали ее вместе с табличкой. Это вроде как символизировало память о человеке в сообществе.

Джэйсону Хэйгану была посвящена книга Джеймса Френка Доби «Голос Койота»³⁸.

Кусочки мозаики медленно собирались у меня в голове.

После небольшого диалога с собственной совестью я взяла ноутбук, который заблаговременно вынула из-под горы грязной одежды Джэйса, когда мы вернулись домой, и тайно взломала пароль к базе данных библиотеки.

Сначала я нашла некролог, в котором с прискорбием сообщалось, что Джэйсон Хэйган покинул этот мир 23 ноября. У него остались мать, брат и жена Ребекка Лоури Хэйган. Тогда еще никто не знал, что она на втором месяце беременности.

Наконец я нашла то, что искала. Заголовок статьи гласил — «Местный житель погиб ранним утром во время несчастного случая». Под ним красовалась фотография мужчины, с гордостью державшего за рога голову огромного оленя. Я никогда его не видела, но представляла, как в тот момент сияли его глаза. Мама всегда говорила, что Джэйс как две капли воды похож на отца.

«Джэйсон Хэйган (30 лет) из Тимбера был смертельно ранен случайной пулей в 4:36 утра в лесистой местности за городом, примерно в 15 милях севернее Принстона, — гласила статья. — Ройс Перлман заявил, что видел койота, приближавшегося к его охотничьему домику. Он осознал свою трагическую ошибку, когда добрался до места куда, по его мнению, убежал зверь. Хэйган скончался на месте.»

Клик-клик — мозаика сложилась полностью. Конечно, стая волков привлекла бы к себе внимание в западном Кентукки, но не койоты. Койотов всегда было полно. Папа готов был поклясться, что видел огромного койота на нашем заднем дворе прошлым летом.

О, скорее всего, это был Джэйс.

Конечно.

И само собой, это объясняло неприязнь между Алексом и Джэйсом. Мои исследования показали, что койоты и волки не сильно жалуют друг друга.

Итак, мой брат имел привычку раз в месяц превращаться в дикое животное. Я уже знала, такое случается с людьми. Это не сильно изменило мое отношение к Алексу. Если бы я была честной с собой (чего я не сильно любила делать), это сделало Алекса еще сексуальнее.

Но с Чарли и Джэйсом все было по-другому. Они стали чужими. Не теми мальчиками, которых я знала всю жизнь. Глубоко в душе я чувствовала, что меня будто бы предали.

Как они могли скрывать от меня такое?

Я начала злиться, потому что это была моя защитная реакция на душевную боль. Я не знала, что бы сделала, если бы меня не прервали. Наверное, начала бы орать на своего брата посреди ночи. Я собиралась сделать именно так, но тут мой телефон завибрировал.

ГЛАВА 10

Я недоуменно посмотрела на прикроватный столик. Кому придет в голову звонить в 2:47 ночи?

Высветился незнакомый номер, поэтому внутри меня начала зарождаться паника. Кто-то узнал, что мне известно. Кто-то следил за моим компьютером и понял, что я догадалась. И теперь меня хотели за это устранить. Или забрать в какую-нибудь колонию для малолетних хакеров, где мне придется делить комнату с покрытой татухами металисткой.

Я чуть не подпрыгнула, когда телефон издал короткий «бип». Я взглянула на новое сообщение:

«Снег идет».

Как странно.

Приставив руки к лицу, я высунулась из окна в морозную темноту. На улице было темно, хоть глаз выколи, но я могла различить снежинки в тусклом свете фонаря. И еще увидела парня, стоявшего внизу и смотревшего на меня.

К счастью, я додумалась потратить немного времени и накинуть на себя пальто и обуться, прежде чем выпрыгнуть на зимнюю улицу. Конечно, если бы я знала, что пойду гулять в лес, еще бы удостоверилась, что надела именно свои вещи. Алекс ничего не говорил, только улыбался, так, что мое сердце таяло. Когда он взял меня за руку и повел в лес по хорошо протоптанной тропе, я ему позволила. Само собой, я не полная дура, и понимала, что сбегать среди ночи в лес с оборотнем — не самая лучшая идея. Но почему-то меня это совершенно не волновало. Наверное, дело в гормонах, о которых предупреждала мама.

— Куда мы идем? — спросила я, нарушив молчание.

Он остановился и, посмотрев на мой дом долгим задумчивым взглядом, сказал:

— Здесь вполне неплохо.

«Здесь» — это пятачок в лесу, который ничем не отличался от всех остальных участков леса, мимо которых мы прошли. По крайней мере, там лежало поваленное дерево, и я могла на него присесть. Мои ноги ныли от всей этой беготни по лесу в ботинках Джэйса.

— Ну, — сказала я, присаживаясь на упругую ветку, — чем обязана визитом? Никто в Монтане не захотел погулять среди ночи?

Алекс сел ко мне достаточно близко, чтобы наши коленки касались.

— Не знаю, я так туда и не добрался.

— Ты за месяц не смог доехать до Монтаны? На чем вы ехали, на телеге?

— Почти. На фуре. Нам не удалось уехать дальше Эффингема. Это город в Иллинойсе. Их единственная достопримечательность — крест высотой в 60 метров.

— Значит, тебе наскучил твой гигантский крест, и ты подумал «О, а Скаут, наверное, не спит!».

— Почти. Я наконец-то уговорил Лиама подарить мне на Рождество то, чего я хотел.

— И что же.

— Вернуться домой, — сказал он. — У меня были кое-какие дела в этом районе, но я увидел твой дом и отвлекся.

Он посмотрел вниз, на свои ноги. Я заметила, что он носит ту же самую пару ботинок, несмотря на то, что купание в ручье сделало их менее удобными.

— Какие дела у тебя могут быть в три утра?

— Прости, не могу сказать.

— Это оборотничьи дела?

— Да, это оборотничьи дела.

Пару минут мы сидели в тишине. И снова я начала сомневаться в рациональности прогулок по ночному лесу с оборотнем. Удивительно, но страшно не было. Это же все-таки Алекс Коул. Парень, который все время улыбался и смеялся над моими шутками. Он мне ничего плохого не сделает.

Наверное.

— А твои дела никак не связаны с моим братом-койотом, правда?

Это привлекло его внимание.

— Он тебе рассказал?

— Значит, он правда койот? — Мне не понадобился ответ, я все поняла по его лицу. — Поэтому вы постоянно цапаетесь? Волки и койоты-оборотни кровные враги, или что?

Алекса, похоже, посмешило мое предположение.

— Кажется, корректнее было бы говорить «перевертыш» или «шифтер», — ответил он. — Койот-оборотень как-то не звучит.

Мои глаза сузились:

— Ты понял, что я имею в виду.

— Это правда. Нам сложно ужиться с родственными видами, но дело не в этом. Когда местная стая узнала, что мы здесь, они прислали несколько человек на переговоры. Мы пришли к соглашению, по которому нам было позволено остаться в городе. Если мы его нарушаем, у стаи Хэйганов появляется законная возможность сражаться с нами.

— И в чем была суть соглашения?

— Во время полнолуния Лиам и я не должны выходить за пределы оговоренной зоны. И нам нельзя общаться с теми, кого охраняет стая, особенно с тобой.

Стая защищает меня? Стоило догадаться, судя по всему, что я узнала во время своей шпионской миссии. Почему я? Что делает меня такой особенной?

— А кто были эти переговорщики?

— Вожак стаи, Джэйс и Чарли. — Алекс крошил в руках кусок сухой коры — Ты ведь знаешь, что твой парень тоже шифтер, да?

— Если ты о Чарли, то да, я догадалась, что он *шифтер*. Но к твоему сведению, он не мой парень.

— А ты уверена, что он об этом знает?

После всего, что узнала от Джэйса и Чарли, я, к своему ужасу, поняла, что не знаю, как ответить. Алекс был слишком занят куском коры, чтобы заметить, как я дергаюсь, словно рыба, выброшенная на берег. Наконец я выпалила:

— У него есть девушка! Он встречается с девушкой, и это не я.

— Это не помешало ему подарить тебе такой рождественский подарок, — сказал Алекс, присматриваясь к бегемотику, выглядывающему из под моего пальто.

— Откуда ты знаешь, что это подарок Чарли?

Алекс отодвинул от меня коленки, подавшись назад.

— Я чую его запах. Либо это его подарок, либо он носит твои украшения.

— Чуешь?

— Ты ведь знаешь, обоняние волка в сто раз сильнее человеческого.

— Ну да, знаю. — Я решила не говорить, что за последний месяц прочла о волках все, что смогла найти. — Просто не думала, что ты способен на это, когда, ну знаешь, ходишь на

двух ногах.

— Не всегда. У меня обостренный нюх только потому, что я превращался пару дней назад. Чем ближе полнолуние, тем сильнее наши волчьи черты и нюх, физическая сила и всякое такое волчье усиливается, а потом начинает постепенно угасать, и в новолуние мы ничем не отличаемся от людей.

Интересно.

— Значит, в полнолуние...

— Я слышу биение каждого сердца в классе и могу учуять пиццу за километр.

И впечатляюще.

— Ты будто обладаешь супер-силой.

— А превращение в волка типа не считается?

— Можно подумать, это делает тебя особенным, — дразнясь, сказала я. — Все, кого я знаю, умеют превращаться в какую-нибудь собаку.

Из горла Алекса раздался рокот.

— Собаку? — рыкнул он. Я заметила, как хищно блеснули его глаза, когда он двинулся на меня. Мое сердце ушло в пятки, а дыхание участилось, когда я приготовилась к столкновению с когтями и зубами. Я обхватила его, когда он всем телом накинута на меня, используя силу, чтобы перевернуть нас, и оказаться сверху. Затем сразу вскочила на ноги.

Тело на земле дергалось в конвульсиях. Я могла победить человека-Алекса, но с волком ни за что бы не справилась. Я начала раздумывать, смогу ли добежать до дома, пока он не успел полностью обратиться.

— Буду знать, как нападать на ниндзя, — сказал Алекс, тяжело дыша.

Он смеялся. Он не превращался в волка — он смеялся!

— Козел! — рывкнула я. — Я думала, ты станешь волком и съешь меня!

Я поддалась соблазну и пнула его ногой под ребра.

— Ай! Ты разве не знаешь, что лежачего не бьют?

— А ты разве не знаешь, что пугать девушек до полусмерти некрасиво?

— Я думал, ниндзя не знают страха, — сказал Алекс, поднимаясь и стряхивая с волос сухую траву и веточки. — И чтоб ты знала, я могу превращаться только в полнолуние. Я же не доминант.

— Доминант? — Любопытство пересилило мое возмущение.

— У шифтеров, как у диких животных, есть иерархия в стае. Чем сильнее волк, тем выше его социальный статус. Но у шифтеров это выражается не только в том, чтобы побить всех остальных волков. Ты должен контролировать своего внутреннего зверя. Каждый шифтер превращается в полнолуние. Хочет он или нет, от заката до рассвета нужно побегать на четырех лапах. А доминанты могут превращаться и в другие дни.

Алекс по-турецки сидел на земле, а я бегала вокруг него.

— Ты говоришь так, будто это повод для гордости. Зачем кому-то добровольно хотеть превратиться?

— Кроме высокого положения в стае?

Я покачала головой.

— Это трудно описать. Быть волком... потрясающе. Дело даже не в силе и не в супер-способностях. Когда бежишь по лесу, ты словно становишься частью природы. Люди не в состоянии понять, каково быть настолько свободным. Это опьяняет. — Он начал двигаться очень оживленно. — Погоня. Ты не поверишь, насколько это захватывает. В тот момент,

когда ты, наконец, настигаешь добычу, ты чувствуешь такое удовлетворение, что даже словами не описать.

Он был в восторге от одного только воспоминания об этом, а вот мне стало как-то дурно.

— Ты наслаждаешься убийством, — выдавила из себя я. — Тебя не волнует, что ты отнимаешь у кого-то ребенка, или брата, или мать... — Я запнулась на последнем слове.

— Ты думаешь, я убиваю людей?

Вместо ответа я решила съесть свою нижнюю губу.

— Как ты можешь так обо мне думать? — Он грациозно поднялся с земли и тоже начал бродить по пятаку. — А Джэйс, думаешь, тоже убийца? — Он остановился прямо напротив меня, и я напряглась, готовясь отразить атаку. — И какого черта ты поперлась со мной в лес, если, по-твоему, я убиваю людей?

Я сжала зубы и посмотрела ему в глаза, вместо того чтобы свернуться в клубок, чего мне очень хотелось.

— Так убиваешь?

— Зависит от того, являешься ли ты одной из этих чокнутых вегетарианок, считающих поедание мяса убийством.

— Нет.

Я выросла в маленьком городке на юге. Охота здесь почти что религия.

— Тогда нет, я не убийца.

— Значит, когда ты говорил про добычу...

— В основном это зайцы. Иногда мы вместе с Лиамом загоняем оленя.

— Зайцы и олени?

— Зайцы, и иногда олень.

— А людей?

— Я не чудовище, Скаут.

— Что насчет бездомных наркоманов?

— Что насчет них? — Он отодвинулся от меня, но я вцепилась ему в футболку. Она пахла словно «Waffle House»³⁹, сочетанием дыма и кипящего масла.

— Ты убил его, Алекс?

Он убрал мою руку и вернулся к упавшему бревну.

— Это важно?

Я вспомнила свои ощущения от лежания на земле под напавшим на меня человеком.

— Прошу, расскажи, что случилось.

— Я гнался за ним так долго, как смог. Когда он добежал до более людного места, пришлось отпустить его. В любом случае, я просто хотел убедиться, что ты в порядке. Я наблюдал с такого близкого расстояния, аж забыл, что должен прятаться.

Его серые глаза сверлили меня.

— Как ты поняла, что это я?

— По глазам.

Я бы где угодно узнала эти глаза.

— Знаешь, ты просто нечто.

Вместо ответа я покраснела.

— Я вернулся к тебе, а затем проследил его по запаху. Лиам приехал в город на рассвете и нашел меня, рыскающего вокруг палаточного городка в парке. Это его очень

разозлило. Он пытался запихнуть меня в джип, но я сопротивлялся. Ему пришлось ждать битых полчаса, пока я не превращусь обратно, и тогда я рассказал ему, что случилось. Пока приходил в себя, Лиам разобрался с делами. Когда я встал на ноги, было понятно, что тот мужик уже никому не навредит.

— Что сделал Лиам? — Мой голос звучал как-то отстраненно, будто вовсе не был моим.

— Он не стал нападать первым.

— Что он сделал? — В голосе совсем не было эмоций.

— Я не доктор, Скаут, откуда мне знать?

Я почти уже спросила в третий раз, хоть и понимала, что и он, и я не хотим больше слышать этих слов.

— У него была раздроблена рука, сломан нос, пара ребер. Он кашлял кровью, судя по всему, были какие-то внутренние травмы. Вроде ничего смертельного, но опять же, я не доктор.

Мои плечи опустились от облегчения.

— Как Лиам нашел тебя до рассвета? Он разве не оборотень?

— Конечно оборотень. Это наследственное.

— Но ты сказал, что в ночь полнолуния нужно быть волком от заката до рассвета.

— Лиам чихал на правила, — сказал Алекс с сухой улыбкой. — У него потрясающие способности к контролю. Когда ему было 14, он впервые полностью обратился не в полнолуние. А в шестнадцатилетнем возрасте уже мог превращаться в полдень перед новолунием. — В его голосе слышалась гордость и немного зависти. — Это, в общем-то, не должно быть возможным, но вернуть человеческий облик в ночь полнолуния так же невозможно.

Меня не удивило, что Лиам такой хороший оборотень. В отличие от Алекса, он был другим. Больше волком, чем человеком.

Алекс спокойно взял меня за руку.

— Ты замерзла, — сказал он, приняв мою дрожь за реакцию на холод. — Может, нам стоит вернуться?

Да шас.

— Все нормально. Я вся горю от желания задать тебе все накопившиеся вопросы, и потому мне тепло!

— Все вопросы, значит... — Он попытался казаться отстраненным, но я все-таки заметила ямочки на его щеках.

— Минимум миллион вопросов, и я буду стоять здесь все ночь, если это значит получить на них ответы. Если, конечно, ты сам не замерз.

Годы жизни с Чарли и Джэйсом научили меня, что лучший способ заставить парня что-то сделать — поставить под вопрос его мужественность.

Судя по его лицу, Алекс не был исключением.

— Я не замерз. По сравнению с Монтаной тут просто жара.

— Значит, ты останешься и ответишь на мои вопросы?

В этот момент Алекс показался мне очень уставшим.

— Я попробую.

Для меня этого достаточно.

— Значит, быть оборотнем, или шифтером, или как там, это наследственное, так?

— Да.

— Значит, дети Джэйса во время полнолуния смогут превращаться в койотов?

— Его сыновья начнут превращаться в подростковом возрасте. Это один из признаков взросления, как ломающийся голос и волосы на груди.

— Только мальчики? Девочки не могут быть оборотнями?

Как-то это нечестно.

— Девочки редко рождаются носителями этого гена. Большинство не выдерживают первого превращения, если, конечно, вообще доживают до него.

Мне не понравилось, как он сказал «если вообще доживают».

— Почему они не доживают?

— У девочек-шифтеров ненормально высокий уровень детской смертности. Скорее всего, из-за изменений, которые происходят в организме оборотня, — сказал он, словно процитировав учебник. Он часто так делал, когда мы обсуждали наши статьи. Это значило, что он не верит ни единому произнесенному слову. Это странно. Зачем говорить мне что-то, во что сам не верит? И если девочки не умирают от какой-то аллергии на оборотничество, то отчего тогда? Не зная было обидно, но я побоялась расспрашивать, так как Алекс мог отказаться отвечать на остальные вопросы.

— Это больно? Имею в виду, превращение?

Алекс ослабил хватку и почти отпустил мою руку.

— Поначалу. Тогда я думал, что умру, так и не превратившись до конца, но потом все встает на свои места, и к этому привыкаешь. Теперь это больше неприятно, чем больно.

— Как это работает? Люди и волки, они ведь совсем разные. У волков больше зубов, и органы меньше, и, в конце концов, есть хвост! А койоты, они же очень маленькие! Куда деваются еще 50 кг Джэйса, когда он становится койотом? Или он просто самый большой койот в мире? — Моя речь вызвала у Алекса смех. — Что смешного?

— Хочешь, чтобы я объяснил магию?

Конечно, я хотела.

— И старайся объяснять как можно более научными терминами.

Он улыбнулся одной из тех улыбок, которые заставляли мое сердце пропустить удар.

— Я догадывался, что ты об этом попросишь, — сказал он, засовывая руку в карман пальто. — Поэтому вот.

— Что это? — спросила я, смотря на сверток, который он вложил мне в руки.

— Твой рождественский подарок. Я сам его упаковал.

Само собой. Только у парня уйдет половина мотка скотча и 5 метров оберточной бумаги с покемонами, чтобы упаковать один подарок.

— Я думала, ты не планировал сегодня со мной видиться.

— Я и не планировал.

— Значит, ты просто таскал подарок в кармане, на случай, если вдруг встретишь меня посреди ночи?

Алекс склонил голову и исподлобья посмотрел на меня:

— Обещай, что не будешь кричать.

— Нет.

Его смех эхом прокатился по лесу.

— Обещай попробовать не кричать на меня.

— Ладно, я очень постараюсь, — согласилась я.

— Я собирался пробраться к тебе в комнату и оставить подарок. — Он пробубнил это так быстро, что я не сразу поняла, что он сказал.

— Ты собирался вломиться ко мне в дом?

— Ты живешь в нескольких километрах от Тимбера, Кентукки. Я бы просто вошел в открытую дверь, это не взлом.

Не совсем логично, но меня больше волновал бардак в комнате. Там ведь на самом видном месте валялось нижнее белье.

— Хорошо, что твой план не сработал, — произнесла я — Моя комната прямо рядом с комнатой Джэйса. Тебя бы точно сцапали.

— Я вообще-то хотел с Джэйсом поговорить, сказать ему, что мы вернулись. А потом бы сказал, что случайно вошел в твою комнату.

Это, конечно, очень хитрый план, но я не стала разрушать его фантазии и рассказывать, почему Джэйс легко бы раскусил его.

— Здесь и записки нет, — заметила я. — Как бы я узнала, что это от тебя?

— Сними обертку.

Потребовалось какое-то время, чтобы прорваться через скотч, но, в конце концов, моему взору предстала желтая обложка, на которой был изображен странный зверь, напоминавший одновременно Лесси⁴⁰ и Чубакку⁴¹.

— «Вскрытие оборотня». Пи Джэй Смит.

Он думал, бульварная книжонка удовлетворит мое любопытство?

— В 1955 году оборотень по имени Джордж МакПирсон обратился к ученому в университете Кембриджа. После двух лет экспериментов и наблюдений доктор Смит явил свой научный труд миру, и весь мир над ним посмеялся. Хотел бы он предъявить доказательства, но Джордж почему-то исчез как раз перед публикацией работы. В конце концов, Смит смог издать ее ограниченным тиражом как художественное произведение. Возможно, ты держишь в руках последнюю копию книги, которая рассказывает правду об оборотнях.

— А где ты ее взял?

Если книга была такой редкой, во что я могла поверить, у него, наверное, ушло много времени на ее поиски. Или ему повезло на eBay.

— Она принадлежала моему отцу. Так что я технически ее передариваю.

В моем шкафу лежало множество вещей, оставшихся от матери. Ее любимые пластинки и книжки, украшения и свадебное платье. Ничего такого ценного, но эти предметы важны для меня, и я никогда бы с ними не рассталась.

— Я буду хорошо о ней заботиться, — сказала я, аккуратно перелистывая странички, словно это было святое писание. Мои глаза останавливались на словосочетаниях вроде регенерация мышц, сплав костей и страстные объятия.

Страстные объятия?

— Это все правда? — спросила я, пробежав глазами через параграф, описывающий трудности поцелуев с клыками.

Алекс глянул через мое плечо.

— Не совсем. Вот эта чушь про любовь и поцелуи — полный бред, ее добавили в издательстве. Но многостраничное описание анатомии и механики превращения с настолько научными терминами, насколько возможно, — правда. Правдивее ты вряд ли найдешь.

У меня в руках были все ответы, которые я так отчаянно искала весь последний месяц.

С тех самых пор, как я узнала, кем является Алекс, весь мой мир стоял на ушах. Я всегда находила покой в логике и здравом смысле. Обратни противоречили и тому, и другому.

Алекс дал мне возможность превратить невозможное во что-то, что можно изучить и объяснить. На мои глаза навернулись слезы.

— Спасибо.

— Рад, что тебе понравилось. Надеюсь, та часть нашего вечера, в которой ты меня допрашиваешь, окончена?

— Пока не знаю. — Я бережно положила книжку на колени и, собравшись с духом, взяла его за руку. — Доктор Смит случайно не описывает анатомию вампиров?

— Вампиры? Ты серьезно? Ты веришь в вампиров?

— *Оборотень* спрашивает, верю ли я в вампиров.

Улыбка Алекса стала еще шире.

— Аргумент.

— Значит, вампиров не существует?

— Насколько я знаю, это просто легенды.

— Как насчет фей? Призраков? Ведьм? Зомби? Единорогов?

Он сжал мою руку и придвинулся так близко, что я облокотилась на него. Мое сердце остановилось, и я боялась, что мозг последует за ним.

— Или гномики? Может, гномики существуют. Гномики существуют?

— Гномики? Не думаю. — Мы сидели так близко, что я чувствовала его теплое дыхание на моей щеке. — Я никогда не видел призрака, но не исключаю возможности. Есть женщины, которые обладают сверхъестественной силой, но они называются Провидицами.

— Провидицы? Что-то вроде экстрасенсов?

— Только самые сильные из них видят будущее. Большинство просто путешествует по снам, могут видеть прошлое или то, что происходит за сотни километров от них, пока они спят. Некоторые могут прочесть твои мысли и эмоции, узнать твои секреты, только дотронувшись до тебя. Провидица, служившая стае моего отца, могла видеть все места, где побывал предмет, если она держала его обеими руками.

— *Служившая* стае твоего отца?

Я конечно, не феминистка, которая не бреет ноги в знак протеста против патриархального общества, но мысль о том, что женщина *служит* стае мужиков, заставила меня вздрогнуть.

— Я не имел в виду в плане секса.

Гадость. Я об этом и не подумала, но теперь картинки четко стояли у меня перед глазами.

— Что ты тогда имел в виду?

— Провидицы очень важные и почитаемые члены стаи. Понимаешь, оборотничество у нас в крови, но если у оборотня рождается сын, он знает, что тот тоже станет оборотнем, когда вырастет. А дочь Провидицы может и не стать Провидицей. Они очень важны для нашего выживания, но соотношение между Провидицами и оборотнями, возможно, даже меньше, чем одна к десяти.

Алекс посмотрел на меня, будто ждал чего-то.

— Почему они важны?

— У них разные способности, но все Провидицы могут общаться с нами, пока мы находимся в форме животного. Они могут предупредить нас, если кто-то подходит слишком

близко к территории, на которой мы охотимся, или дать знать, если один из нас попал в беду. Это гораздо эффективнее, чем система рыков и воя, которую используем мы с Лиамом.

— Значит, Провидицы владеют телепатией?

Моя жизнь постепенно превращалась в ужастик на канале Syfy⁴².

Я была почти права. Выяснилось, что Провидицы могут передавать сообщения оборотням, когда те обратились, и общаться с альфа-самкой, где бы она ни находилась.

— Думаю, сейчас ты хочешь знать, кто такая альфа-самка? — спросил Алекс, выдержав драматическую паузу.

— Нет, спасибо. Я уже это знаю.

— Правда?

— Правда.

— Тогда просвети меня! — со смехом сказал он, а я совершенно уверенно ответила:

— Это жена вожака стаи.

— Прости, но ты не права.

Что? Нет, права. Я прочла кучу книг, я знала, кто такая альфа-самка.

— Почему?

— Потому что не права.

Кажется, ему это доставляло удовольствие.

— Так ты мне расскажешь?

— А волшебное слово?

Он бесит!

— Алекс, дорогой, пожалуйста, расскажи мне, кто такая альфа-самка.

— Конечно, солнышко.

Следующие десять минут я слушала лекцию о социальной структуре стаи в исполнении профессора Алекса Коула, чудо-мальчика-оборотня. Упрощенно она выглядела вот так: новые, слабые шифтеры, затем шифтеры постарше, вожаки стаи, провидицы и стая альфы, а самыми главными являлись альфа-самец (оборотень) и альфа-самка (Провидица).

— А где находится штаб оборотней? — спросила я, когда стало можно задавать вопросы. — Они управляют своим королевством из Бэт-пещеры под Пенсильвания-авеню, 1600⁴³?

— Он больше похож на особняк Уэйнов и находится в Румынии.

— В Румынии?

— Альфы контролируют всех оборотней в мире, у них есть дома почти в каждой стране, где есть популяция шифтеров, но главный дом — в Румынии.

— База оборотней находится на родине Дракулы?

— Иронично, правда?

— По крайней мере, они никак не могут повлиять на то, что происходит здесь, — сказала я. — Да они, наверное, даже не знают, что по маленькому графству в Кентукки бегают стаи оборотней. Наверное, даже не знают, что такое графство существует.

— Они знают, где живет почти каждый шифтер и каждая Провидица на земле, — ответил Алекс с серьезным лицом. — Альфы помешаны на бюрократии. Например, если я и Лиам нарушим наше соглашение со стаей Хэйганов, прежде чем принять ответные меры, им нужно будет послать петицию Альфа-Стае.

— Какие еще меры? Драться с вами и выгнать вас из города?

Он замялся, прежде чем ответить:

— Альфы устанавливают правила. Если бы это был спор о территории, они бы объявили состязание между вожаками стай. Когда соглашение нарушено, виновные изгоняются, или же их убивают.

Убивают? Алекса и Лиамы могут убить за то, что Алекс перешел черту и общается со мной?

— Хэйганы не убийцы. Они не стали бы делать ничего подобного.

— У нас очень строгие законы, и все оборотни обязаны им следовать. Если бы они не подчинились, им бы самим грозила казнь. Альфы не терпят неповиновения. Все, кто не исполняет приказов или представляет угрозу, либо умирают, либо всю жизнь проводят в бегах.

— Тогда зачем ты вернулся? Зачем так рисковать? Разве вы не могли найти место, где нет никаких других стай?

Он прикоснулся руками к моему лицу, стряхивая пальцами снежинки с моих ресниц.

— Ты знаешь, почему я вернулся.

Мое сердце попыталось выскочить из груди.

— Из-за жареной курицы, которую подают в местных закусовых?

— Я вернулся к тебе, Скаут.

Я должна была сказать что-нибудь. Что-то умное. Что-то потрясающее. Что-то, что сделает этот момент идеальным.

— Надеюсь, снег не кончится.

Это не совсем то, чего я хотела.

Алекс нервно засмеялся. А может, это мои уши слишком нервничали. И все остальные части моего тела тоже.

— Скоро закончится, — сказал он. — Циклон уходит.

— Клевая супер-сила. Я не знала, что волки так хорошо чувствуют погоду.

— Да, я забыл сказать, это врожденный талант оборотней — смотреть прогнозы погоды. — Ямочки Алекса полностью видно, когда он хмыкал. — Это наш самый ценный дар.

Я дура.

— Ты что, дуешься? — спросил он, когда я ничего не ответила.

— Нет, — соврала я. Я не могла себя заставить посмотреть на него, поэтому задрала голову в черное небо, с которого падали белые хлопья. Мой взгляд остановился на пучке зелени, овивавшем одну из веток у кроны дерева.

— Что это? — спросил Алекс.

— Что это? — переспросила я, надеясь, что он не заметит, как трясутся мои руки. Чувствовала себя глупо из-за того, что ком травы вызвал во мне такие судороги.

— Эта зеленая фигня. Это же...

— *Phoradendron serotinum*?

— ....омела⁴⁴?

— Ага. Омела. — Всего два слова, а мне пришлось приложить все силы, чтобы выдавить их из себя.

— Ты уверена?

Я утвердительно кивнула головой.

— Омела в снежную Рождественскую ночь.

Алекс взял меня за подбородок и повернул мое лицо к себе.

— Кажется, я обязан кое-что сделать.

Я просто сидела и слишком нервничала, чтобы дышать. Он медленно наклонился, так, что мы почти касались носами.

— Я сейчас тебя поцелую, Скаут, если, конечно, ты меня не остановишь.

Я придвинулась ближе.

Его поцелуй был мягким, робким и длился меньше, чем бы мне хотелось.

Мои губы потянулись за вторым, и он ответил, прижавшись ко мне, отчего у меня закружилась голова.

— Привет, — сказал Алекс, когда наши лбы коснулись, а его руки все еще были прижаты к моему лицу.

— Привет, — ответила я, прежде чем чмокнуть его в верхнюю губу. — Я рада, что ты вернулся.

ГЛАВА 11

Больше в те зимние каникулы ничего не происходило, и мне было грустно. Я поняла, что Джэйсу сообщили о возвращении Коулов, когда он стал замкнутым и раздражительным. Чарли много времени проводил у нас дома, но я его почти не видела. Чаще всего он запирался с Джэйсом в его комнате. Я была совершенно уверена, они часто тихо о чем-то спорили. Я пыталась подслушивать, даже прикладывала стакан к стене, но так и не услышала ничего важного.

Когда наконец-то начались занятия в школе, мое воссоединение с Алексом прошло не совсем так, как я представляла. Он не вошел в класс мистера Бека, не улыбнулся и не сказал, что скучал по мне. Он вообще не посмотрел в мою сторону. Само собой, нам надо было оставаться осторожными, и он не мог, обняв меня за талию, повести меня в театр на занятия театрального кружка.

Так что я была не против, когда он начал общаться со всеми, кроме меня, объясняя, что с родственниками у них не сложилось. Я не ревновала, когда другие девчонки его обнимали и были рады его возвращению. Я могла такое пережить. Это нормально.

Тем не менее, когда Эшли Джонсон прижалась к нему и начала водить пальцем по его груди, я поняла, что мне это не нравится. Это было ненормально.

Какого черта он творит? Как он может стоять там, рядом с ней, после всего, что между нами было? После нашего поцелуя. Прошло уже больше недели, а я все еще помнила его вкус. Неужели та Рождественская ночь значила для меня больше, чем для него?

— В чем твоя проблема? — спросила Талли, усаживаясь рядом со мной.

— Кто тебе сказал, что у меня проблемы? — ответила я, яростно копаясь в сумочке в поисках ручки. Видимо, все мои ручки украли гномики.

— Обычно ты не измываешься над бедной Тори ради смеха.

— Я просто попросила ее отойти.

— Ты сказала ей свалить нахрен с дороги и, судя по твоему виду, едва не вырвала из ее груди еще бьющееся сердце. Еще чуть-чуть, и ей пришлось бы менять штаны.

Я посмотрела туда, где Тори Элисон сжалась в уголке со своими творческими друзьями. Когда наши взгляды встретились, она испуганно пискнула и отвела глаза.

Ну, блин.

— Почему ты всегда такая грозная?

— Я грозная?

— Большинство считает, что да, — ответил Алекс. Он стоял совсем близко, ожидая, что я его пропущу. Я решила его проигнорировать. Больше эти искрящиеся глаза и ямочки меня не обманут.

Как Алекс ответил на мое равнодушие? Он наступил мне на ногу. Я прокляла собственное тело за такую восхищенную реакцию на его руки, обхватившие меня, когда он пошатнулся.

— Прости, — сказал он, посмотрев прямо на меня. Он сжал мою коленку, и я поняла, что это не просто извинения за отдавленный палец. Я решила не прощать его чуть дольше.

— Просто чтоб больше такого не было. Никогда.

Его пальцы легонько провели по моей руке.

— Честное пионерское.

Тогда началось нечто, что мне хотелось назвать игрой в Секретные Отношения.

Правила очень просты. Игроки должны касаться друг друга как можно чаще и при этом не показывать окружающим, что они интересуют друг друга. Речь шла так же о случайных взглядах, случайных столкновениях рук, ног или других частей тела, а так же непростительного количества электронных писем, сообщений и традиционных неподписанных записок в шкафчиках. Иногда мы с Алексом попадали на бонусный уровень и оказывались вдвоем в кладовках, комнатках с реквизитом или каморке уборщика. Эти бонусные уровни также включали бешеные поцелуи, безумные руки и бесконечный страх, что кто-нибудь может зайти в любой момент и заметить наши взъерошенные волосы и опухшие губы.

Для кого-то, кто никогда не играл в секретные отношения, это может показаться милым и романтичным. Иногда так и было. Но это было потрясающе трудно. Каждое прикосновение, каждый поцелуй напоминали мне, как их мало и как сильно я хотела больше. Мы постоянно переписывались, но я жаждала настоящего общения. Миссис Соул больше не требовала от нас статей, и таким образом мы лишились совместных вечеров в библиотеке. А еще всегда существовала опасность, что нас обнаружат.

Когда я вспоминала, чем мы рискуем, я ненавидела себя за то, что позволяю этому продолжаться. Как я могла ставить жизнь Алекса под угрозу ради нескольких мимолетных поцелуев? Каждую ночь я клялась и собиралась прекратить. А на следующий день приходила на математику, а в кабинете сидел он и смотрел на меня и одновременно не смотрел, и я просто не могла этого остановить. Я хотела его. Это было беспечно и глупо, но я хотела его и не могла просто так оставить и уйти.

Каждый день я мечтала хотя бы денек провести с Алексом без необходимости постоянно оглядываться. И через пять недель мое упорство оправдалось. Было субботнее утро, что для меня значило свернуться в клубочек на диване с тарелкой хлопьев в руках и диснеевскими мультиками по телевизору.

Я вежливо попыталась уберечь милого доктора Фуфелшмертца⁴⁵ от того, что Перри Утконос сейчас вновь сорвет его гениальные планы, когда кто-то постучался в дверь. Я нажала на паузу и поставила тарелку на тумбочку. Я была уверена, что это наш сосед мистер Робертс. У него была привычка заводить длинные пространные беседы, которые начинались с погоды и заканчивались глупостью его жены, по пути затронув все остальные возможные темы. Пока он закончит говорить об обсадках и прошлогодних урожаях табака, мой завтрак скиснет.

— Минуточку! — крикнула я, мгновенно почувствовав неловкость за свой раздраженный тон. Мне надо было работать над собой и стать более приветливой. Мистер Робертс хороший человек, просто одинокий. Мне надо быть добрее.

Я растянула лицо в милой улыбке и открыла дверь.

— Хотя бы кто-то рад меня видеть, — сказал Алекс. С ухмылкой он отметил мой внешний вид — две тонкие косички, пижаму с единорогами и розово-желтые полосатые носки. — Доброе утро, красавица.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, дико мотая головой и ожидая, что Тоби может прятаться за любым кустом.

— Ты разве не рада меня видеть?

Конечно рада. Я была просто в восторге. А еще была смертельно напугана.

— Уговор, Алекс. Разве твое присутствие здесь не нарушает его?

Он нахально улыбнулся.

— О чем Хэйганы не узнают...

— То тебя и не убьет?

— Не разводи драму. Никто меня сегодня не убьет, хотя я, конечно, могу замерзнуть насмерть у тебя на пороге.

Он с надеждой посмотрел на меня.

Я могла оставить его там. Должна была оставить его там. Заставить его уйти и объяснить, что я не стою всех этих забот. Конечно же, я ничего этого не сделала.

Было что-то...правильное в том, как Алекс смотрелся в моей прихожей, облокотившись на столик, который мама купила на блошином рынке.

— Скажи, почему я слышал от Тинсли Хенсон, что родители Джэйса просили его поговорить с приемной комиссией в Луисвилле на этих выходных? — спросил он.

— Я не знала, что тебя интересует поступление моего брата в колледж.

— Неа. В отличие от остального западного Кентукки, мне совершенно плевать, в какой универ пойдет твой брат. Но мне не плевать, что ты будешь дома одна все выходные.

Он подобрался ко мне за два коротких шага и положил руки на бедра. Мои руки автоматически легли ему на плечи.

— Я подумал, тебе будет одиноко.

Я хотела ему сказать, что он ошибается, но мои губы были заняты чем-то другим. И если бы я об этом упомянула, возможно, Алекс не прикусил бы мне язык, когда услышал, как кто-то кричит мое имя с лестницы.

— Ой. — Я дернулась. У него острые зубы.

Алекс выпучил глаза.

— Ты не одна?

— Нет, здесь Энджэл, — ответила я. Мой язык немного болел. — Я не превращусь в волка, верно? — Книжка доктора Смита три раза уточняла тот факт, что ликантропия — наследственное качество и не передается через укусы. Но я должна была быть уверена.

— Шифтерами рождаются, не становятся.

В этот момент в проходе, который вел из прихожей на кухню, появилась моя младшая сестра. Она уже собралась устроить истерику по какому-то поводу, но заметила, что мы дома не одни.

— Алекс! — вскрикнула она и побежала к нему.

— Энджел! — Он схватил ее и заключил в медвежьи объятия и как-то по-медвежьему зарычал. Это было что-то вроде трогательного воссоединения, которые обычно происходит в конце фильмов, где ребенок возвращается в семью после опасного приключения с говорящими собаками и мышами. В реальной жизни это было еще более раздражающее зрелище.

— Алекс зашел взять тетрадку по театральному кружку, — сказала я. — Он уже уходит. Алекс поставил ее на пол, положив руку на ее прилизанную головку.

— Уходит? Нет! Я его не видела сто миллионов лет! — Она дважды медленно моргнула небесно-голубыми глазами и оттянула уголки рта в низ, выпячивая нижнюю губу. Фирменное жалостливое лицо Энджел Донован. — Можешь еще побыть с нами? Ну пожаааалуйста!

Без сомнения, он сдался. Чтобы сопротивляться такому жалостливому лицу, надо было тренироваться годами, и даже у нас не всегда получалось.

— Думаю, я могу еще немного посидеть.

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказала я, прервав восторг Энджел.

— Почему нет?

— Ты знаешь почему.

Она подумала об этом пару секунд.

— Ну, Джэйса же здесь нет. Он и не узнает.

Алекс загадочно улыбнулся, как бы говоря «Я об этом и толкую».

— Но он же узнает, когда вернется домой.

Сестра уперлась руками в бока и встала в известную позу:

— Я ему не скажу. А ты?

— Конечно нет.

— Ну и хорошо. — Ее победная улыбка отразилась на лице Алекса. — Пойдем, Алекс.

Я хочу тебе кое-что показать.

Энджел провела Алекса по дому, по пути рассказывая ему о размеренной жизни семейства Донован. Я хотела пойти переодеться, но Алекс был решительно против. Он потянул меня за косичку, мотивируя это своей внезапной любовью к единоорогам.

После экскурсии по первому этажу Энджел завела его наверх и остановилась перед первой дверью справа.

— Это моя комната, — сообщила она, берясь за ручку двери.

— Ты не захочешь туда заходить, — предупредила я.

— Я готов ко всему, что может быть в комнате семилетней девочки.

— Как хочешь. — Я прислонилась к дальней стене и стала ждать начала шоу.

Много времени это не заняло. Раздался жуткий мявк, за которым последовал крик. Спустя миг белый комок вылетел из комнаты и устремился вниз по лестнице. Моя сестра погналась за ним настолько быстро, насколько позволяли маленькие ножки.

Алекс стоял в дверях, потирая красную отметину на шее.

— У нее есть кошка, — сказал он, когда я повернулась.

— Ага, есть.

— Кошки не любят шифтеров.

— Я уже поняла.

Я подошла к нему.

— Ты могла бы меня предупредить, — сказал он, отходя в коридор.

— Я говорила, не стоит тебе туда входить. — Я сокращала расстояние между нами. — Как твоя шея?

— Думаю, надо поцеловать, чтобы все прошло.

Я коснулась его шеи губами и позволила его теплу накрыть меня.

— Что вы делаете? — Голос Энджел остудил меня, как ведро ледяной воды.

— Я осматривала царапину, которую твоя злая кошка оставила на шее Алекса. Надеюсь, он не заразится лихорадкой злых кошек.

— Ты осматривала царапину ртом?

Черт.

Она могла держать язык за зубами насчет незваного гостя, но после того, как увидела меня, целующую злейшего врага нашего брата в коридоре? Она расскажет всем, кто будет слушать.

Черт черт черт.

Я отчаянно перебирала мысли в голове — объяснение, взятка, диверсия — что угодно,

что поможет исправить ситуацию.

— Ты хочешь бисквитики?

Неа, всяко не сработает.

— У нас есть бисквитики?

А может, и сработает.

— У нас есть смесь. Я тебе испеку.

На лице Энджел проявилось нечто похожее на ужас:

— Ты хочешь испечь мне бисквитиков?

— Конечно. Будет весело.

— Я думал, ты полный ноль в кулинарии, — сказал Алекс, опершись рукой на дверной косяк. Он был совершенно спокоен, в то время как я приближалась к нервному срыву.

— Я могу напечь бисквиты из смеси, — сказала я чуть грубее, чем рассчитывая. Он мог хотя бы притвориться, что мы тут столкнулись с серьезной проблемой.

— Но ты все спалишь! — заныла Энджел. — У тебя все подгорает! Даже тосты.

Я теряла терпение. Мысль об убийстве сестры уже не казалась такой дикой. К счастью, Алекс пришел Энджел на помощь.

— Так уж вышло, что я не только хорош собой, но еще и мастер по выпечке, — сказал он. — Но мне понадобится помощь.

Алекс и Энджел не следовали инструкциям на коробке. Когда я попыталась указать им на это, Алекс сказал, что кулинария — это искусство, а он художник, который творит сам, а не рисует картинку по номерам. Я надеялась, что результат его творческого подхода будет хотя бы издалека похож на сделанные по номерам бисквиты.

— Как насчет этого? — спросила Энджел, держа в руках полупустой пакет шоколадной крошки и такую же упаковку с арахисовым маслом.

Алекс залил немного шоколадного сиропа в чашку, пока раздумывал.

— Как ты относишься к арахисовому маслу, Скаут?

— Оно не входит в рецепт, — сказала я, размахивая пустой синей коробкой.

— Ты всегда следуешь правилам?

— Всегда, — сказала моя всегда готовая помочь младшая сестра. — И она любит арахисовое масло.

После добавления еще десяти изначально не входивших в рецепт ингредиентов, безумные повара объявили, что их творение можно ставить в духовку. Мы сидели в кухне и слушали о драмах и интригах первоклассников, когда воздух наполнился пьянящим запахом. Алекс держал меня за руку под столом, водя большим пальцем по моей коже.

Бисквит получился гораздо лучше, чем я ожидала. Мы даже не стали резать его на квадратики. Алекс выкатил поднос с тремя ложками в центр стола и поручил мне разлить молоко в стаканы.

Я заметила, что Энджел понюхала молоко, прежде чем его пить.

Беседа прервалась, и если не считать периодических выкриков «вкуснятина», за столом было тихо. Энджел пристально смотрела на Алекса, но я не придавала этому значения. Она никогда не скрывала своих чувств к нему.

Я должна была догадаться, что произойдет. Должна была посмотреть на происходящее ее взглядом и вспомнить, что бог создал младших сестер, чтобы измываться над старшими. Она задала этот вопрос с той же интонацией, с которой люди просят передать что-нибудь за столом или спрашивают, как прошел день в школе. Но ей не нужна была соль, и она не

хотела узнать, будет ли внезапная контрольная. Вместо этого она спросила Алекса:
— Ты влюблен в мою сестру?

ГЛАВА 12

Шокированная, я забыла, как есть, и кусочек бисквита выпал у меня изо рта.

— Разве это не очевидно? — Алекс выглядел лишь слегка удивленным.

— Ты смотришь на нее круглыми глазами. — Поучительный тон и напускная мудрость Энджел показались бы мне забавными, будь я в настроении. — У мальчиков круглые глаза только когда они влюблены.

— Глаза всегда все выдают.

Они понимающе кивнули друг другу. Внимание Алекса было сконцентрировано на лице Энджел, поэтому он не видел, как мое окрасилось от неловкости. Но оттого, что его шея была настолько же красной, как мои щеки, мне было немного легче.

— Ты ей тоже нравишься, — продолжила Энджел.

— Ты уверена?

— Конечно. Когда ты рядом, она улыбается, а обычно она вот такая. — Энджел сдвинула брови, вытянула губы и сузила глаза.

— Мое лицо не выглядит так, словно я целыми днями ем лимоны.

И откуда она все это берет?

Сестра меня проигнорировала.

— А еще она присосалась к твоей щеке, как вампир. Значит, ты ей нравишься.

Вся кровь прилила к моему лицу, и все съеденные бисквиты собрались вернуться обратно. Я едва слышала слова Алекса:

— Скаут, что ты делаешь? — заглушаемые ревом в моих ушах.

— Жду, пока земля разверзнется и поглотит меня, — сказала я приглушенно, приложившись лицом к тяжелому дубовому столу.

— А это признак того, что я ей нравлюсь, или нет?

Готова поклясться, я слышала, как он улыбается.

— Это просто значит, что она странная. — Я подняла голову, чтобы зыркнуть на нее. — Видишь? — сказала она. — Лимонное лицо.

Затем они обсуждали достоинства и недостатки моего лимонного лица, и что может стать причиной этого выражения. Когда я больше не смогла сохранять не-лимонное выражение, я покинула кухню, гордо подняв голову.

Алекс мгновенно появился рядом со мной.

— Эй, ты же не обиделась?

Еще как!

— Нет.

— Она врёт, — сказала Энджел откуда-то сзади.

Алекс наклонил голову и посмотрел на меня сквозь ресницы.

— Прости, если мы задели твои чувства. — Его руки обхватили мои пальцы. — У тебя очаровательное лимонное лицо, и мне нравится, что ты улыбаешься только для меня.

— Ты ее сейчас поцелуешь? — Энджел чуть ли не на головы нам залезла, соорудив вполне лимонное лицо. — Мне не нравятся всякие телячьи нежности.

— Значит, без нежностей, — сказал Алекс, отходя назад, но оставив один палец держаться за мой. — А держаться за руки — это по-телячьи?

— Немножко, — промямлила Энджел. — Но все нормально, если вы в кинотеатре.

— Как насчет просмотра кино по телевизору?

— В этом случае тоже ничего страшного.

Алекс улыбнулся.

— Раз так, я в настроении посмотреть фильм.

Просмотр «Истории игрушек» в пятисотый раз позволил мне абстрагироваться от нахлынувшего стыда и подумать. Алекс Коул сказал, что любит меня. Ладно, он не заглянул мне в глаза и не сказал эти конкретные слова, но он не стал возражать Энджел. Что бы это значило? Может быть, он правда в меня влюблен?

Да нет, не влюблен он в меня. Это же все-таки Алекс Коул, с лицом словно с обложки журнала. Алекс Коул, чье тело заставляет девчонок вздыхать и пялиться. Алекс Коул, который хорошо разбирается в математике и интересуется Шекспиром. Алекс Коул, который, наверное, улыбается даже во сне и мил со всеми, даже с моей вредной сестричкой.

Как мог такой парень влюбиться в меня? В лучшем случае, я была неловкой серой мышью, а обычно казалась анти-социальной и с приветом.

— Скаут?

Алекс сжал мою руку и вырвал меня из Почему-Шикарный-Алекс-Держится-За-Руки-С-Дурочкой-Скаут раздумий. Он указал головой на другой край дивана, где Энджел лежала, как фарфоровая кукла: голова на боку, руки и ноги в стороны, золотые локоны разметались вокруг. Хотя бы во сне она соответствовала своему имени.

— Я подумал, — шепнул он, — что так и не закончил свою экскурсию по дому.

Сначала я не поняла, но, когда он хитро поднял брови, догадалась.

Пока я вела Алекса в свою комнату, у меня снова возникло ощущение, что я нарушаю правила. У моих родителей не было правил насчет «никаких мальчиков в спальне», это было бы невозможно, учитывая Джэйса и Чарли, но я уверена, что в этот раз они были бы против.

— Это моя комната, — сказала я, запиная кучу грязной одежды под кровать. — Как видишь, я чистюля.

Алекс стоял в дверном проеме, разглядывая фотографию, висевшую на стене, которую папа сделал на озере несколько лет назад. Я сидела за столом для пикника с тогда еще совсем маленькой Энджел на руках. Она махала одной рукой, а другой тянула меня за волосы. Справа от меня сидела Талли, мороженое стекало из рожка по ее руке. Слева были Джэйс и Чарли, подставлявшие друг другу рожки. Мы весь день купались в мутной воде под палящим солнцем, были чумазыми, но счастливыми. Фотка светилась настроением идеального летнего дня.

— Сколько тебе здесь лет?

— Снимок сделан прямо перед моим тринадцатым днем рождения. Думаю, мы отмечали что-то с семьей Джэйса.

Он прошел дальше, внимательно изучая все фотографии и постеры на стене. К счастью, репродукция картины Ван Гога недавно сменила постер Зака Эфрона. Когда он остановился напротив шкафа и начал читать заголовки книг, я почувствовала, как к моим щекам возвращается знакомое тепло.

— Я не этого ожидал, — наконец признал он.

Я схватила стопку книг, в основном городское фэнтези, и выложила на стол.

— Похоже, у тебя какой-то сверхъестественный фетиш, — сказал он, копаясь в другой стопке.

— Это для исследования, — ответила я. — Даже художественные книжки могут быть

полезны, в них могут содержаться интересные факты. Я многое узнала из этих книжек.

В основном я узнала, что мне нравятся глупые бульварные книжонки, которые заставляют меня краснеть.

— Правда? — Алекс взял в руки книжку Лорел Гамильтон. — И что ты узнала из этой? Мое лицо горело так сильно, что могло растопить полярные льды.

— Ничего.

По крайней мере, ничего, что я могла бы сказать вслух. Я вырвала книгу из его рук, пока он не успел ее пролистать и понять, в чем именно заключалось это «ничего». Алекс лишь хмыкнул и продолжил рассматривать мои вещи. Сделав круг по комнате, он уселся на мою не заправленную кровать и вынул нечто из пододеяльника.

— Прячете мужчину в кровати? Хочу сказать, я шокирован, мисс Донован.

— Алекс — это Гвидо, Гвидо — это Алекс. — Я плюхнулась рядом с ним. — Мы с Гвидо много лет засыпаем в объятиях друг друга.

Алекс рассматривал потрепанную обезьянку из носка.

— Могу понять почему. Ему точно не откажешь в обаятельности.

Гвидо видал и лучшие времена. Из мамы так себе швея, но за годы она постоянно ставила заплатки и пришивала глаза. Он был страшненький, но я все равно его любила.

— Это случилось ранней осенью или поздней весной, когда мать с отцом еще не были женаты. Они пошли в магазин игрушек, и Джэйс начал тыкать пальцем в эту обезьянку и говорить «Скаут», снова и снова. Мама пыталась объяснить ему, что новая сестренка совсем не обезьянка, но Джэйс закатил истерику. Маме пришлось купить игрушку, иначе бы кто-нибудь точно позвонил бы в службу защиты детей. Он держал его в руках весь день, и когда мама пыталась его отнять, говорил «Нет, Скаут». Вечером он принес Гвидо в квартиру, где жили мы с отцом, и, протянув мне, сказал «Для тебя».

Я потрепала Гвидо по голове.

— С тех пор он спит со мной практически каждую ночь.

— Это, возможно, самая милая история, которую я когда-либо слышал. Как бы не слиплось ничего.

Он хотел, чтобы голос прозвучал равнодушно, но ямочки и сарказм не очень сочетаются.

— Молчи. Будто твой брат никогда не совершал для тебя трогательный поступков.

— Ты ведь видела моего брата.

Аргумент. Мне сложно было представить, как Лиам проявляет тепло и заботу.

— Но он хороший старший брат, правда?

Было очевидно, что Алекс любил и уважал Лиам. Само собой, он ведь делал что-то, чтобы это заслужить. С другой стороны, это ведь Алекс, который, возможно, и в Гитлере нашел бы положительные качества.

— Лучший, — сказал он тоном, не оставившим места для споров. — Он просто не очень эмоциональный и не склонен к проявлениям чувств.

— Должно быть, тяжело, — поразмыслила я вслух, — вы вдвоем, без родителей...

С лица Алекса исчезли все эмоции.

— Мы справляемся.

Я не знала, что сказать дальше. Каждый раз, когда я касалась темы родителей Алекса, он словно замыкался, и продолжать разговор было невозможно. Я чувствовала себя неловко, находясь с ним наедине, пока он сидел, опершись локтями на колени и крутя Гвидо в руках.

— Ты пилишь на меня.

Я опустила глаза и тихо сказала «извини». Теплые пальцы приподняли мой подбородок, и мы оказались лицом к лицу.

— Я не жалею, — сказал он. — Но Гвидо слегка ревнует. Подумал, тебе стоит об этом знать.

— Только слегка? — Я медленно начала осознавать, что мы с Алексом в спальне наедине. — Думаю, мы можем справиться и получше.

Одной рукой я бросила Гвидо на кровать, а другой притянула лицо Алекса к своим губам. У меня была всего пара секунд на то, чтобы офигеть от своего внезапно очень активного поведения, прежде чем Алекс шарахнулся от меня в сомнении и ужасе. Это был первый раз, когда нам не нужно было волноваться, что кто-нибудь нас поймает, а ручка от швабры не впивалась мне в бок.

Наши поцелуи были медленнее и слаще. Мои руки лениво бродили по его лицу, шее и плечам, и я поражалась его гладкой коже и крепким мышцам. Когда он толкнул меня на подушки, я на секунду застыла в панике.

— Просто поцелуй, — заверил он меня. — Одежда останется на месте. Обещаю.

И он выполнил свое обещание, хотя я вскоре пришла к выводу, что это было глупое обещание. Когда я уже собиралась вспыхнуть ярким пламенем, он, наконец, сполз и позволил мне вздохнуть.

— Ты помнишь? На кухне Энджел спросила, влюблен ли я в тебя? — Его голос был грубее и ниже, чем обычно. Некоторые части моего тела так отреагировали на это, словно были на голосовом управлении.

— Ага, — все, что я смогла из себя выдавить. Слишком много сил у меня уходило на то, чтобы сдержаться и вновь не притянуть его к себе.

— Я подумал, что так и не ответил на этот вопрос.

Он приподнялся на локте и посмотрел на меня сверху вниз.

Боже, как же он красив.

— А?

Интересно, не потеряла ли я способность осмысленно говорить. Кажется, с тех пор как мой язык испробовал более интересные вещи, он больше не собирался возвращаться к чему-то настолько скучному, как разговоры.

— Ты должна знать, что мой ответ — да. Я люблю тебя, Скаут.

— Ты не можешь любить меня.

Будто со стороны я слышала, как мой непокорный рот наконец-то заговорил. Алекс больше не нависал надо мной, хотя почти не пошевелился.

— Почему?

— Ты едва знаешь меня, — сказала я. — Я просто сестра койота, от которой ты должен держаться подальше. Я понимаю, запретный плод и все такое, но это не любовь. Если бы Тоби не потребовал не подходить ко мне, ты бы и внимания на меня не обратил и уже давно понял бы, какая я на самом деле неудачница.

Оттого, что я говорила все, о чем думала, вслух, мое сердце обливало кровью. Я не хотела, чтобы он понял, что я недостойна его внимания, но все уже зашло слишком далеко. Если не закончить это сейчас, мы оба пострадаем.

— Ты не неудачница.

— О, поверь мне, еще какая. Есть целый список людей, которые могут это

подтвердить.

— Я с тобой не потому, что это запрещено. — Он провел пальцами по моему подбородку. — Я прекрасно знаю, кто ты, и люблю тебя.

— Как?

Я отчаянно хотела, чтобы он продолжал убеждать меня в этом. Алекс сел на кровати с недоступной обычному человеку быстротой и грацией.

— Знаешь, я ведь могу путешествовать по снам.

Я тоже села, но гораздо менее ловко, чем он.

— Я думала, только женщины становятся Провидцами.

А еще думала, что мы говорим о наших отношениях.

— Я не Провидец. Иногда в роду Провидиц может родиться мальчик с определенными талантами. Я не умею делать все эти телепатические штуки, но вижу во сне некоторые вещи.

Мы смотрели друг на друга, моя рука лежала на его колене.

— Что за вещи?

Уголок его рта приподнялся, и его глаза сверкнули.

— В первый раз это произошло, когда мне было восемь лет. Мне приснилась огромная яблоня с маленькими зелеными яблоками. Воздух был тяжелым и сладким, солнце пекло нещадно. Там играли дети, с виду мои сверстники. Я пытался с ними заговорить, но они не отзывались. Где-то наверху висело идеальное яблоко. Оно было в два раза больше всех остальных, и одна девочка очень хотела его достать. Она залезла наверх и медленно поползла к краю. Она уже почти дотянулась, когда ветка треснула, и девочка полетела вниз. Я подбежал к ней, хотел помочь. Ее рука странно изогнулась, и она очень старалась не кричать. Я пытался сказать ей, что все в порядке, что один из мальчиков уже позвал на помощь, но меня никто не слышал, словно меня там и не было. — Его большой палец водил по моей руке, обходя шрамы там, где докторам пришлось вправлять кости. — На следующий день я заставил маму помочь мне найти тебя. Я знал, что если очень постараюсь, то смогу, хоть мама и говорила, что там, где мы жили, даже близко не росло никаких яблонь.

— Ты видел, как я сломала руку?

Это было невозможно, хоть он и описал все так, как оно и было. Джэйс поспорил со мной, что я не смогу достать большое яблоко с верхней ветки, и я была серьезно настроена доказать, что смогу. Талли умоляла меня слезть, но я была упрямой. После того как я упала, Джэйс побежал за папой и мамой, а Талли и Чарли остались со мной. Я потом долго носила гипс, который жутко чесался.

— Ты снилась мне в течение десяти лет, — сказал он. — Я мог не запомнить никого другого, ни места, ни того, что происходило, но твои лицо и голос я всегда ясно помнил.

— Это... мило? Ненормально? Жутковато? Невозможно.

Алекс улыбнулся.

— Хочешь, могу доказать.

Часть меня не хотела. Меня это немного пугало. Что еще он видел? Почему я ему снилась? Несмотря на страх, я должна была знать.

Он кивнул в сторону фотографии на двери.

— Я помню тот день. На дереве висела лиана, на которой все качались и прыгали в озеро. А ты отказалась, потому что боялась высоты.

— Да, такое бывает с девочками после падения с яблони, — сказала я.

— Они тебя все-таки уговорили. Ты тряслась как осинка, но все равно это сделала.

От улыбки у него чуть не треснуло лицо. Я закрылась руками, зная, что будет дальше.

— Ты так гордилась собой, когда вышла из воды, что не сразу поняла, что потеряла верх своего купальника.

— О. Мой. Бог.

Мама обернула меня полотенцем до того, как я поняла, что случилось. Джэйс так смеялся, и я думала, а точнее надеялась, что он лопнет. Он не замолчал, пока Чарли не стянул с него шорты, чтобы сравнить счет.

— Не могу поверить, что ты это видел.

— Ты шутишь? Самая интересная ночь в моей жизни!

— Значит, ты наслаждался нарезкой самых неловких моментов моей жизни в течение десяти лет?

— Не только неловких. Я видел, как ты смеялась и плакала, и выросла в такого прекрасного человека. — Его искренние глаза смотрели прямо в мои. — Когда мне было одиннадцать, я был уверен, что влюблен в тебя. Поэтому я очень любил спать. Если я не видел снов о тебе, то просыпался разочарованным. Я запомнил все: от твоих бровей до того, как ты наклоняешь голову, когда усиленно думаешь. Я не знал твоего имени и места жительства, но знал, что ты настоящая и ты — моя судьба.

С того дня как я встретила Алекса, в моей жизни произошло много сюрреалистичных событий, но это, пожалуй, было самым странным и более шокирующим, чем все прошлые вместе взятые. Он любил меня, потому что я его судьба, — какая высокая планка для соответствия.

— Ты переехал сюда, чтобы найти меня?

Я не могла себе представить, что кто-то мог собраться и проехать через полстраны, чтобы найти кого-то, кого видел только во сне.

— Нет, мы переехали... — Он остановился, не зная, как продолжить. — Мы просто поехали на юг, куда глаза глядят. Джип Лиамы сломался на трассе недалеко отсюда. Пока он его чинил, мы осмотрелись и решили, что это место вполне подойдет. Оно ничем не лучше и не хуже других. Национальный парк хорошо подходит шифтерам для охоты и превращения. Я не знаю, как не заметил тебя, когда вошел в класс Бека. Лишь когда я слышал, как ты ставишь на место этого старого оленя ... — Он явно помнил мою беседу с учителем не так, как ее помнила я. — Я обернулся, а там сидела ты. Я столько раз думал, что нашел тебя, но в этот раз не было никаких сомнений. Я точно нашел девушку своей мечты.

Я пыталась вспомнить первый день учебного года, чтобы посмотреть на все его глазами.

— Ага, и она была грубой, а ее брат тебе врезал.

— Ну, все пошло не совсем так, как я ожидал. Я стоял там, как дебил, словно ожидал, что ты сразу же прыгнешь мне на руки и поцелуешь. Даже не подумал, что я для тебя — совершенно незнакомый человек. А потом я увидел тебя в столовой с другим шифтером и понял, что все будет несколько сложнее, чем я думал. И конечно, твое отношение ко мне вначале было слегка разочаровывающим, — сказал он так, словно это были мелочи, но мне почему-то стало стыдно.

— Ну да, кажется, я не настолько хороша, как ты думал.

— Ситуация была такой. Да и сейчас остается. — Он заправил мои волосы за ухо, и я прижалась к его руке. — Но ты даже лучше, чем я думал все это время.

Наши губы вновь встретились. Словно свет разлился от моего рта к голове, к кончикам

пальцев на руках и ногах. А когда его язык коснулся моей нижней губы, свет превратился в пылающий огонь, грозивший расплавить все кости в моем теле.

Он отодвинулся, и моему взгляду предстали его уверенные глаза, красные щеки и опухшие губы.

— Я люблю тебя, — сказал он снова, и мое сердце едва не разорвалось.

Я должна была ответить, я собиралась, но в последний момент мне на глаза попало лицо Чарли, смотревшее на меня с фотографии в рамке на столе, и слова застряли у меня в горле.

ГЛАВА 13

Той ночью я обнаружила Энджел зарывшейся в гору пушистых розовых подушек. Пока я не зашла в комнату, Эльф спал у нее на коленях. Увидев меня, он ускакал в другой конец комнаты и издал поток кошачьих ругательств из-под шкафа.

— Алекс ушел домой?

— Да. Он просил пожелать тебе спокойной ночи от его имени. Еще раз.

Они долго обменивались пожеланиями, выдавая все более и более дурацкий британский акцент, прежде чем я заставила Энджел пойти в кровать.

Я села на краешек, надеясь, что кровать не обвалится под моим весом. Все в комнате Энджел было маленьким, розовым и на вид очень хрупким.

— Весело было сегодня, да?

Она кивнула, взмахнув светлыми кудряшками.

— Пирожные были очень вкусные. Наверное, потому что мы положили в них конфеты. В следующий раз надо будет положить сникерс.

Я живу с крошечной Мартой Стюарт⁴⁶.

— И тебе нравится Алекс, правда?

— Алекс мой друг. Он милый.

Я глубоко вздохнула и наклонилась к ней, чтобы не смотреть сверху вниз. Я должна была удостовериться, что она поняла.

— Если хочешь быть хорошим другом Алекса, ты должна пообещать, что никому-никому никогда-никогда не расскажешь, что он сегодня был здесь.

— Скаут, я умею хранить секреты.

— Но это большой секрет. И очень важный.

Настолько важный, что его не стоило доверять первокласснице, но было уже слишком поздно.

— Я и раньше хранила большие и важные секреты.

— Например?

Я ожидала услышать, что ее лучшая подруга Кинси Джессап все еще смотрела Дашу-путешественницу⁴⁷.

Энджел картинно вдохнула и закатила глаза. Этот жест она подцепила от Джэйса.

— Если я тебе скажу, это уже не будут секретом.

Как я могла оказаться в ситуации, в которой так много зависело от умения моей младшей сестры держать рот на замке? Я должна была отправить Алекса домой в тот же миг, как увидела его на крыльце.

— Энджел, послушай... — Я закрыла глаза и мысленно прокрутила радугу. Талли научила меня этому приему, когда у нее был период увлечения Нью Эйдж⁴⁸. — Алекс... очень много значит для меня, — наконец сказала я. — И если кто-нибудь узнает, что он сегодня был здесь... или... ну ты знаешь...

— Ты поцеловала его?

— Да. Если кто-нибудь узнает об этом, я... мы, может быть, никогда его больше не увидим. Ему придется переехать очень-очень далеко.

Или произойдет кое-что похуже.

Она протянула руку и выставила вперед свой маленький розовый мизинчик, чтобы

обернуть его вокруг моего. Самая священная клятва для шестилетнего ребенка.

— Я никому не скажу. Обещаю.

Я не сомневалась в ее искренности. Я сомневалась в ее умении держать язык за зубами, поэтому следующие несколько дней, каждый раз, когда Энджел открывала рот, я ожидала, что правда вырвется на свободу. Но этого не произошло. Словно она забыла о случившемся. Спустя время я тоже начала так думать.

Как выяснилось, моя сестра настолько хорошо хранит секреты, что я даже не догадывалась об ее задумке, пока в следующий четверг она не попросила отвезти ее в парк Лендинг.

В Лейк Каунти парков больше, чем людей. Нельзя и пяти миль проехать и не наткнуться на уродливые коричневые знаки компании-застройщика, указывающие на очередное место отдыха. В большинстве из них были столики для пикника в сияющих беседках, потрясающие игровые площадки и другие развлечения. Парк Лендинг в число таких мест не входил. В нем были двое качелей (одни из которых были сломаны еще во времена моего детства), ржавая горка и старый стол, в котором не хватало досок.

Туда не ходил никто, кроме всяческих наркодилеров.

— Это просто помойка, — сказала я, держа сестру за руку и аккуратно ведя ее по дорожке из щебня, чтобы она не наступила на осколки пивных бутылок, щедро рассыпанные между камнями. — Здесь всего одни качели и горка, на которую я тебя без прививки от столбняка не пушу.

Энджел как всегда проигнорировала меня и рванула к качелям, а я присела за старый стол и старалась не отморозить пальцы. Через пять минут, когда я была готова объявить День веселья в отстойном парке закрытым, где-то недалеко остановилась машина.

Энджел добралась до красной «Тойоты» еще до того, как Алекс успел выйти.

— Что ты здесь делаешь? — сказала я, когда подошла к ним.

Алекс прекратил кружить Энджел и поставил ее на землю. Девочка продолжила крутиться, весело хихикая.

— Эм... ты меня сюда позвала.

— Типа во сне?

— Типа по смс.

Возникла неловкая пауза.

— Покажи телефон? — спросила я.

Во входящих у Алекса были сообщения от «Лиамы», «Эш» (которые я не стала читать, за что мне можно ставить памятник) и «Страшилы» (это, скорее всего, была я).

Я нажала на сообщение, пришедшее в три часа.

«Встреть миня в парке Ланден через час»

— Я, по-твоему, пишу с ошибками?

Это взволновало меня больше, чем то, что сообщение было отправлено не мной.

— Это смска. Их все пишут коряво. — Он сдвинул брови и забрал у меня телефон. — Если не ты ее отправила, то кто?

Я могла подумать только об одном человеке, у кого была такая возможность и мотивация. Я подошла к своей кружащейся неподалеку сестре.

— Энджел, ты украла мой телефон?

— Я его *одолжила*, — ответила она, набирая скорость.

— Почему ты позвала сюда Алекса?

Она перестала крутиться и сразу же плюхнулась на землю.

— Потому что никто сюда не ходит. Мы можем тусоваться здесь, и никто никогда не узнает. Будто у нас есть секретный клуб.

Уже не в первый раз мне показалось, что у моей сестренки есть все зачатки будущего злого гения.

Клуб имени Милого Фиолетового Единорога, основанный и названный Энджел Софией Донован, собирался при первой же возможности. Мы разговаривали, пока Алекс качал Энджел на качелях или пока мы гуляли по лесным тропинкам, и она ехала у Алекса на плечах. Когда наступала пора возвращаться, Энджел терпеливо ждала в машине, чтобы мы могли провести несколько минут наедине. Я чувствовала, что моя привязанность к заброшенному парку и сестре постепенно растет.

К наступлению марта я пребывала в состоянии постоянного блаженства. У меня был потрясающий парень, который носил меня на руках. Ладно, это был тайный парень, с которым меня никто не должен был видеть, но благодаря Энджел мы проводили вместе несколько вечеров в неделю. Мой последний год в школе подходил к концу, и количество домашней работы постепенно уменьшалось. Математика словно стала легче, ну, или, по крайней мере, я начала понимать хотя бы половину из того, о чем говорил мистер Бек. И Тоби не забыл о частных уроках. Каждую пятницу я ездила на базу, где позволяла брату Чарли измываться над собой, после чего чувствовала себя сильнее и увереннее, чем когда-либо.

После одного особо тяжелого занятия Тоби оставил меня упражняться с грушей в наказание за очередной проигранный бой. Дверь была открыта, и через нее внутрь попадали первые лучи весеннего солнца. Ветерок пах дождем и землей. В моем плеере играла подходящая заводная песня, и вскоре я решила плюнуть на правила и добавила в свои упражнения несколько дополнительных движений бедрами и покачиваний. Я провела довольно красивый удар ногой с разворота и, несколько раз закружившись, планировала ударить второго воображаемого противника правой рукой. Вместо этого мой кулак уперся в чью-то совсем не воображаемую грудь. Я издала девчачий вскрик и упала бы, если бы две сильные руки не ухватили меня за плечи и не удержали.

— Кто ты и что сделала с моей Скаут, которая не танцует?

Чарли стоял так близко, что я чувствовала запах его коричневой жвачки. Я отошла, думая, насколько быстро может биться мое сердце, прежде чем остановится.

— Это был не танец, а новый стиль кэмпо⁴⁹.

Соврать было проще, чем признать, что я и в самом деле пыталась танцевать. Все знали, что на танцполе я — катастрофа, несмотря на всю свою грацию. Махать в воздухе ногами или ходить по канату? Запросто. Но не просите меня танцевать. Талли, которая, несмотря на свои габариты, пляшет как Джинджер Роджерс⁵⁰, думает, что я чрезмерно помешана на правилах, чтобы позволить себе расслабиться. Я предпочитаю свою теорию о том, что мои бедра кривые и не могут правильно двигаться.

Конечно, Чарли и Джэйса это не касается, они просто будут стараться дразнить меня настолько долго, насколько возможно.

— Кэмпо, значит? — Чарли поднял бровь, что было совсем чуть-чуть сексуально. — Я не знал, что Боб Фосс⁵¹ занимался единоборствами.

— Знаешь, Чак, когда дело касается шуток, смелости тебе не занимать.

— Ты сомневаешься в моей мужественности, мисс Донован? Я могу легко показать тебе, насколько силен.

Я ухмыльнулась.

— Мечтай.

Чарли пригнулся и щелкнул пальцами, начиная обходить меня.

— Фосс и Вестсайдская история⁵²? Что дальше, начнешь красить ногти и говорить о чувствах?

Он сделал выпад, и я отошла вправо, одновременно ставя ему подножку левой ногой.

— И это все, на что ты способен? — спросила я, когда он упал на маты. Я протянула руку, чтобы помочь ему подняться. — От тебя я ожидала большего.

Возможно, он не расслышал последних слов, так как я произнесла их уже в полете. Я перекатилась, избегая Чарли, который хотел прижать меня к полу. В мгновение ока мы оба были на ногах.

В драке Чарли предпочитал грубую силу, а не скорость и ловкость. А еще он сдерживался и сильно недооценивал мои способности. Пару минут я копировала его стиль, давая надежду, что он может побить меня. Затем, когда он бил правой, я рванула вперед, вместо того чтобы отступить, и пнула его сзади по коленкам. Мой план включал в себя его падение, и я не собиралась оказаться прижатой к полу, но все равно как-то так получилось.

— Ну, кто теперь герой?

Чарли оперся на локти, чтобы окончательно не раздавить меня.

— Ты, — ответила я, когда капля пота упала с его волос мне на лоб. — Ты такой сильный и мужественный, и потный, и фу.

Чарли глянул на меня хорошо знакомым взглядом.

— Потный, значит?

Затем он постарался обтереться об меня настолько тщательно, насколько возможно. В принципе, я понимала, что это не то, из-за чего можно было бы завестись, но какая-то часть меня была явно не против.

— Ты даже не пытаешься переубедить меня! — выдавила я между вздохами и смешками.

Чарли прекратил атаку, но продолжил нависать надо мной. Все, что я видела, — это его глаза цвета зеленого луга.

— Скажи мне, какой я чистый и опрятный молодой человек.

— Ты знаешь, я не люблю врать.

Он придвинулся ко мне, хотя я и не представляла, что можно быть еще ближе, и игриво рыкнул на меня. Как я могла считать, что человек может издавать такие звуки? Жар исходил от его тела, и если бы я не знала о скором полнолунии, могла бы подумать, что у него поднялась температура. Я хотела злиться на него из-за настолько очевидных признаков его скрытой натуры, которую от меня всю жизнь скрывали. Может, и злилась, но эти эмоции перебивались более сильными.

Я лежала и смотрела в лицо человека, которого знала всю жизнь, и я могла лишь думать о том, как долго я желала его.

Я чувствовала, как касаются наши тела, — его колени по сторонам от моих, его руки на моих запястьях, его правое бедро, легко коснувшееся моего левого. Я застыла на месте, не могла издать ни звука, не могла отвести взгляд.

В его глазах что-то изменилось. Игривость исчезла, ее заменило нечто более дикое.

«Ты знаешь, как я к ней отношусь»

Мой подбородок рефлекторно поднялся. Весь мир сузился до пространства между губами Чарли и моими. Мне стало интересно, каковы они на вкус. Они были полнее губ Алекса. Это имеет значение?

Алекс.

И таким образом все было кончено.

— Дай мне встать. — Я пыталась быть игривой, но судя по тому, как Чарли отпрыгнул, у меня не вышло. — Мне надо в душ и домой, — сказала я, пытаясь исправить содеянное. — Мама ждет меня к обеду.

Что я делаю?

Я была с Алексом. Алексом, который любил меня, несмотря ни на что. Да, меня захватил момент с Чарли, но это не должно было повториться.

Кто знает, как отреагировал бы Чарли, если бы я не остановилась?

«Ты знаешь, как я к ней отношусь»

Эти слова могут значить что угодно. Может, *«я отношусь к ней как к сестре, которой у меня никогда не было»*, а может, *«она бедняжка, которую я обязан пожалеть»*. Почему же я сразу решила, что он испытывает ко мне всамделишные чувства? Это было глупо.

Но тогда мне показалось, что ему бы хотелось, чтобы я его поцеловала. Или он меня.

Нет. Я не должна об этом думать.

Алекс. Я должна была думать об Алексе — о его улыбке, его запахе. Должна была думать обо всех причинах, по которым я его не заслуживаю, и добавить этот инцидент в сей отвратительно длинный список.

***

Следующим утром я приползла на кухню, страстно желая выпить кофейку. Обычно я его терпеть не могла. Никакое количество молока, сахара или шоколада не скрывает неприятный для меня горький вкус. Но та ночь выдалась бессонной. Я вновь увидела сон про Алекса, озеро и ужасный шторм. Вся моя одежда промокла, а ветки хлестали так сильно, что после пробуждения я удивилась, не увидев царапин на руках и лице. Самое мерзкое то, что в этот раз я была виновата: я вызвала шторм и заставила Алекса страдать на том берегу. Мне не нужен был психолог, чтобы понять, что так проявилась моя подсознательная вина за случай с Чарли. Так как мой сон прервался между тремя и пятью часами ночи, у меня было полно времени подумать об этом. Было бы прекрасно, если бы мои чувства к Чарли исчезли, и я стала относиться к нему как к двоюродному брату.

Но я хорошо знала себя, чтобы понимать, что так легко не отделаюсь.

Мне пришлось бы выбрать второй вариант: избегать Чарли. Я бы не стала с ним почти целоваться, если бы не проводила с ним время. Это было бы очень легко, так как он учился за сотни миль отсюда. Мне пришлось бы прилагать усилия только на редких праздниках и выходных.

Остановившись в дверном проеме, я осознала критический недостаток моего замысла.

— Она уверена, что они там? — спросил Чарли. Он чем-то чавкал. Скорее всего, хлопьями из пачки, которую я спрятала для себя.

— Да, она видела пару дней назад, — сказал Джэйс. Он находился ближе к двери, скорее всего, сидел на комодке. — Она указала на место между Пеликаньей бухтой и доками

у шоссе.

— Нам придется пойти сразу после заката.

Я услышала нечто подозрительно напоминающее звук насыпаемых в тарелку хлопьев.

— Тоби будет ждать нас на рассвете. Если он узнает о нашем плане, будет в ярости.

— Если на этот раз мы окончательно избавимся от них, оно того стоит.

Нет. Они просто не могли говорить о том, о чем, как я подумала, говорят. Но само собой, это было так. Есть только один... ну, два человека, от которых есть резон избавляться в полнолуние.

Мой брат собирался что-то сделать с Алексом.

Хорошо, что я не успела ничего съесть. Учítывая, что у меня внутри все сжалось, завтрак вернулся бы обратно. Только через пару секунд я поняла, что все звуки на кухне стихли. Все, что я слышала, — это звон в своих ушах.

— Скаут?

Алекс говорил, что в день перед полнолунием он может слышать биение каждого сердца в целом классе. Джэйс и Чарли точно знали, что я здесь и что мое сердце готово выскочить из груди. Открывая дверь на кухню, я обязана была придумать для этого достоверную причину.

Как я и предполагала, одетый в пижаму Джэйс сидел на комодe, свесив ноги вниз. Чарли развалился в кресле, рядом с ним лежала пустая коробка от хлопьев. Я сразу же скрестила руки на груди — моя ночнушка почти не оставляла места для воображения.

— Я не знала, что Чарли здесь, — сказала я, не пытаясь скрыть дрожь в голосе. Неловкость после вчерашнего случая прекрасно подошла в качестве объяснения моему состоянию. Даже врать не пришлось.

— Сегодня мы идем в поход.

Ага, поход. С превращением в койотов и убийством моего парня. Самый обычный поход.

Спокойно, Скаут. Ты справишься.

— Поход? В марте?

— Ну, мы же мужики. — Улыбка Чарли заставила уголки моего рта непроизвольно приподняться.

— Что-то я нечасто вижу доказательства данного утверждения.

Выражение лица Чарли стало каким-то зверским.

— Тебе вчерашнего не хватило, Скаут?

В его исполнении обычная угроза выглядела как подкат.

И, несмотря ни на что, да, мне не хватило. Его губ, его рук, кадыка... У него изумительный кадык. Я все еще пыталась подобрать слова, когда что-то упало мне на голову. Сорвав нечто, я поняла, что это мамин свитер. Джэйс, наверное, открыл ящик комода и вытащил первое, что попало под руку.

— Ты так замерзнешь, — холодно сказал Джэйс.

Свитер был мне мал и узок в рукавах, но я смогла согреться и взять под контроль свои гормоны.

— А почему ты здесь? — спросила я Чарли. — Разве ты не должен проводить весенние каникулы в Майами с Декабриной, или как ее там зовут?

Конечно, я знала, что ее зовут Январина, но мне про нее сообщил Джэйс, и только потому, что я прямо его спросила. Так как Чарли не посчитал нужным сообщить, что у него

есть девушка, я была не обязана правильно называть ее имя.

Чарли с неким раздражением бросил взгляд на Джэйса и добавил:

— Мы улетаем в понедельник. Я обещал Джэйсу поход.

Ну да, ну да. Что скажет мисс Месяц-Вместо-Имени, когда Чарли исчезнет на всю ночь, прямо посреди романтической поездки. А еще ему будет сложно напасть на моего парня, находясь в другом штате.

Пока я рыскала по шкафам в поисках печенья, Чарли задавал мне всякие вопросы о школе и о жизни. Мне хотелось рассмеяться над абсурдностью ситуации. Как мы могли вот так вот просто сидеть, завтракать и беседовать? Пять минут назад они планировали нападение! Ну как можно так быстро отвлекаться?

— Куда ты? — спросил Чарли, когда я попыталась покинуть кухню с клубничным печеньем в одной руке и чашкой булькающей жидкости в другой.

— Я планирую посетить бутики на бульваре Сансет⁵³, а затем отправиться в Шато Мармон⁵⁴, где стану лежать у бассейна, а Дженсен Эклс⁵⁵ будет кормить меня виноградом.

— Сансет переоценивают, а виноград ты не ешь. Останься.

Ужасно, но часть меня хотела именно этого.

— Не могу. У меня... много дел.

Я выбежала из комнаты до того, как Чарли успел ответить, потому что, задержись я еще хоть на секунду, он бы убедил меня.

ГЛАВА 14

Насколько осведомлены наши родители, я хороший близнец. Не то чтобы Джэйс какой-то плохой, но у него есть привычка посещать безбашенные тусовки, поздно возвращаться домой и врать о своем местоположении. А у меня в быстром наборе номер местной библиотеки, поэтому родители даже представить не могли, что я солгала, сообщив, что переночую у Талли.

В своем плохом поведении я винила Алекса. Он не отвечал на сообщения и звонки, и тем самым не оставил мне выбора. Не могла же я сказать родителям, что собираюсь пойти шататься по лесам, чтобы предупредить своего парня-волка, что мой брат-койот собирается на него напасть. Даже не знаю, отчего маму в первую очередь хватил бы удар — от того, что ее сын оборотень, или же из-за наличия у меня парня, о котором я не упоминала.

Я еще несколько раз посмотрела на карту, прежде чем выйти из машины в районе Пеликаньей бухты. Согласно добрым людям из туристического бюро Лейк Каунти, нужное мне место находилось в трех милях к востоку отсюда. Я решила, что лучше всего будет просто идти в ту сторону и надеяться, что Алекс учует меня до того, как обратится. Если повезет, до заката я еще что-нибудь придумаю.

Прошло совсем немного времени, и облака закрыли солнце, а я потеряла один из ориентиров. Так как я пропустила курсы девочек-скаутов ради вещей, которыми можно было заниматься вместе с братом, мои навыки ориентирования в лесу не сильно впечатляют. Компас в телефоне мне не сильно помогал, и я была уверена, что мох на этих деревьях рос со всех сторон. Можно было бы позвонить Талли, чья мама настаивала на занятиях по выживанию в лесу пару лет назад, но деревья полностью блокировали сигнал.

Я собиралась идти в сторону лагеря «Ореховый Дуб» по берегу озера, но задача осложнялась отсутствием озера там, где оно, по идее, должно было быть. Я ходила кругами, пытаюсь выяснить, куда могло пропасть целое дурацкое озеро, когда с неба упала первая капелька. За ней быстро последовали миллионы других, а вскоре и гром с молнией.

Спрятаться мне тоже было особо негде. В конце концов, я обнаружила место, где большое дерево упало на валун, торчавший у подножья холма. Это, конечно, не отель, и даже не сухая пещера, но, по крайней мере, хоть какая-то защита от дождя и ветра, и на голову мне ничего не упадет.

Дождь был очень холодным. Не просто холодным, а ледяным, и мне показалось, что иногда среди капель попадались градинки. Кофта не защищала меня от ветра, и я постепенно понимала, насколько безнадежно мое положение. Я начала надеяться на то, что шторм прекратится или кто-нибудь спасет меня.

Похоже, Алекс не был единственным, кто меня игнорировал. Ну, или Бог не отвечает на молитвы законченных дур. В последний раз, когда я проверяла телефон, время подходило к двум. Затем мои пальцы слишком онемели от холода, чтобы лезть за ним в карман промокших джинсов. Перед тем как закрыть глаза, я подумала, что это потрясающе нелепая смерть.

***

Когда я услышала свое имя, мне показалось, что я либо бредила, либо ангел смерти пришел-таки по мою душу. В любом случае, открывать глаза было бы бессмысленной тратой

сил. Теория с ангелом смерти стала более вероятной, когда я почувствовала, что меня подняли с земли. Похоже, он решил, что раз я не могу идти с ним на небеса, то он просто пронесет меня через жемчужные ворота на руках. Это при условии, что я отправляюсь на небеса. Учитывая все то, чему учил преподобный Джессап по воскресеньям, я была вполне достойна, но что, если Бог не разделяет мнения южных баптистов⁵⁶?

Мне нужно было взглянуть на своего ангела. Адский демон, конечно же, выглядел бы иначе, и, возможно, я смогла бы убежать, если бы конечно вспомнила, как работают ноги, в чем я сомневалась.

Наконец мое любопытство одержало верх, и я подняла свои потрясающе тяжелые веки. Меня встретила пара стальных серых глаз.

— Алекс?

— Он идет сюда. Ты в порядке? — холодно спросил он.

— Думаю, да, — ответила я. Ну или попыталась. Мои слова были больше похожи на «Хоха ха». Передо мной возникло еще одно лицо. У этого тоже были серые глаза, но в них читалось беспокойство и облегчение.

— Все будет хорошо, — сказал Алекс, и его горячие руки коснулись моего лица. — Ты с нами. Все будет в порядке.

Я улыбнулась, радуясь, что Бог все-таки ответил на мои молитвы. И с этими мыслями я снова погрузилась в забытие.

***

Я лежала в кровати, закутавшись в одеяло, как в кокон, когда Энджел прижалась ко мне.

— Тебе приснился кошмар? — промямлила я, все еще не собираясь открывать глаза.

— Жуткий, — сказал голос, совсем не похожий на голос маленькой девочки. — Но потом я нашел тебя, и все стало хорошо.

Мои глаза открылись, и я в замешательстве огляделась по сторонам. Это была не моя кровать, не моя комната, и уж точно не моя младшая сестра.

— С добрым утром, солнышко, — сказал Алекс, убирая волосы с моего лица — Как ты себя чувствуешь?

Воспоминания по кусочкам начали возвращаться ко мне. Темный лес. Жуткий шторм. Героическое спасение. Я смутно вспоминала нечто напоминающее обжигающе горячий душ, не смотря предупреждения Лиамы о температуре и уверения Алекса, что он не дурак и сам знает. Как собирала все силы, чтобы натянуть трико и футболку, которые дал мне Алекс, потому что даже в таком состоянии не могла позволить, чтобы любой из Коулов видел меня голой. Все закончилось воспоминанием о том, как я заснула в объятиях Алекса.

— Лучше, — наконец ответила я.

— Заставила же ты меня поволноваться.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня, и я дернулась назад, закрывая рот рукой. Алекс выпучил глаза от удивления, чем стал похож на персонажа аниме.

— Что не так?

— Утреннее дыхание, — сказала я, все еще прижимая руки ко рту.

Я не могла сказать, посчитал ли Алекс меня милой или сумасшедшей. Он одинаково реагировал на такие вещи.

— Пройдешь через комнату и кухню, там слева ванная, наверху в шкафчике должна быть пара новых щеток.

Я промямлила слова благодарности и рванула туда. Даже без указаний ванну было бы легко найти. Дом Алекса не казался слишком большим. Это скорее был один из тех «готовых домов» или даже трейлер. Я могла преодолеть жилую комнату за три шага, но путь пролегал между Лиамом и эпизодом NCIS⁵⁷, который он смотрел без звука.

— Прости, — сказала я, наклонив голову, в тот момент страстно желая стать невидимкой.

— За что? — спросил он, отчего я застыла на месте.

Он сидел на старом диване, единственном предмете мебели в комнате, сжимая в руке бутылку бурого цвета. Меня в очередной раз поразило, насколько он похож на большого и свирепого Алекса.

— Прости, — повторила я. Лиам продолжал смотреть на меня взглядом, который я никогда раньше на себе не чувствовала. Я привыкла к равнодушию, раздражению и презрению. С Алексом я даже привыкла к тому, как на меня смотрят с обожанием. Но чистая ненависть, которую излучал Лиам, была для меня в новинку.

Справедливости ради, у него были все причины ненавидеть меня. Из-за меня Алекс заставил его жить здесь. По моей вине им угрожали Хэйганы и Альфы.

— За все, — практически прошептала я, но это единственное, что я смогла выдавить. Неважно, Лиам — доминант, он наверняка слышит так хорошо, что может даже мысли мои прочесть.

Мой ответ его вроде как устроил, либо он решил, что я не стою его усилий. Глаза Лиамы вернулись к экрану, а я улетела в ванную, где, к моей радости, была дверь, которой я смогла отгородиться. В шкафчике действительно лежали новые зубные щетки, около 50 штук, каждая завернута в пластик.

Отражение в зеркале не придавало мне уверенности. Темные круги, похожие на синяки, расплылись под моими глазами, мои губы были искусаны до крови, а из-за ветра лицо приобрело противный красный оттенок. Я быстро выяснила, что парни не держат в ванной крем для лица, что было весьма неприятно. По крайней мере, там была расческа, которой я смогла разгладить свои космы. Я бы с большей радостью вернулась к Алексу, если бы здесь были плойка и гель для укладки, но об этом можно было забыть.

Я возвращалась в комнату Алекса, держа голову опущенной и устремив взгляд в пол, благодарная за то, что Лиам решил меня проигнорировать.

Алекс заснул. Он закинул руку за голову и лежал на боку, так что мое место на кровати оставалось свободным. Он был таким теплым и притягательным, что я уже почти забралась под одеяло, когда вспомнила, что мои родители не одобрили бы такого поведения. Я застыла на месте; ангел и демон на моих плечах спорили о том, стоит ли мне лезть в постель, и в этот момент Алекс дотянулся до меня.

— Вот и ты, — сказал он заспанным голосом. Он притянул меня к своей груди, и я даже не подумала сопротивляться.

— Я скучала по тебе.

Я прижалась к нему. Он был таким теплым, и мне показалось, что без него я больше никогда не согреюсь. Мы долго лежали молча. Мне почудилось, что он снова заснул, но его пальцы лениво перебирали пряди моих волос. Слушая успокаивающее биение его сердца, я, наконец, рассмотрела обстановку комнаты.

Комната Алекса была гораздо чище моей, но, скорее всего, ему просто пришлось прибраться. Его кровать и комод заняли почти все место в комнате, оставив лишь чуть-чуть пространства для перемещения. Его учебники лежали на комодке рядом с фотографией очень красивой пары. Женщина была высокой и худой, ее грация танцовщицы бросалась в глаза даже на неподвижном снимке. Густые волнистые русые волосы обрамляли ее лицо. Мужчина выглядел крепким и суровым. Я всегда представляла, что именно так должен выглядеть ковбой. И он точно передал свои серые глаза обоим сыновьям. Больше в комнате не было ничего, кроме нескольких газетных вырезок, прикрепленных к стене. Их было всего пять, и все они были обо мне.

— Ты думаешь, я какой-то сумасшедший сталкер, правда? — спросил Алекс. Он был более внимательным, чем я думала. Я положила подбородок ему на плечо, чтобы видеть его лицо.

— Так и есть, — сказала я. — Как еще назвать парня, который следил за мной во сне в течение десяти лет?

— Значит, ты думаешь, что я извращенец?

Я дотянулась до его подбородка и поцеловала.

— Я думаю, что ты мой герой. Спасибо, что спас меня.

— Обращайся, — пробормотал он, зарывшись в мои волосы. — Нет, я не это хотел сказать. Я хотел сказать, не смей больше никогда меня так пугать. Что ты там делала?

— Эммм... я хотела спасти тебя.

— Спасти меня? От чего?

— От Джэйса. И Чарли. — Мне все еще трудно было произносить имя Чарли перед Алексом. Отчасти из-за ускорившегося биения моего сердца, отчасти из-за выражения лица Алекса. — Я подслушала их прошлой ночью, они хотят что-то с тобой сделать. Когда ты не ответил на мои сообщения и звонки, я отправилась на твои поиски. Это, на самом деле, был отличный план, просто ливень появился из ниоткуда.

— Циклон пришел из Арканзаса⁵⁸, так что технически ты не права. Об этом уже два дня говорили на канале погоды. Тебе повезло, что прогноз торнадо не сбился.

— Ты понимаешь, что у тебя какая-то нездоровая страсть к прогнозам погоды?

— К несчастью, ты не разделяешь это мое увлечение.

— Прости, — сказала я, выбираясь из его объятий. — Я не хотела доставлять тебе проблем.

Его объятия стали крепче.

— Честно, я не злюсь. Я даже не знаю, могу ли злиться на тебя. — Он начал водить руками по моей спине. — Меня больше раздражает сама ситуация. Эта... *напряженность* между нами и Хэйганами — это же полная чушь. Кто-то точно пострадает, и из-за чего? Территории? Гордости стаи? — Рука на моей спине сжалась в кулак. — Лиам считает, что нам нужно просто уйти, поехать на север. Это единственное, о чем мы говорим в последнее время.

— Куда вы отправитесь?

— Мы никуда не уезжаем.

Я была этому рада, но надо было сохранять реалистичный взгляд на вещи.

— Почему?

— Ты хочешь, чтобы мы уехали?

— Ну уж нет. — Мне хватило ноябрьской разлуки. Я даже не представляла, насколько

мне будет больно, если он сейчас исчезнет. — Но я хочу, чтобы ты был в безопасности.

Алекс усмехнулся.

— Я не за себя беспокоюсь. Я знаю, как ты относишься к Джэйсу и остальным. Будет плохо, если кто-то из них пострадает. Ты меня точно не простишь. — Кажется, он сильно недооценивает Хэйганов. — Еще есть ты. Никто из нас не сможет простить себе, если с тобой что-то случится.

Я подумала, что есть исключения, и что Лиам точно устроит вечеринку, если я умудрюсь каким-то образом помереть.

— Единственная опасность для меня — это моя собственная глупость.

— Если так, то нам не о чем беспокоиться.

— Прошлая ночь доказывает обратное.

— Если бы не я, ты бы не оказалась в лесу.

— Мой брат тоже к этому причастен, — добавила я. Я не собиралась забывать, какова доля его вины в случившемся. Я люблю брата, но он не прав, и Чарли тоже. Ограниченность их мышления начинала портить мою жизнь. — Он был уверен, что ты будешь в лесах у Пеликаньей бухты, но тебя там не было.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что иначе ты бы раньше нашел меня. — Слова прозвучали претенциозно, но я была уверена, что если бы Алекс был ближе, он бы не задумываясь пришел на помощь.

— Не совсем, — сказал он. — Ты была не в бухте и не в лагере. Мы нашли тебя недалеко от дамбы.

От дамбы? Это же в пяти милях от Пеликаньей бухты, притом в совсем другую сторону.

— И ты еще говоришь, что я не дура.

Я бы не услышала его смех, если бы не прижалась ухом к его груди.

— Ты очень умная девушка, но твой топографический кретинизм налицо.

Я поднялась на локтях и заглянула ему в лицо. Жалко было отрываться от тебя, но оно того стоило.

— Но вы не были в Пеликаньей бухте.

— Неа, не были.

— Почему? Где вы находились?

Если он и подумал, что я слишком любопытная, то этого не показал.

— Нам подсказали, что если мы задержимся здесь на полнолуние, у нас могут возникнуть проблемы. Поэтому мы с Лиамом поехали на другой берег реки. Хэйганы никогда не заходят так далеко. Когда мы возвращались назад, я заснул и увидел, как ты покрываешься инеем где-то под корягой.

Он провел большим пальцем по моим губам, и я представила, как он видит вчерашние синие замерзшие губы, вместо этих, которые дрожат от его прикосновения.

— Подсказали? Кто?

— Неважно.

Он притянул мое лицо к своему, тем самым практически закончив наш разговор. Его руки заскользили вниз по моим плечам, в то время как я целовала его щеки, его глаза, его уши, его шею. Моя рука скользнула под его футболку, все еще желая этого тепла, он застонал и, схватив меня, перекатился по кровати, чтобы оказаться сверху. Он также прошелся губами по моему лицу, и мое дыхание ускорилося. Я, кажется, не контролировала свои руки на

гладкой коже спины Алекса. Затем Алекс поднял голову и начал говорить со стеной:

— Тебе не обязательно сидеть там и подслушивать, как изврат. Сходи прогуляйся, покатайся по округе, может, даже найди себе девчонку. — Мое сердце екнуло от выражения его лица. — Пожалуйста, Лиам.

Через пару секунд послышался звук захлопывающейся двери.

— А теперь... — сказал Алекс — На чем мы остановились?

— На смерти от стыда?

— Нет, это было позднее.

Он положил ладони мне на щеки, которые еще горели.

— Ты такая милая, когда краснеешь.

— Ты знал, что он подслушивает, — обвинила его я.

— Да, но мне все равно.

Он продолжил исследовать мое лицо.

— А мне нет, — сказала я, отталкивая его.

— Почему?

Помимо неловкости оттого, за чем нас поймали? Как насчет того, что я отчетливо представляла выражение полного отвращения на лице Лиама? Или что я совсем не хотела, чтобы этот человек со своей сердитой мордой даже близко подходил к моей личной жизни?

Конечно, Алексу я всего этого сказать не могла. Он считал своего брата очень крутым.

— Я думаю, что твой брат меня ненавидит.

И это я еще сильно сгладила факты.

— Он грубоват, извини за это. Это все потому, что на улице теплеет. Он ненавидит южные штаты, но не тебя. Я уверен, как только он узнает тебя получше, ты ему понравишься.

Я в этом сильно сомневалась, как и в способности Лиама любить вообще хоть что-либо.

— Он меня немного пугает, — сказала я, вновь сильно-сильно смягчив сказанное.

— Это потому что он волк-доминант. Под страшной мордой и суровыми взглядами скрывается одна большая сладкая конфетка. Вам просто нужно время, чтобы привыкнуть друг к другу.

— Как скажешь.

Я в это не верила, но не решилась разрушить семейную фантазию Алекса.

— Давай прекратим говорить о брате, которого я отправил погулять, и продолжим делать то, из-за чего я отправил его на улицу.

Когда дело касалось способов заставить меня забыть обо всех заботах и страхах, Алекс был профессионалом. Пока он целовал меня, все было хорошо. Даже лучше, чем хорошо. Я представить не могла места, в котором была бы счастливее, чем сейчас, вот так с Алексом. Быть может, я все-таки умерла в лесу, и, возможно, это мой рай. Хотя в раю никто не приходит в самый ответственный момент и не стучит в дверь.

Алекс в ужасе застыл надо мной. Он глянул на дверь, а затем глубоко вдохнул через нос, прежде чем расслабиться.

— Черт, — сказал он, надевая футболку и слезая с кровати. — Это плохо.

— Кто это? — спросила я, глядя в зеркало рядом с кроватью и поправляя волосы.

— Провидица стаи, — сказал он, а затем крикнул в сторону двери: — Да выхожу я!

— Может, мне... — я кивнула на шкаф. Он был маленьким, но если Алекс не набил его всяким хламом, как я свой, я бы туда влезла.

— Нет, это не поможет. — Он уже шел к дверям. — Можешь выйти со мной.

Мне это не показалось хорошей идеей, но я последовала за ним.

Алекс глубоко вздохнул, прежде чем открыть замок и отойти в сторону. Я открыла рот от удивления, когда в комнату ворвалась Талли.

ГЛАВА 15

Мама Донован, когда злилась, любила говорить, что у нее кровь закипает. Мне всегда казалось, что это просто выражение, но когда у меня на глазах Провидица бросилась в объятия моего парня, я поняла, что мама была права. Моя лучшая подруга оказалась Провидицей. Нет, мне уже не стоило удивляться. В тот момент я была готова узнать, что моя мама на самом деле суккуб, папа — эльф, а маленькая сестра — лесная фея. Меня больше удивила степень моей обиды и раздражения. Как она могла скрывать от меня такое? Я была ее лучшей подругой. Алекс жил здесь меньше года, но знал о настоящей Талли больше, чем я.

Руки Алекса крепко обнимали Талли, и это совсем не помогало моему кровяному давлению.

— Скаут пропала! — сказала Талли, быстро выплевывая слова. — Это все моя вина. Прошлой ночью мне показалось, что что-то не так, но я не придала этому значения. А утром, когда Джэйс вернулся домой, ее уже не было. Родители сказали, что она ночевала у меня, но, само собой, это не правда. — Огромная слеза прокатилась по ее щеке. — Алекс, они нашли ее машину у Пеликаньей бухты. Стая обыскивает лес, но дождем смыло все следы, и они... они ничего не могут найти.

Все это время Алекс пытался привлечь внимание Талли, но она была слишком погружена в драму, чтобы это заметить. Наконец он добился своего.

— Талли, она здесь.

— Я в порядке, в порядке.

Нет, я была не в порядке, но и не валялась мертвая в канаве, а тогда только это имело значение.

— Скаут?

Талли рванула ко мне, и я не успела ничего сделать, прежде чем меня сковали парализующие объятия. Ее дыхание окончательно сбилось, когда она совершенно искренне зарыдала. К слову, можно злиться на кого-то, кого любишь, когда у них сдают нервы от радости насчет того, что ты жива. И эта злость не мешает так же искренне их утешать.

— Со мной все нормально. Все хорошо.

Когда Талли, наконец, взяла себя в руки, она осмотрела меня с ног до головы на предмет травм и следов насилия.

— Какого черта ты делала одна в лесу в такой ливень? Ты хоть знаешь, как холодно было прошлой ночью?

— Очень-очень холодно?

— Она подслушала, как братья-койоты решили поиграть в игру «Поймай оборотня», — сказал Алекс, — и думала, что спасает меня.

Талли посмотрела на меня как на пятилетнего ребенка.

— Ну, я решила эту проблему.

Конечно же, у Талли все под контролем. Как я не подумала об этом?

— Откуда мне было это знать? — прошипела я. — Я вообще ничего не знаю, потому что ты мне ни о чем не рассказываешь. — Я повернулась к Алексу. — И ты тоже! Знаешь, мы столько раз говорили обо всей этой оборотнической фигне, ты мог хотя бы упомянуть, что моя лучшая подруга гребанная Провидица!

Алекс опустил глаза, внимательно изучая свои ноги.

— Мы не могли рассказать тебе, — спокойно сказала Талли.

— Почему нет? Я недостаточно крута, чтобы быть в вашем сверхъестественном клубе? Или я слишком слабая и хрупкая? Да, все должны защищать бедняжку Скаут, иначе ее съедят волки или она сломается, узнав правду. — Мои глаза затянули слезы, которые я пыталась сдержать. — Знаешь что? Он мне не навредит, и я не какая-нибудь фарфоровая кукла, чтобы надо мной все тряслись. Я не слабая, и мне не нужна защита!

В доказательство своих слов я пнула дверной косяк.

Однажды, после одной из особо бурных стычек со своим отцом, Чарли ударил по двери комнаты Джэйса. Он выбил косяк, но мы смогли все починить и никто не заметил. Не думаю, что я пнула так же сильно: скорее всего, дверные рамы в нашем доме сделаны из более прочного дерева. После того как моя нога пробила раму, с моих губ слетело слово из пяти букв, которое я стала не употреблять.

— Стало легче?

Я не могла смотреть на Алекса, поэтому просто прижалась лбом к дверной раме, которая, к счастью, треснула только внизу.

— Я говорил тебе, что ей стоит знать, — сказал Алекс Талли, когда я подпрыгнула от громкого звонка. Талли посмотрела на имя звонящего, прежде чем раскрыть телефон.

— Привет, Джэйс, — сказала она радостным тоном, который не соответствовал выражению ее лица и высохшим слезам на щеках. — Слушай...

Даже находясь на другом конце комнаты, я могла услышать, как кто-то вопит на той стороне провода.

— Чарли! Послушай... Чарли... *Чарли!*

Алекс подошел к ней сзади и вложил свою руку в ее ладонь. Я уже собралась пробить еще одну дырку в его стене.

— Я нашла ее. Она в порядке. — Чарли сказал что-то еще, что заставило Талли посмотреть на Алекса с поднятой бровью.

— Она у Джой, — спокойно соврала Талли, что было так же странно, как и узнать, что она Провидица. — Меня не было дома прошлой ночью, и она решила найти вас... — Талли закатила глаза, что тоже было на нее совсем не похоже. Такое впечатление, что передо мной стояла ее копия, созданная сайлонами⁵⁹. — Я уверена, все так и есть, Чарли, — добавила она, прежде чем продолжить: — В общем, когда начался дождь, она забежала в закусочную, а потом решила пойти домой к Джой, когда у той закончилась смена. Нет... Мы еще побудем здесь. ... Потому что у нас свои девчачьи разговоры... Чарли... Я привезу ее домой через пару часов.

Чарли продолжал орать в трубку, и что-то в Талли переменялось. Она окончательно перестала походить на мою подругу, когда сказала:

— Ты не вожак стаи, Чарльз Джефферсон Хэйган Младший. Я — Провидица. Я надеюсь, когда мы увидимся в следующий раз, ты извинишься за то, что забыл об этом.

Кто эта женщина? Талли Мэттьюс, с которой я знакома, всегда была робкой и вежливой. Она не врала, не командовала и не бросала трубку в разговоре с друзьями. Алекс пытался отойти от нее, но Талли крепко сжала его руку.

— Ты мне еще нужен.

Талли набрала номер и стала держать трубку чуть дальше от своего уха. Она звонила Джой.

Джой довольно умная девочка, но любая более менее сложная технология — ее

злейший враг. Ей понадобилось три недели, чтобы разобраться с пультом от телевизора, который ее родители купили в прошлом году (все это время она смотрела один канал, так как не могла переключить либо выключить его). Она боится айподов, не понимает, что такое твиттер и фейсбук и, несмотря на то, что мы миллион раз объясняли ей, никогда не поймет, что в телефон не обязательно орать.

— Джой?

— Талли? Боже мой, это ты?! Как странно! Как раз о тебе думала!

Мне не нужны были волчьи чувства, чтобы отчетливо слышать Джой.

— Можешь кое-что сделать для меня и Скаут?

Талли с ожиданием посмотрела на Алекса, но он промолчал.

— Конечно! Что надо сделать?

— Если кто-то спросит, Скаут всю прошлую ночь провела у тебя в гостях. И если кто-то позвонит тебе в поисках нас, не подходи к телефону, а потом скажешь, что мы были слишком заняты, хорошо? Мы... — Она вновь посмотрела на Алекса, но тот вновь промолчал. — Мы тут готовим сюрприз Джэйсу на выпускной, и если он узнает, все будет испорчено, понимаешь?

— Ты хочешь сказать, Джэйс может позвонить мне, да?

Ни для кого не было секретом, как Джой относилась к Джэйсу и что она теряла всякую способность поддерживать разговор, если он был рядом. В последний раз, когда она ночевала у нас, она всю ночь смотрела на стену, за которой была его комната.

— Скорее всего нет, но если вдруг позвонит, прикроешь нас?

Бедная Джой. Мы, без сомнений, вызвали у нее приступ паники. Ну и ладно, это точно не первый и не последний раз за сегодняшний день.

— Конечно. Все сделаю.

Она бы звучала более убедительно, если бы ее голос так не дрожал.

Потребовалось еще несколько раз все повторить, но, когда Талли повесила трубку, она была почти уверена, что у меня появилось достоверное алиби. Убрав телефон в карман, она сразу посмотрела на меня.

— Я знаю, сейчас на меня ты злишься, и у тебя есть полное на это право, но у нас всего пара часов на то, чтобы отмыть тебя.

— Отмыть?

Нет, ну я, конечно, не при полном параде, но душ утром приняла.

— Поверь, никто не хочет знать, что будет, если Чарли учует, что от тебя пахнет Алексом, когда мы вернемся.

Я подтянула ткань футболки к своему носу, и все что, смогла унюхать, это цитрусовый кондиционер для одежды.

— Ты чуешь его запах на мне?

Провидицы и это умеют? Чуют запах обратной?

— Конечно, нет. Но для Чарли и Джэйса ты будешь просто жутко вонять волком. Тебе нужна чистая одежда и очень долгий душ.

Талли Мэттьюс, эксперт по оборотням.

Ладно, я все еще злилась и старалась глубоко вдыхать через нос, а выдыхать через рот.

— Хорошо, — процедила я сквозь зубы. — Пошли.

Алекс остановил меня у дверей.

— Скаут, стой.

Я остановилась, но глаз не подняла.

— Ты же босая.

Черт. А он прав. А где моя обувь? Где вообще вся моя одежда?

— Лиам все постирал, но тебе придется выстирать заново, чтобы избавиться от волчьего аромата.

Он снова жевал губу и смотрел себе на ноги.

— Хочешь пойти со мной все забрать?

Конечно. Не могла же я стоять тут и требовать, чтобы он принес мне мои выстиранные вещи.

Я прошла за ним в прачечную, где он закрыл дверь, а затем посмотрел на меня самыми щенячьими глазами.

— Мне жаль.

— Моя лучшая подруга — Провидица, а ты мне не сказал.

— Она умоляла меня этого не делать.

— И ты обнимал ее и держал за руку!

— Я обнял ее, потому что она расстроилась, и, как ты знаешь, Талли любит обниматься.

— А за руку ты ее схватил, потому что по телефону нельзя говорить без серьезной моральной поддержки?

Алекс глянул в сторону комнаты, откуда сразу же раздался голос:

— Давай, скажи ей.

Учитывая, что сразу после этого я слышала, как она бормочет «Будто я могу тебе запретить», здесь очевидно была использована способность Провидиц подслушивать через тонкие стены.

— Помнишь, я говорил тебе, что некоторые из них могут узнать, о чем ты думаешь, касаясь тебя?

— Да, эмоции, тайны, секретные мысли и все такое.

Если честно, такие Провидицы пугали меня больше всего. Хотелось бы, чтобы мои сокровенные мысли оставались сокровенными. Мысль о том, что кто-то может узнать их без моего разрешения, совсем не успокаивала.

— Талли обладает этой силой. Силой Провидицы Душ.

— Или, как говорит Джэйс, — «Дотронься-и-смотри», — сказала она из-за стенки.

— И как это объясняет то, чем вы занимались? — Мне было все равно, кто из них ответит. Сначала я подумала, что Алекс хочет поговорить наедине, но теперь в этом не было никакого смысла.

— Понимаешь, Талли — довольно сильная «Дотронься-и-смотри». Большинство видит только обрывки мыслей и чувств, и не могут этого контролировать. Но Талли была настолько старательной, что поняла, как слышать нужное и блокировать все остальное. Не думаю, что она разработала определенный алгоритм, но если думать о чем-то конкретном, например, что соврать семье твоей девушки, чтобы они не узнали, где она находится и где провела ночь, и что она провалялась все утро с тобой в кровати, Талли все передаст слово в слово.

— Значит, ты просто передавал ей, что сказать Чарли?

В этом был смысл. Он не мог говорить вслух — Чарли бы его услышал. И мне стало лучше оттого, что Талли все-таки не превратилась за ночь в профессиональную лгунью.

В первый раз с момента ее прихода Алекс кивнул и улыбнулся.

— А ты не мог потрогать ее за плечо, или что-то в этом роде?

Я старалась говорить как можно более обиженным тоном, но уголки моего рта начали подниматься в ответ на настроение Алекса. Он шагнул и положил руки мне на спину.

— Знаешь, вся эта демонстративная ревности мне нравится.

— Прости за стену, — сказала я. Теперь, когда моя злость улеглась, я начала чувствовать себя очень глупо из-за своего поведения. — Я оплачу ремонт.

— Не переживай. В доме оборотня такое происходит постоянно. Однажды Лиам с корнем вырвал кухонный шкафчик и выбросил его прямо через дверь.

От этого мне должно было стать лучше? Оттого, что Лиам достаточно силен, чтобы вытворять такое?

— Ну, тогда я очень надеюсь, что мы с ним все-таки найдем общий язык, и он перестанет ненавидеть меня.

Алекс засмеялся и использовал свой любимый прием для отвлечения. Поцелуи только начались, когда Талли стукнула в стену, чтобы напомнить, что у нас осталось меньше двух часов до того, как койоты продолжат искать меня.

ГЛАВА 16

В машине, которую Талли бережно вела по ухабистой дороге, ведущей обратно на шоссе, было тихо. Я раньше никогда не была в трейлерном парке Лейк Вью. В машине, припаркованной у трейлера, красовавшегося занавесками с трансформерами, я опознала Линкольн 1984 «гетто-стайл» Гаррета Керроу и рефлекторно съехала на сидении вниз. Через несколько трейлеров от дома Гаррета я увидела девчонку, которая окончила школу на два года раньше меня. Она пыталась открыть машину, одновременно стараясь удержать на руках трех грудных детей. Я увлеклась, наблюдая и надеясь, что она не уронит ребенка головой вниз, и не слышала, что сказала Талли.

— Что, прости?

— Я спросила, хорошо ли Алекс целуется.

Из всего, что мы могли мы обсудить, она решила спросить об этом.

— Не хочу рассказывать личное.

— С каких это пор?

— С тех пор как ты стала Провидицей, но мне не сказала.

Я думала, чувство вины остановит этот допрос, но Талли была неумолима:

— Надеюсь, вы хотя бы предохраняетесь.

Я хотела что-то ответить, но не смогла, так как подавилась жвачкой. Талли пришлось остановиться и похлопать меня по спине, пока я не перестала кашлять.

— Мы ничем таким не занимаемся! — сказала я, добавляя «считает меня потаскушкой» к списку причин, по которым я злилась на Талли.

— Правда? — Она наконец выехала на главную дорогу. — Потому что, когда Алекс передавал мне, что сказать Джой, я увидела кусочек воспоминаний о том, чем вы занимались до моего прихода, и...

— Мы просто целовались!

Все подряд лезут ко мне в постель. Пора начать брать деньги за просмотр.

Талли задумчиво смотрела вперед.

— Ты его любишь?

— Сама-то как думаешь? Было бы странно не влюбиться в него.

— Это не ответ.

Я тяжело вздохнула и откинулась обратно на сидение.

— Наверное? Он мне очень дорог, и он такой клевый, и мне с ним очень хорошо. Я очень-очень счастлива с ним. Я думаю, что люблю его, но...

— Но Чарли.

Мы проезжали мимо церкви как раз в тот момент, когда толпа выходила из нее, что напомнило бы, что я пропустила воскресную службу, чтобы полежать в постели с полуголым парнем. Будто мне нужны были еще причины чувствовать себя плохим человеком.

— Да. Но Чарли... — сказала я. — Если бы я действительно любила Алекса, разве чувствовала бы что-то к Чарли?..

Талли пыталась обогнать пенсионера, ползущего впереди нас со скоростью черепахи, но сдалась, когда он ясно дал понять, что ему нужны обе полосы дороги.

— Скаут Донован, не могу поверить, что из всех людей именно ты веришь в эту чушь про одну истинную любовь.

— Почему нет?

Это одно из тех странных убеждений о Скаут, которая не умеет общаться с реальными людьми?

— Твои родители — прекрасный пример того, как можно быть счастливыми и любить больше, чем одного человека.

— Серьезно?

— Конечно. Твой отец ведь любит Бекку?

— Естественно.

Мама и папа всегда занимаются такими неестественными глупостями, как поцелуи и держание за руки во время приготовления обеда.

— Но ведь он любит и твою биологическую мать тоже?

Мои родители не часто говорят о своих первых браках, но раз в месяц отец стабильно отвозит цветы на мамину могилу. Иногда я езжу с ним, но не часто. Мне кажется, так я не отнимаю у них личное время. Он говорит с ней, рассказывает все, что происходит в нашей жизни, говорит, как скучает.

— Да, он любит ее.

— Влюбившись в Бекку, он не стал меньше любить Дженнифер. И наоборот. — Талли заехала на свою улицу. — Единственная любовь — это сказки.

Я хотела сказать ей, что сказки — это мертвые русалки и женатые принцы, целующие спящих девушек, но ей бы не понравилось, если бы я это упомянула.

— Значит, ты хочешь сказать, что я могу любить и Чарли, и Алекса?

— Так и есть, ты любишь их обоих.

— Тогда я дура, — промямлила я, но Талли, скорее всего, была права. Она почти всегда права.

Наверное, я всегда это знала, но этот разговор сделал все каким-то более реальным.

— Как любовь делает тебя душой?

— От любви люди всегда тупеют. Я просто умудрилась отупеть дважды. — Мы быстро приближались к дому Талли, за что я была благодарна. Мне хотелось закончить эту беседу. — С одной стороны, я люблю кого-то, с кем должна скрывать отношения, потому что, если все всплывет, это вызовет какую-то эпическую битву оборотней. С другой стороны, я втрескалась в кузена своего брата, который считает меня сестрой, которой у него никогда не было. И не забывай, они оба монстры из дешевых ужастиков. Если это не тупость, тогда я не знаю что.

— Ты не дура.

— Кто же я тогда?

Талли припарковалась.

— Ты человек, Скаут. Поздравляю, наконец-то ты одна из нас. — Она коснулась моей руки. — Теперь, как человек, кроме твоего постоянного раздражения ты испытываешь широкий спектр эмоций. Не бойся, это совершенно нормально, хоть иногда и необъяснимо.

Я зыркнула на нее.

— Какая же ты вредина.

— У меня был хороший учитель, — сказала она, подмигнув.

— Сделаю вид, что ты имела в виду Джэйса.

— Если тебе от этого легче. — Талли начала открывать дверь, но остановилась и взглянула на меня: — Нам надо поговорить с моей мамой.

Я защелкнула ремень безопасности.

— Забудь. Отвези меня домой.

Я лучше встречу с обезумевшим Чарли, чем с разочарованной миссис Мэттьюс. Талли потянулась и открыла защелку.

— Слишком поздно. Мама будет рада тебя видеть, ведь она провела полдня, думая, что тебя похитил злодей из интернета.

Я нехотя вылезла из машины.

— А что Видит твоя мама?

Я надеялась, что она не видит, когда человек лжет. Это была бы самая подходящая сила для миссис Мэттьюс.

— Цвета и узоры. — Мы вошли в гараж, который мама Талли переделала в мастерскую. — Не так круто, как другие силы, но приносит в разы больше денег.

Миссис Мэттьюс оторвалась от своей швейной машинки. Если она что-то и заподозрила, цветные блики на ее лице скрыли это.

Миссис Мэттьюс была швеей, специализировавшейся на всяких блестяшках. Она получала заказы со всего мира на костюмы для гимнастов, фигуристов и барабанщиков. Делия Мэттьюс была вне конкуренции, когда дело касалось блесток.

— Хорошо, Скаут. — Она встала и показалась мне выше своих метра шестьдесят два. — Я хочу, чтобы ты кое-что примерила.

Женщина наклонилась над одним из жутких манекенов в центре комнаты. В детстве нам запрещали приходить в мастерскую, а после у меня не было причин заходить сюда. Обстановка давила на все мои чувства. Яркие полосы ткани всех возможных цветов висели вдоль стен, на стеллажах лежали миллионы бусинок и страз самых разных форм и размеров. Запах красителя обжигал мой нос, а музыка в стиле блюграсс⁶⁰ жгла уши.

— Давай, примерь, — сказала она, протягивая мне нечто напоминавшее корсет, покрытый светло-бронзовым сатином. Мне не очень хотелось разбираться в бесконечных крючках этого викторианского пыточного устройства, но спорить с миссис Мэттьюс мне не хотелось еще сильнее.

— Хммм... у тебя опять выросла грудь, мне придется немного ослабить верх. — Она потянулась и за секунду расстегнула все застёжки, с которыми я мучилась четыре минуты. — Еще через пару недель придешь на примерку.

— Примерку чего?

— Твоего платья для выпускного. — Она вновь повесила одежду на манекен.

— Моего чего? — Я глянула на Талли, желая объяснений, но та была слишком занята копанием в банке с пуговицами. — Это очень мило с вашей стороны, но я ведь туда не иду.

— Идешь.

— Неа, школьные танцы совсем не для меня.

Миссис Мэттьюс посмотрела мне прямо в глаза:

— В этот раз для тебя. Талли нашла пару на выпускной, и ты пойдешь и присмотришь за ней.

Талли? Пару? На выпускной? Она вообще не считает нужным ставить меня в известность насчет чего-либо?

— Ладно, мы пойдем, — внезапно сказала Талли, отбросив пуговицы. — Пора в путь, и все такое. Если понадобится, мы в моей комнате.

Талли вытолкала меня за дверь, пока ее мама кричала, что я должна прийти на следующей неделе, чтобы разобраться с корсетом, прежде чем она займется юбкой. В этой

суматохе я не заметила, как согласилась.

***

Талли повторила уже миллион раз, а я все равно не могла поверить в сказанное.

— Джеймс Кипплингер? Seriously? Ты идешь на бал с Джеймсом Кипплингером? Ты меня тащишь на бал ради Джеймса Кипплингера?

— Потому я тебе и не сказала. Знала, как ты офигеешь. — Само собой. Я ведь хорошая подруга. Хорошие подруги офигевают, когда ты собираешься совершить социальный суицид, идя на самое неловкое свидание в мире. — Он очень хороший парень и прекрасный человек. Поверь мне, я разбираюсь в этом. Ему просто нужно немного уверенности.

— И эту уверенность дашь ему ты?

— Да.

— Почему?

Несмотря на шум воды и шуршание баночек в шкафчике, я слышала, как Талли вздохнула.

— Потому что только я Вижу, что ему нужно, а нужна ему пара на выпускной и чтобы кто-то общался с ним, как с нормальным человеком. Я могу это сделать и сделаю. Мне жаль, что приходится заставлять тебя идти туда, но не переживай, я тебе все возьму.

Черт. С этим не поспоришь.

— Так как ты все это делаешь? — спросила я, когда она просунула за занавеску еще одну банку с фруктовым мылом. Я поставила ее рядом с остальными. Душевая кабинка теперь походила на косметический магазин. — Тебе нужно коснуться кожи, или можно просто схватиться за рубашку?

— Плоть — лучший проводник, но иногда я могу прочесть человека и через ткань. Зависит от того, как сильно он проецирует себя.

Я в шестой раз помыла за ушами.

— Проецирует?

— Испускает флюиды. Называй как хочешь. Если кто-то очень взволнован или расстроен, они излучают эти эмоции. Я ничего не могу поделать, просто Вижу. Когда это только началось, я места себе не находила. Я не могла пройти по школе, не узнав, что кто-то разбил родительскую машину, сделала аборт либо целовался с парнем, пока его девушка была в отъезде. Это было слишком. Поэтому я начала учиться контролировать свои способности. Такие вещи нельзя подслушивать.

— Это был Джордан, да? Всегда знала, что ему нравятся парни.

— Скаут.

Когда твоя подруга хороший человек, это убивает все хорошее, что есть в сплетнях.

— Ладно, извини. — Я попыталась вспомнить, сколько раз помыла голову, но не смогла. Ну ладно, еще раз не повредит. — Как давно ты стала Видеть? Ты родилась такой?

— Нет, Провидицы такие же, как шифтеры. Силы пробуждаются в переходном возрасте.

— Значит, ты стала провидицей в 11 лет, или типа того?

— В июле.

— В каком июле?

Я открыла еще одно мыло и мгновенно отбросила его. Лучше я буду пахнуть волком, чем розами.

— Я начала Видеть в июле.

Выглянув из-за занавески, я увидела, что Талли построила крепость из лосьонов.

— В июле? Этого года? Ты носишь лифчик с четвертого класса, а эти дни у тебя еще в начальной школе начались. Я думала, переходный возраст у тебя уже закончился.

Талли прекратила расставлять разноцветные флакончики и посмотрела на меня, скривив лицо из-за лужи воды, стекавшей с моих волос.

— Я сказала, что так *обычно* бывает. У меня началось позже. Все думали, что я обломалась с даром, пока летом у меня не возникло видение.

Она протянула мне губку, намекая, чтобы я ускорила с мытьем.

— Я думала, тебе нужно прикоснуться к человеку. А у тебя еще и видения бывают?

— Ну, мама считает, что это было видение. Но потом началась вся эта ерунда с прикосновениями, а раз у Провидиц есть всего одна сила, скорее всего, это было *не настоящее* видение, но мальчишки мне все равно не поверят.

Вода постепенно из кипятка стала теплой, а потом начала постепенно превращаться в ледяную. Этого мне хватило вчера, поэтому я выключила душ, будучи уверенной, что облако фруктовых запахов скроет любые оставшиеся следы Алекса.

— А что это было за видение? — спросила я, обматываясь полотенцем.

Талли закрутила волосы вокруг пальца, смотря мимо меня на стену.

— Да ничего особенного.

Нет, она точно не научилась врать за ночь. Приятно это знать.

— У тебя еще есть секреты от меня?

— Прости. Мне нужно тебе сказать... Это поможет тебе понять, но... — Она глубоко вздохнула, и посмотрела мне в глаза. — Ты понимаешь, это не настоящее видение. Я не вижу будущего. Этого не произойдет.

А вот это уже как-то настораживает.

— Не настоящее видение. Поняла.

— Я смотрела какое-то реалити-шоу со звездами или что-то наподобие и не заметила, как уснула, и, в общем, я увидела парня, идущего по комнате. Я никогда его не видела, но сразу поняла, что он оборотень. В нем было что-то такое звериное. — Она остановилась и провела руками по запутавшимся волосам. — Он был голый по пояс, и его грудь была вся в крови, но это была не его кровь. Это была кровь девушки, которую он нес на руках. На ее животе были следы когтей, одежда и плоть разорваны в клочья. — Талли потерла глаза, будто видение висело прямо перед ней. — Было много крови. Кровь повсюду. Вся ее одежда была мокрой от крови, кровь засохла на лице, на волосах. Но даже так я сразу поняла, кому принадлежит это безжизненное тело. — Мое сердце ушло в пятки, ведь я сразу осознала, чем все закончится — Это была ты, Скаут. — Голос Талли дрогнул. — Он нес тебя.

Отстой.

— Ну и хорошо, что это было не настоящее видение, правда?

— Поэтому они так ненавидят Коулов, поэтому не хотят, чтобы ты виделась с Алексом. Они боятся, что если вы слишком сблизитесь, он...

— Выпотрошит меня как свинью?

Талли дернулась.

— Не смешно.

— Потому я и не смеюсь.

Мне было совсем не смешно. Я не волновалась насчет Алекса. Алекс бы никогда не

навредил мне, но Талли видела мужчину. Звероподобного мужчину. Я знала одного такого и представить, что он захочет выпустить мне кишки, было совсем не сложно.

— И когда у тебя было это ненастоящее видение?

— Пятого июля, — сказала она, снова перебирая волосы. — И прежде чем ты спросишь, да, это именно тот день, когда Коулы переехали сюда.

Как удобно. Я сидела на краю ванной, думая, смогут ли мои ноги удержать меня.

— Но ты ведь не видишь будущее, правда?

— Алекс ничего тебе не сделает.

— Я знаю. — На ее лице была написана неопределенность. — А он знает об этом?

— Нет.

— Но Джэйс и Чарли знают, и они уверены, что это произойдет?

— Они считают, что это слишком странно, чтобы быть совпадением. Они приехали в тот же день, когда я видела этот сон. Да еще и одержимость Алекса тобой... — Она тряхнула головой. Я не поняла, относилось ее отрицание к убеждениям Джэйса и Чарли или к чувствам Алекса ко мне.

— Я пыталась сказать им, объяснить, как сильно Алекс любит тебя, что он и пальцем тебя не тронет, но они не слышат. Ну, Чарли слышит, но это наоборот все только обостряет.

— Что насчет Лиама?— спросила я через онемевшие губы.

Внимание Талли вновь вернулось на стену.

— Что насчет него?

— Он способен меня у... навредить мне?

— Не знаю.

Я знала. Он был не просто способен, он хотел этого. Я взяла флакон с тумбочки.

— Мне надо одеться. Буду через минуту.

Талли собралась уходить, но остановилась в дверях.

— Я не вижу будущего, Скаут. Тебе никто не навредит.

Я заставила себя улыбнуться.

— Я знаю. Ничего страшного, — сказала я, радуясь, что могу убедительно врать.

ГЛАВА 17

Я узнала, что Лиам Коул может убить меня, и это, мягко говоря, не самая приятная новость, но такие мысли посещали меня с августа. Конечно, после признания Талли я несколько ночей не могла спать спокойно, но со временем у меня получилось отвлечься и не думать об этом. Но это не значило, что я забыла.

— Знаешь, мне начинает казаться, что быть задранной в лесу оборотнем — не самая плохая идея, — сказала я, когда Талли в очередной раз ткнула мне булавкой в голову.

— Может, не будем опускаться до настолько черного юмора?

Талли закрепила еще одну длинную прядь волос у меня на затылке, применив гораздо больше силы, чем требовалось.

— Это будет не так больно. Что ты там вообще делаешь?

— Пытаюсь удержать все на своих местах. У тебя даже волосы упрямые.

— Тебе не обязательно этим заниматься. Оно того не стоит, у меня даже пары нет.

— Алекс будет там. Неужели тебе не хочется выглядеть красивой для него?

Когда Алекс узнал, что меня заставляют идти на выпускной, он тоже решил пойти. Я предложила ему пригласить Джой, так как Джон Дэвис недавно бросил ее. Я, конечно, не ревновала, но чувствовала себя неудачницей.

— Ладно, сойдет, — сказала Талли, вылив мне на голову пол баллона специального лака для южных женщин: сильного, как промышленный клей. — Глянь.

Она направила меня в сторону огромного зеркала, висевшего на стене.

Я не узнала девушку, которую увидела. Платье, сшитое миссис Мэттьюс, было похоже на нечто из страшной сказки. Множество слоев тонкой паутинной материи металлических оттенков обрамляли зверский корсет, создавший впечатление узкой талии и большой груди, а цвета заставляли мою кожу и глаза выглядеть какими-то призрачными. К моему удивлению, на голове Талли умудрилась создать нечто элегантное и сексуальное.

— Я думала, вы Провидицы, а не ведьмы.

— Ведьмы?

— Да, ведьмы. Только ведьмы способны на такие магические превращения. Ну, ведьмы и феи. Вы точно не феи?

Талли засмеялась и встала рядом со мной.

— Ну что, тебе нравится? Чувствуешь себя самой красивой?

— Чувствовала, пока ты не подошла.

Платье Талли было одним из самых гламурных творений миссис Мэттьюс. Оно превращало Талли в фигуристую богиню секса и по цвету совпадало с ее голубыми глазами. Ее волосы висели идеальными сияющими спиральками.

— Бедный Джеймс. Он еще не знает, что его ждет.

Ее щеки слегка покраснели.

— Нет, я же не хочу его соблазнить или что-то вроде того. Просто хочу, чтобы хотя бы один вечер за все время его обучения в школе он не чувствовал себя отверженным.

— Святая Талли, — подразнила я ее.

Стук в дверь помешал Талли с обезоруживающей искренностью ответить на мой комментарий, либо толкнуть речь о том, что мы всегда должны делать добрые дела. Нормально, я уже слышала это все, и не раз.

Миссис Мэттьюс просунула голову в дверь и посмотрела на нас необычайно

довольным взглядом.

— Прекрасно выглядите, девчонки, как с картинки. Даже не верится, как сильно вы выросли.

Ее глаза блеснули от света, и я испугалась, что она сейчас заплачет.

— Спасибо, миссис Мэттьюс. Это платье прекрасно. Вы превзошли себя, — сказала я, вспомнив о своих манерах.

Миссис Мэттьюс окинула меня критичным взглядом.

— Надо было добавить больше ткани сверху. Твою маму не обрадует то, что ты демонстрируешь грудь перед Господом нашим и перед всеми остальными.

Ладно, теперь я покраснела. Эта женщина не должна говорить про мои сиськи и про то, кто должен их видеть, а кто нет. Никогда. И ей не стоит поправлять мое платье, чтобы спрятать их, но я была слишком напугана, чтобы об этом упомянуть.

— Ладно, думаю, сойдет, — сказала она, вздыхая над моим верхом. — Ваши пары вас уже заждались.

— Пары?

— А что, у молодежи это теперь по-другому называется?

— Скаут идет одна. У неё не должно быть пары.

— Тогда вы должны были предупредить об этом того бедного мальчика, который сидит в гостиной.

Мы с Талли переглянулись, прежде чем выбежать из комнаты. Миссис Мэттьюс не шутила. У нас действительно были пары. Джеймс сидел на краю цветастого дивана, с виду готовый убежать в любой момент. Он выглядел... не то чтобы хорошо, но лучше. Он причесался, вымыл голову и надел рубашку с галстуком вместо узких джинсов из Уолмарта и футболки Нинтендо, которые он обычно носил. Конечно, пиджак был на пару размеров больше, чем нужно, а яростно красные щеки, теперь не скрываемые жирными волосами, стали еще заметнее, но это все равно был значительный прогресс. Второй парень по сравнению с ним выглядел как модель GQ⁶¹.

— Чарли?

— Хэйган. Чарльз Хэйган. — сказал он, изображая Шона Коннери⁶².

— Что ты здесь делаешь?

Он встал и поправил пиджак.

— Я здесь, чтобы сопроводить вас на танцы, миледи.

— С каких пор?

— Черт, я знал, что что-то забыл. Ладно, сейчас. — Он выдохнул и выпалил весьма фальшивым тоном: — Скаут, ты пойдешь со мной на выпускной?

— Нет.

— Жаль. Но я все равно иду с тобой.

— Слушай, я знаю, что Джэйс заставил тебя...

Чарли хихикнул.

— Джэйс тут не при чем. Я сам четыре часа сюда ехал, взял в прокате этот дурацкий костюм и купил эти прекрасные цветы, и все для того, чтобы отвезти тебя на бал. А теперь скажи, что пойдешь со мной.

Мне показалось, что есть и другие причины, которые привели Чарли в Тимбер этой ночью, но я решила не думать об этом.

— Покажи мне эти цветы.

Он триумфально улыбнулся, вкладывая букет мне в руку. Они действительно были довольно милы, по большей части. Маленькие деликатные разноцветные розы, перемешанные с гвоздиками. Правда, я не понимала, зачем кто-то запихнул в самый центр желтые цветы странной формы.

— Что это за цветы?

— Я тебе что, ботаник?

— Будешь весь вечер умничать?

— Это значит, что мы весь вечер проведем вместе?

Да я даже не сомневалась.

— Ладно, я не развалюсь, если позволю тебе еще один раз пережить дни своей школьной славы.

— Так я и думал, — сказал он, кладя руку мне на плечо.

Обед был болезненно неловким. «Валеро», один из двух ресторанов в радиусе сорока пяти миль, был забит, поэтому нам пришлось вчетвером сидеть за столиком для двоих. Мы постоянно сталкивались локтями и хватали чужие стаканы с водой. Чарли пытался развести Джеймса на беседу, но ужин прошел настолько хорошо, насколько можно было ожидать. Танцы устраивались в нашем школьном спортзале. Я слышала, что некоторые школы устраивали выпускные в роскошных отелях. Это было бы очень мило. К несчастью, в Тимбере не было роскошных отелей. Единственный балльный зал находился в парковой зоне, и там бы пришлось сражаться за танцпол с тараканами.

В нашей школе бал для выпускников устраивают классы, только начавшие обучение в старшей школе. Они оформляют зал, выбирают тему, нанимают специалистов и покупают еду. Зайдя в зал, я подумала, что младшеклассники нас ненавидят. Внутри все выглядело так, будто взорвался цирк шапито. По всему залу с потолка свисали красно-белые ленты, в центре каждого стола стояли букеты из шаров, а выпускные фотографии мы должны были делать на фоне большого бетонного слона.

— Да вы издеваетесь.

Чарли чуть ли не по полу катался со смеху.

— Джэйс просто офигеет! — Он указал на середину зала, где стоял диджей, наряженный в костюм клоуна.

— Прекрати, — сказала Талли. — Многие люди искренне боятся клоунов. Выпускной Джэйса испорчен.

Мы с Чарли начали смеяться еще сильнее.

— Могло быть хуже, — сказал Чарли. — Они могли устроить...

Я так и не услышала, что именно они еще могли придумать, чтобы сделать выпускной еще хуже, так как узнала пару, сидевшую за столом, к которому направлялись мы с Талли. У меня сердце ушло в пятки.

— Джой, ты прекрасно выглядишь! — сказала я как-то слишком радостно. — У тебя платье прямо как у Меган Фокс на вручении наград MTV!

— О боже! Я точно так же подумала! — Мой комплимент заставил Джой трястись от счастья. — Ух ты! Кто твой друг?! Он супер милый!!

— Ты помнишь Чарли, да?

— Да, ты же кузен Джэйса, верно? — Она повернулась к Алексу, который в своем

черном костюме и галстукe излучал элeгантное равнодушие. — Алекс, это Чарли. Он кузен Джэйса, но они не кровные родственники, поэтому то, что он пришел со Скаут, — совершенно нормально!

Напомните мне потом поблагодарить Джой за эти слова.

— Чарли, это Алекс.

Чарли по-пацански кивнул, Алекс ответил ему тем же. Это было не самое теплое приветствие, но, по крайней мере, они не бросились друг на друга с кулаками. Отличное начало. Свободных мест было всего два, что ставило меня перед выбором — либо сесть между Чарли и Алексом, либо допустить, чтобы они сидели рядом. Я молча опустилаcь на свой стул и прижала ногу к ноге Алекса.

— Красивые цветы, — сказал он, бросив взгляд на мою руку, лежавшую на столе. Надеюсь, он не заметил, что она медленно пододвигается к его руке.

— Милые, правда? Я не знала, что розы бывают такого цвета.

А я неплохо поддерживала нормальную беседу. Алекс посмотрел на Чарли с кривой усмешкой:

— Эти желтые цветы. Интересный выбор.

— Раньше я никогда таких не видала, — призналась я. Это прозвучало лучше, чем «Они ужасны и совсем не смотрятся в этом букете».

— Это аконит⁶³. Волчий корень, — робко сказал Джеймс с другой стороны стола. Волчий корень? Серьезно, Чарли?

— Это тот цветок, которым травят оборотней или типа того? — спросила Джой.

— В различных верованиях по-разному, — оживился Джеймс. Его голос стал более уверенным, когда мы затронули одну из его любимых тем — сверхъестественные штуки. — Кто-то говорит, что с его помощью можно вычислить оборотня, другие утверждают, что аконит может остановить превращение. В одном фильме про Дракулу им отгоняли вампиров.

— В «Оборотне»⁶⁴ из аконита делали лекарство от ликантропии, — включилась Талли. Джеймс посмотрел на нее круглыми глазами. Тогда я впервые увидела его улыбку. Возможно, в тот раз он улыбался впервые в жизни. Улыбка сильно улучшила его внешний вид.

— Ты фанат «Оборотня»?

— Мама умрет, если узнает, но я посмотрела его около десяти раз.

Энтузиазм Джеймса стал очень милым, когда они с Талли переключились в режим киноманов.

Перестать говорить о волчьем корне, скорее всего, было бы лучшим вариантом, и я раздумывала об этом, прежде чем обратиться к Чарли:

— Очень мило с твоей стороны, но полнолуние только завтра.

Он даже не дернулся.

— Волчий корень, значит? А я-то просил их вставить туда бутоны бергамота. — Он протянул свои теплые руки и взял меня за запястье. — Мой профессор экологии в колледже сказал, что он позволяет одному человеку полностью очаровать другого. Я хотел воспользоваться этим, чтобы потанцевать с тобой.

Его губы изогнулись в ухмылке, в то время как его пальцы проследовали от моего запястья до локтя. Я знала, что он просто выпендривается перед Алексом, но кожа все равно

покрылась мурашками, а сердце забилося чаще.

— Похоже, мне придется найти другой способ убедить тебя.

Джой использовала свой фальшивый неловкий смех.

— Конечно, она будет танцевать с тобой. Ты же привел ее на бал.

— Я не танцую.

Еще больше фальшивого смеха, который начинал меня раздражать.

— Да ладно тебе, это же выпускной. Надо танцевать.

Почему мои родители не были радикальными христианами, считавшими танцы восьмым смертным грехом?

— Я никому ничего не должна, — сорвалась я.

Джой вздрогнула, отчего я мгновенно почувствовала себя виноватой. У меня даже опали плечи.

— Ты знаешь, что я не умею. Я танцевально отстала.

Алекс приподнял уголок рта, показав ямочки.

— Все умеют танцевать, Скаут. Просто тебя никто не научил.

Моя фантазия танцев в объятиях Алекса была грубо прервана, когда Чарли вцепился в мою руку так сильно, что, скорее всего, оставил отпечатки пальцев на кости.

— Да, танцевать легко! — сказала Джой. — Мы можем тебе показать. Правда, Алекс?

— Конечно.

Он отодвинул стул Джой, как джентльмен. Для всех остальных он выглядел таким беззаботным, но для меня его боль была очевидной. Желание приласкать его и успокоить было невыносимым. Я хотела обнять его и сказать, что люблю, чего я еще не сделала. Рука Чарли словно превратилась в кандалы. Вскоре Талли и Джеймс присоединились к Джой и Алексу, а я осталась за столом наедине с Чарли. Пока мои друзья танцевали, он комментировал все происходящее вокруг нас. Я почти не слушала, как он посмеивается над шлюховатым поведением Эшли и попытками Джордана танцевать как робот. Все мое внимание было сосредоточено на комке, в который сжались мои нервы.

Чарли сделал еще несколько попыток затянуть меня на танцпол, но я отмахивалась от него. Я была не в настроение демонстрировать танцевальные навыки перед всей школой. Вместо этого я наблюдала, как Алекс прыгает вокруг Джой и Талли. Я думала, что он вернется к столу после того, как Джой отправится к бару, но он заговорил с группой старшеклассников, которым было еще сильнее плевать на танцы, чем мне, а затем вышел через двойные двери.

— Ты куда? — спросил Чарли до того, как я сама поняла, что выскочила из-за стола.

— В туалет, — крикнула я, пробираясь через море тел между собой и выходом. Я выскочила как раз вовремя, чтобы успеть перехватить Алекса, когда он прошмыгнул на парковку и уже садился в свою машину.

— Что ты делаешь?

Он подпрыгнул, услышав мой голос.

— Ухожу. Джой и Джон помирились, так что мне больше нечего тут делать.

— Тебе не нужно уходить.

— Нет, нужно.

— Почему?

Я потянулась к нему, но он отступился.

— По той же причине, по которой я не могу позволить тебе прикоснуться ко мне.

Своими лакированными туфлями он передвинул гравий под ногами.

— Это из-за Чарли? Слушай, он просто появился в костюме и с цветами, я не знала, что он придет и...

— Скаут, это не твоя вина, а я моя. Полнолуние уже близко, зверь внутри меня жаждет доказать свое превосходство. Если я останусь, то нападую на него, и ты мне этого никогда не простишь...

— Я не понимаю. Ты же не нападаешь на Джэйса в школе...

Алекс посмотрел на меня, его стальные глаза встретились с моими, прежде чем он опустил взгляд на ожерелье на моей шее.

— Чарли — совсем другое дело.

— Я тоже пойду домой. Не хочу там находиться, если тебя не будет.

— Нет. Ты должна остаться. Веселись. Рассмотрим все варианты.

— Варианты?

— Он любит тебя. Он будет заботиться о тебе. Ты заслуживаешь лучшего, чем всё, что я могу тебе дать.

Я долго молчала, не зная, что сказать. Алекс ошибался. Не знаю, что бы я делала, если бы это было не так.

— Мне не нужны варианты, — наконец сказала я. — Мне нужен ты. Я твоя судьба, помнишь?

Алекс засунул руки в карманы и попытался улыбнуться.

— Я сказал, что ты моя судьба. Я не говорил, что я — твоя. Я никогда не обманывал себя, думая, что могу быть с тобой.

Я начала яростно моргать, пытаюсь сдержать готовые пролиться слезы. Он нежно провел рукой по моему подбородку.

— Не нужно было этого делать, — сказал он, опуская руку. — Не касаться тебя — это так трудно. — Он закрыл глаза, делая долгий глубокий вдох. — Пожалуйста, вернись в зал, Скаут. Я не хочу портить тебе выпускной вечер. Пожалуйста, постарайся хорошо провести время.

Я нехотя кивнула головой.

— Если ты этого хочешь...

— Хочу. — Он последний раз горько улыбнулся мне, прежде чем открыть дверь машины. — Спокойной ночи, Скаут.

Я стояла на месте, пока огни фар не растворились в сумерках, а затем вернулась внутрь с намерением сдержать обещание и хотя бы попытаться повеселиться, несмотря на разбитое сердце. Но проще сказать, чем сделать. Чарли разлегся на стуле, пялясь на дырку в стене, а Джэйс сердито фыркал в сторону танцпола.

— Где ты была? — спросил Чарли, не поднимая головы, когда я села рядом.

— Я говорила: в туалете. Знаешь, это не так легко в таком-то платье.

Чарли пытался что-то сказать, но тут Джэйс подал голос:

— Какого черта она делает?

Под «ней» он, скорее всего, имел в виду Талли, чьи бедра двигались в такт лившейся из колонок песне Рика Джеймса⁶⁵.

— Думаю, это называется танец.

Стеклянные глаза Джэйса повернулись ко мне.

— Я говорю, какого черта она делает с этим лузером? — Он махнул рукой в сторону

Джеймса. — Если бы я знал, что ей так нужна пара, я бы попросил какого-нибудь новичка из команды пойти с ней.

Произнося это, он придвинулся ко мне. Перегар чуть не сбил меня со стула.

— Ты нажрался.

Джэйс трижды ковырнул пальцем в носу.

— Нет, до носа достаю, все норм.

По крайней мере, теперь настроение Чарли стало более объяснимым. Его отец был алкоголиком, причем довольно буйным, поэтому сам Чарли относился к выпивке с некоторой долей презрения.

— Что случилось? — спросила я Чарли, пока Джэйс продолжил проверять себя на трезвость, тыкая пальцем в нос и иногда библикая.

— Похоже, клоун был слишком страшным.

— И что нам с ним теперь делать?

Чарли глянул на Джэйса, теперь пытавшегося двигаться в ритме хип-хопа.

— Предлагаю притвориться, что мы с ним не знакомы и он просто подсел к нам пообщаться.

— Я не это имела в виду.

Чарли вздохнул.

— Все нормально. Тинсли отвезет его к Тайлеру домой и обещала присмотреть за ним.

Странно в этом признаваться, но я не умею общаться с пьяными людьми. Чарли всегда отгораживал меня от его своего отца, да и на дикие вечеринки в бухте я не ходила. На наших посиделках с Талли мы предпочитали употреблять только шоколад. Джэйс пытался споить меня в десятом классе, но я отказалась, мотивируя это тем, что пиво пахнет, как конская моча. Так как я не согласилась, он тоже забросил эту идею. Смотреть на Джэйса в таком состоянии было неприятно.

— Ты пил воду? — спросила я его.

Джэйс посмотрел на меня так, будто я спросила, не ел ли он кенгуру на завтрак.

— Надо пить много воды, чтобы плохо не стало. Пойдем, найдем тебе бутылку.

Джэйс, разумеется, начал спорить. Пока я пыталась донести до него основы алкогольного обезвоживания, Чарли ускользнул, пообещав вернуться с минералкой. Я была признательна, когда Талли и Джеймс, потные, но счастливые, вернулись за стол.

— Слава богу, трезвые люди.

— О, вот и ты! — сказал Джэйс Джеймсу. — Ты знаешь, что она слишком хороша для тебя?

— Ага, знаю, — ответил Джеймс, не прекращая улыбаться, что все-таки было для него в новинку. — Но то, что для тебя она тоже слишком хороша, как-то успокаивает

— Фуу! Талли мне как сестра! Мы вместе принимали ванну!

— Никогда такого не было.

— Было, было.

— Нет, не было. А теперь сядь, пока ты не упал и не разбил голову.

Талли пыталась удержать Джэйса, но он отмахнулся от нее.

— Не трогай меня, — рявкнул он, выскакивая из-за стола.

Джеймс встал между Талли и моим раздраженным братом.

— Не говори с ней таким тоном.

Джэйс отпихнул его.

— Ты че, нарываешься, сморчок?

Джеймс раздумывал над своим следующим ходом, когда чьи-то руки схватили Джэйса за плечи.

— Тебе кто-нибудь говорил, что пьяный ты ведешь себя как полный козел?

— Пошел ты.

— Забавно. Чувак, ты бы обратил внимание, что там Джордан делает с твоей подружкой. А то они, похоже, тоже скоро куда-нибудь пойдут.

Само собой, Джордан и Тинсли зажимались в уголке танцпола, и танцем это можно было назвать лишь с большой натяжкой. Я никогда раньше не смотрела порно, но мне показалось, что оно было более целомудренным, чем происходящее на моих глазах.

— Вот урод!

Джэйс рванул в ту сторону, раскидывая всех, кто попался ему на пути.

— Что нам делать? — спросила я Чарли, не отрывая глаз от удаляющегося Джэйса.

— Давай танцевать.

— Чарли, я не думаю...

— Проблема в том, что ты слишком много думаешь. — Его руки дотронулись до моего лица так же, как недавно это делал Алекс. — Пожалуйста, Скаут. Прошу, потанцуй со мной. — Его голос сломался, как и мое сопротивление.

Я последовала за Чарли на танцпол, и у меня внутри как будто все перевернулось. Когда мы нашли свободное местечко, басы стихли, и раздался звук клавиш. Знакомый мотив. Я удивленно улыбнулась, когда из колонок полился голос певца.

— Готова спорить, этот клоун никогда не слышал про Тома Уэйтса⁶⁶.

Чарли улыбнулся в ответ.

— Так и есть.

— Что ты сделал? — спросила я, ощущая его руки на своей талии.

— Я объяснил ему, что мне нужно сдержать обещание перед девушкой, а затем подсоединил свой айпод к его колонкам. Этот мужик ужас какой дремучий, когда дело касается современных технологий, хоть ему и всего 30!

— Что за обещание?

— Так и знал, что ты не вспомнишь. — Чарли был очень доволен собой. — Мы смотрели Золушку, и ты просила меня отвезти тебя на бал, чтобы ты могла потанцевать с прекрасным принцем.

Воспоминания зашевелились где-то на задворках моего мозга.

— И ты сказал, что мне придется смириться с танцем на выпускном.

— Ты очень упрямо отказывалась выполнять наше обещание. Я уже думал, что бы тебе подсыпать, чтобы вытащить сюда.

— Как же ты вспомнил? Это было больше семи лет назад.

Он подтянул меня ближе, и мое сердце едва не выскочило через горло.

— Я очень долго ждал этого танца. — Он наклонился, прикоснувшись губами к мочке моего уха. — Ты сегодня очень красивая, Скаут.

Мои щеки покрыл знакомый румянец.

— Я передам этот комплимент фее-крестной миссис Мэттьюс, волшебной швее.

Его теплое дыхание обжигало мое ухо.

— Платье ничего не значит, если оно не одето на девушку.

Я не смогла придумать остроумный ответ, поэтому просто расслабилась в его руках,

наслаждаясь ощущениями. После этого Чарли попытался развести меня на быстрый танец, но я объявила, что обещание было полностью сдержано, и вернулась за наш столик.

Мы посидели еще час, наблюдая, как Тинсли тащит Джэйса за двери, и облегченно вздохнули, когда она позвонила Чарли, чтобы сказать, как отвратительно она провела время, что Джэйс весь выпускной проходил пьяным и пропустил вечеринку, заснув в чьем-то гамаке.

Чарли остался на выходные в нашем доме, поэтому он проводил свою пару до самой двери спальни.

— Ну как, хорошо провела время?

— Да. — К моему удивлению, я даже не солгала. Конечно, были и тревога и драма, но присутствовали и хорошие моменты, вроде обнаружения неожиданной искрометной стороны Джеймса Киплингера. — Спасибо, Чарли.

— Эй, ночь только началась. Переодевайся в пижаму и давай посмотрим пару серий «Хора»⁶⁷. Я даже позволю тебе подпевать!

— Соблазнительное предложение, но в моих планах на завтра подготовка к тесту по математике, который будет в понедельник. И еще мне понадобится несколько часов на то, чтобы вылезти из платья и найти все триста шпилек, которые Талли воткнула в мои волосы.

— Давай помогу. — Чарли зашел мне за спину и начал расстегивать крючки. Я вздрогнула, когда ощутила его пальцы на своей коже. — Она думала, что ты будешь носить его до конца жизни?

— Мне кажется, миссис Мэттьюс создала вариацию пояса верности. Любой парень умрет от скуки еще на первых десяти крючках. Бедный Джеймс, на платье Талли их в два раза больше, чем на моем.

Чарли выдохнул, всколыхнув волосы на моем затылке.

— Она не добилась желаемого эффекта.

Я почувствовала тепло в животе, когда он расстегивал последние застёжки. Мне показалось, или у него дрожали пальцы?

— Ты... — Он вздохнул и прочистил горло. — Тебе помочь с волосами?

Я кивнула, размышляя, не потеряла ли я дар речи. Его руки нежно двигались в моих волосах, освобождая одну прядь за другой.

— Ты его любишь? — спросил он так тихо, что я не была уверена, сказал ли он что-либо.

— Кого?

— Я не такой глупый, каким ты меня считаешь, Скаут. Я вижу, как вы смотрите друг на друга и как ты ведешь себя, когда он рядом.

— Я... я не считаю тебя глупым. И я не понимаю, о чем ты говоришь

Мое сердце билось предательски громко. Он развернул меня, чтобы взглянуть в мои глаза. Я прижала верх платья обеими руками, чтобы удержать его на месте.

— Я буду любить тебя сильнее. Я дам тебе все, что ты захочешь. Все, что сделает тебя счастливой. Может он сказать то же самое?

Я посмотрела в глаза Чарли и поняла, что Талли была права. Можно любить двух человек сразу, но остаться должен только один. Я стояла в темном коридоре в расстегнутом бальном платье и, чувствуя тепло тела Чарли рядом с собой, приняла самое тяжелое решение в своей жизни.

ГЛАВА 18

Когда на следующее утро я пошла в церковь, машины Чарли уже не было. Что неудивительно, хотя я несколько разочаровалась. Я хотела, чтобы он остался, словно ничего не произошло, словно я не разбила его сердце и не разрушила все, что было между нами.

— Пожалуйста, Скаут, — умолял он меня. Я много раз видела на его лице это болезненное выражение, но впервые я была этому причиной. В тот момент я ненавидела себя сильнее всего на свете. — Пожалуйста, просто подумай. Ты не обязана ничего решать прямо сейчас.

Но он ошибался. И я не жалела о своем решении. Происходящее между мной и Алексом было предначертано судьбой. Я не могла отказаться от него, так же как не могла перестать дышать. Любила ли я Чарли от этого меньше? Вовсе нет. Просто я не могла быть с ним.

Отстой.

Не знаю, что я сказала, и сказала ли что-либо вообще. Зато знаю, что я струсила, убежала, спряталась в ванной и сидела там, пока не кончилась горячая вода.

Утренняя воскресная служба была посвящена плотским соблазнам. Преподобный Джессап ведал о том, что те, кто решился на секс, алкоголь и наркотики будут вечно гореть в огненных адских глубинах. Скорее всего, мне не показалось, что, говоря это, преподобный то и дело бросал взгляд на пустое место передо мной, где обычно сидел Джэйс.

Остаток дня я провела, скрываясь в своей комнате. Видимо, я пряталась недостаточно хорошо, раз Энджел умудрилась меня найти. Она плясала перед моей дверью с Гвидо, требуя подробного описания выпускного вечера, и не оставляла меня в покое до тех пор, пока после обеда не приперся Джэйс. Гневные голоса заполнили все вокруг. Папа вещал об алкоголизме и непристойном поведении, маму же больше волновало, что она не сможет вернуть пиджак обратно в прокат. Энджел не могла сидеть спокойно и не видеть все действие своими глазами. Я почти спустилась вниз, но поняла, что все, что мне остается, это ждать. Как я и думала, вскоре раздался стук в мою дверь.

— Скаут?

Джэйс вполз внутрь и закрыл за собой дверь. У него была очень смешная прическа — половина волос плотно прижималась к его голове, а вторая торчала вверх под прямым углом. Его костюм был еще смешнее — видимо, кто-то раздобыл одну из тех ручек-отбеливателей и приступил к художествам.

— Веселая ночка?

— Ну, или так мне рассказывали, — сказал он, падая на мою кровать. — Я почти не помню происходящее после обеда... Хотя нет, я помню, как клоун-садист мучал подростков песнями «Спайс Герлз», прежде чем изрубить их топором.

— Пытку музыкой я тоже помню... А вот кровавую резню...

— Мы просто вовремя ушли. Чистая правда.

Джэйс принял позу эмбриона и положил подушку себе на голову. Когда я подумала, что он уснул или же впал в состояние комы, я вернулась к своим учебникам. Я бессмысленно смотрела на страницы, пытаюсь понять хоть что-то, когда Джэйс спросил меня:

— А где Чарли?

— Я не знаю.

Скорее всего, жжет мои фотографии на костре.

Джэйс отбросил подушку и вскочил на кровати, щурясь от яркого света.

— В смысле — не знаешь? Что случилось?

— Ничего, — солгала я.

Интересно, рассказал бы ему Чарли. В прошлом году, когда Чарли узнал, что Кристал Хоббс изменяет ему с солдатом-срочником, Джэйс помог ему пережить первую тяжелую неделю бесконечными видеоиграми и убеждениями, что ему будет гораздо лучше без этой шлюховатой сучки.

Что бы он сделал, если бы шлюховатой сучкой была я?

Я чувствовала себя так же плохо, как выглядел Джэйс. Чувство вины и разбитое сердце едва не вынудили меня отменить планы на вечер. Я не была уверена, что вообще пойду, пока Талли не припарковалась рядом с моим домом.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — спросила она, выключая отвратительно веселую песенку, под которую пританцовывала. Я прислонила голову к стеклу, наблюдая, как набухшие почки на деревьях сливались в мутную зеленую полосу на фоне синего неба. — Он поймет, если ты откажешься. Никто не ждет от тебя доказательств смелости или того, что ты нормально ко всему относишься, или что ты там хочешь доказать.

Я оторвалась от окна.

— Конечно, я хочу это сделать. Я в нетерпении.

Талли скептически подняла брови.

— Еще раз и с чувством.

— Я не боюсь, — сказала я, хлопая по кнопке радио, не желая выносить еще один раунд поп-музыки. — Я... — Я набрала полные легкие воздуха. — Прошлой ночью Чарли дал мне знать, что у меня были варианты.

Машина вильнула через двойную сплошную, а затем вернулась на свою полосу с такой силой, что я чуть не врезалась в стекло.

— *Что* он сделал?!!

Талли пыталась уделять достаточно внимания и мне, и серпантину. Я слишком сильно грустила, чтобы бояться за свою жизнь.

— Думаю... я сделала ему больно. Он выглядел таким... несчастным.

— Ты сказала ему «нет»?

Я кивнула, и одинокая слеза прокатилась по моей щеке. Талли переварила информацию, прежде чем ответить:

— Ну, зато между вами больше нет никаких недомолвок. Это хорошо. — Она заметила мое выражение лица и добавила: — Ну, не то что бы совсем хорошо, но нормально. Сейчас ситуация отстойная, но это к лучшему.

— Думаешь, я сделала правильный выбор?

Мой голос был отвратительно тонким и писклявым. Я была благодарна Талли за то, что она обдумывала слова, вместо того чтобы пытаться просто поддержать меня.

— Чарли хороший, и он всегда будет важной частью твоей жизни, но он не Алекс. Я не думаю, что Чарли был бы плохим выбором, но выбрать Алекса более... правильно? Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Четко и ясно.

Она практически процитировала мои мысли. Если бы она касалась меня, я бы подумала, что она прочла их.

— И не волнуйся за Чарли. Вы справитесь. Вы слишком дорожите друг другом, чтобы

такие мелочи разрушили дружбу всей жизни.

Я вытерла сопли, возникшие у меня под носом.

— Ты самая-самая наилучшая подруга. Что бы я без тебя делала?

— Ну, точно не вот это, — сказала она, выезжая на просеку. — Может, так было бы лучше.

Еще через полчаса езды по гравию, от которого машинка Талли подпрыгивала как бешеная, у меня в душе начало прорасти зерно сомнения, которое нужно было выкорчевать до тех пор, как мы достигнем пункта назначения.

— Я должна это сделать.

— Нет, не должна. Это очень-очень плохая идея. Скорее всего, в Википедии в категории Плохие идеи есть об этом статья.

— Ну почему? Почему ты так думаешь? Что, по-твоему, должно произойти?

Талли посмотрела на меня как на сумасшедшую:

— Ты осознаешь, что он превратится в волка, верно?

— Да ты что?! Волк?! Я думала, Алекс пушистый кролик-оборотень.

На лице Талли было написано, что она не разделяет мою любовь к словесной иронии.

— Да, он превратится в волка, — вздохнула я. — Но он все равно останется Алексом.

— Часть его останется Алексом. Другая часть станет волком. Диким хищным животным, которое руководствуется инстинктами, а не логикой.

— Во-первых, волки почти не нападают на людей. Во-вторых, пока в нем есть хоть частичка Алекса, он мне ничего не сделает, и ты это знаешь.

Со скоростью улитки машина Талли продиралась по размытой дороге.

— А что насчет моего видения?

— У тебя нет видений. Ты не видишь будущее.

— Знаю, но...

— Да даже если бы и могла, это насчет Лиама мы должны беспокоиться, а он может превращаться в любой момент по велению левой пятки. Я не окажусь в большей опасности в ночь полнолуния, но общение с Алексом в образе волка может подсказать мне, как защититься в случае, если твое не-видение решит сбыться.

— Просто у меня очень плохое предчувствие, Скаут. Прошу, поехали домой.

Мы уже были недалеко от места, где дорога упиралась в глухой лес. Я успокоилась, зная, что с минуты на минуту увижу Алекса.

— Нет, я хочу это сделать, — уверенно сказала я. — И потом, у тебя нет времени. Ты и так еле-еле успеваешь к дому Тоби до заката.

Она приняла поражение и заключила меня в сокрушающие ребра объятия. Я послала ей ментальное сообщение в духе «Все будет хорошо». Я еще не совсем разобралась, как работает ее сила.

— Обещай, что будешь осторожна.

— Клянусь жизнью!

— Скаут, не смей так говорить!

Смеясь, я открыла дверь и достала свои вещи. Вид парня, идущего к машине, значительно поднял мое настроение.

— Спокойной ночи, Талли. Повой там на луну, — сказала я и захлопнула дверь перед ее язвительно настроенным лицом.

Алекс мгновенно оказался рядом, его губы приветствовали меня без слов.

— Я не был уверен, что ты придешь, — сказал он, пока Талли уезжала, поднимая за собой облако пыли. — Мне казалось, ты передумала.

— Ни за что. — Я притянула его для еще одного поцелуя. В этот раз я смотрела ему прямо в глаза, убирая его волосы со лба. — Я люблю тебя.

— Правда?

— Конечно. Как ты можешь сомневаться?

— Я просто думал... знаешь, ты и Чарли, прошлой ночью...

— Пройшей ночью я сделала то, о чем ты меня просил: я рассмотрела все варианты и...

— Я поцеловала кончик его носа. — Я выбираю тебя, Пикачу.

Алекс поднял меня на руки и закружил, демонстрируя свою звериную силу. Он еще смеялся, когда наши губы встретились. Проведя руками по его спине, я ощутила, как сокращаются мускулы.

— Это, конечно, здорово, но не то шоу, на которое я пришла посмотреть, — сказала я, освобождаясь от его рук. — Давай, превращайся.

Алекс сверкнул своими идеальными ямочками.

— Не здесь.

Он взял меня за руку и повел в сторону холма, казавшегося горой по сравнению с остальными окружающими сопками.

— Я хочу тебе кое-что показать.

Тропинка отсутствовала, но нас это не волновало. Был красивый вечер для похода. Воздух сладко пах лесом, и свежая трава была усыпана одуванчиками.

— Зачем нам курица? — спросил Алекс, когда я отдала ему пакет, чтобы залезть на каменный уступ, на который он сам легко запрыгнул.

— Это Талли придумала. Она сказала, что после превращения ты будешь голоден, и она не хотела, чтобы ты пошел на охоту и оставил меня в лесу одну. Я взяла ее из вежливости.

Наконец я смогла забраться туда, где ждал Алекс.

— Ты не обязан ее есть. Иди, поймай зайца или белку, или кого хочешь. Я знаю, как ты любишь охотиться.

Я потянулась за пакетом, но Алекс перехватил мою руку и потащил меня выше на холм.

— Позволь поправить. Охота мне *нравится*. А тебя я люблю. Тебя и KFC. Гораздо лучше, чем какой-то сырой заяц.

Мы дошли до места, где деревья росли реже. Там, за большим камнем, находилась полянка, подготовленная специально для меня: с одеялом, расстеленным на земле рядом со спальным мешком, и подушкой. Вокруг стояло много белых свечек.

— Наше первое настоящее свидание, — слегка покраснев, сказал Алекс. — Я хотел создать атмосферу.

Я сжала его руку, восторженно осматриваясь.

— Как красиво. Ты точно получаешь награду в номинации «Лучшее место для первого свидания».

— Рад, что тебе нравится.

Он провел меня к покрывалу и помог снять рюкзак, который я несла все это время.

— Интересно, что ты с собой принесла, — сказал Алекс, зажигая свечи.

— Ну, самое необходимое. Косточку, мячик, ошейник. У меня просто еще никогда не

было щеночка.

Выражение ужаса на его лице было неопишным.

— Свитер, фонарик, учебник по алгебре. Я сказала родителям, что буду готовиться к завтрашнему тесту, этим и займусь. Не всем дано...

Алекс резко дернулся, заставив меня тихонько вскрикнуть.

— Все нормально, — сказал он. Мне было сложно ему поверить, учитывая, как он дрожал. В книжке доктора Смита я прочла, что превращение можно задержать, но это сложно и очень больно. Если шифтер тянет слишком долго, процесс начинается непроизвольно и при этом никогда не проходит гладко.

— Превращайся. Сейчас же.

— Нет. Я в порядке. Можно подождать еще немножко.

С виду он был совсем не в порядке. Я видела, как под его кожей двигаются мышцы.

— Это безумие. Ты мучаешь себя без всякой причины. Давай, превращайся. Я буду здесь, когда ты вернешься.

Я не знаю, что убедило его: моя просьба или же вторая конвульсия. Он остановился, чтобы поцеловать меня в последний раз на пути в лес.

— Я не хочу, чтобы ты меня боялась.

Как я вообще могла его бояться?

— Я не буду. Обещаю.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. А теперь иди, и чтоб обратно пришел волком.

Я подождала, пока Алекс скроется из вида, и подошла к краю обрыва. Заходящее солнце создавало длинные тени внизу, что превращало старый дуб на другом берегу в подобие украшения для Хэллоуина. Дерево показалось мне странно знакомым.

Я прошлась по краю, чтобы взглянуть на выступ под другим углом, но что-то было не так. Я присела на корточки и посмотрела вниз. Как я и думала, утес не нависал прямо над водой, под ним был небольшой каменистый пляж, полный сломанных веток. Этот пляж я знала очень хорошо. С ноября я много раз стояла на нем.

Это было как-то ошеломляюще.

Сидя на краю, я сравнивала детали с теми, которые видела во сне, пока лучи солнца не угасли окончательно. Без сомнения, это было то самое место, которое мне снилось.

Полгода назад я бы не придавала этому значения. В моем обычном мире без оборотней и Провидиц сны не имели какого-то скрытого смысла. Но сейчас?

Во что я верила сейчас? Я долго сидела, погружившись в мысли.

Алекс совершенно бесшумно подошел ко мне сзади. Только запах курицы подсказал мне, что он рядом. В волчьем обличье он был еще прекраснее, чем я запомнила, весь стройный и подтянутый. Из-за темного меха вокруг глаз казалось, что они светились серебром.

— Привет. Ты вернулся. — Я потянулась к нему, но остановила руку. — Ты не обидишься, если я тебя поглажу?

Алекс наклонил голову, а затем поднял так, что моя ладонь оказалась между его ушей. Я похлопала его по голове, прежде чем запустить пальцы в густой плотный мех на шее.

— Хочешь услышать кое-что странное? Ну, для меня это странно. Ты, наверное, подумаешь, что я глупая, раз завелась из-за такой ерунды. — Я продолжала гладить его, пока говорила. — Мне очень часто снилось это место. И в моих снах ты всегда находился там. —

Я показала рукой на другой берег. — А я стояла на пляже внизу. И хотя озеро не очень широкое, мы никогда не могли слышать друг друга.

Алекс смотрел на меня своими серыми глазами.

— Думаешь, я странная?

Волчий взгляд.

Он что-то пытался мне сказать?

— Эмम्म... Топни лапой один раз если да?

Этот взгляд говорил мне что-то. Что-то вроде «Да ты смеешься?», но, тем не менее, он топнул один раз.

— Да, я так и думала. — Я обняла его и прижалась щекой к его шее. — Хотя я разговариваю с волком, так что это все относительно.

Мы долго сидели вот так. Ночь накрыла озеро, и на небе загорелись миллионы звезд. Полная луна висела над холмами, освещая мой маленький кусочек рая.

Алекс боялся, что я испугаюсь его звериной формы, и, возможно, я должна была. В конце концов, он был большим хищным зверем с острыми когтями и зубами, который весил в два раза больше меня. Но единственное, что я чувствовала, это умиротворение. Часть меня все еще грустила из-за произошедшего с Чарли, и, наверное, это никогда не пройдет, но я не жалела о своем выборе. Я была счастлива с Алексом.

— Думаю, мне все-таки придется открыть этот дурацкий учебник, — наконец сказала я, нехотя прерывая наш прекрасный момент. Алекс заскулил, думая так же, но поднялся на ноги. Когда я пошла к покрывалу, он покорно двинулся за мной, и я еле сдержалась, чтобы не скомандовать ему сидеть или лежать.

Мы и правда немножко поучились. Я вслух читала задачи, а затем говорила, как ее решить. Алекс мотал головой, когда я делала ошибки. Этот трюк он мог показать мне и пораньше.

Я не знаю, как мы отвлеклись. Может быть, я сказала что-то о талантах собак в математике, когда он не согласился с моими методами поиска тангенса кривой или что-то в этом роде, но Алекс подбежал и толкнул меня. Тишина ночи была нарушена моими вскриками и рычанием Алекса, который стоял надо мной и лизал мою очень чувствительную шею. Я ахнула, когда он просунул морду под воротник моей футболки.

— Прекрати, — сказала я, особо не стараясь оттолкнуть его. — У тебя нос холодный!

Я пыталась понять, как защекотать волка, когда почувствовала, что мускулы Алекса напряглись под моими руками. Его голова дернулась, и из горла раздался глухой рык. Он посмотрел куда-то вдаль и прижал уши к голове, а мех на шее вздыбился.

Я попыталась подняться, но Алекс рывкнул на меня. Звук заставил меня лечь обратно на землю, а мое сердце забились в три раза чаще. Это было предупреждение, но оно не напугало меня так же сильно, как рычащий хор где-то позади меня.

Часть меня, которая жила в страхе, боялась учителей и прошлой ночью пряталась в ванной, просто хотела исчезнуть куда-нибудь, либо закрыть глаза и подождать, пока все закончится. Вместо этого я собрала все силы в кулак и повернула голову, чтобы хотя бы увидеть угрозу. На краю полянки стояли еще два зверя.

Они были гораздо меньше Алекса, почти на треть короче и даже близко не такие мускулистые. Оба покрыты коричневым мехом, хотя на шкуре того, который был чуть больше, имелись темные пятна, а его глаза светились таким знакомым зеленым цветом.

— Алекс, дай мне встать.

Волк надо мной засомневался, но отошел, позволяя мне подняться на ноги. Я взглянула на койотов под другим углом, и они все равно казались гораздо меньше волка, как два Давида рядом с Голиафом. О чем они думали?

Конечно, я знала, о чем они думали. Что их двое, и что это добавит им шансов, неважно, насколько большой их противник. Они думали, что скорость и ловкость на их стороне. Они думали, что вместе смогут победить Алекса. Я не должна позволить этому случиться.

— Джэйс, прекрати сейчас же!

Зверь, который был моим братом, фыркнул на меня. В этом звуке было больше удивления и раздражения, чем угрозы. Он замотал головой и заскулил, взволнованно глядя на меня. У меня едва не началась истерика, и в голове всплывала всякая ерунда вроде «Что такое, малыш? Тимми опять упал в колодец?».

Я не сделала чего-то, чего от меня ожидал Джэйс. Чарли нетерпеливо тявкнул и пошел ко мне, заставив Алекса угрожающе зарычать.

Столкнувшись с природным врагом, койоты перестали общаться со мной и сосредоточились на угрозе, которую представлял Алекс. Они разбежались в разные стороны, оказавшись ближе к центру поляны и обойдя Алекса с флангов. Время будто остановилось, пока я смотрела на животных перед собой. Они стояли в пяти метрах друг от друга, каждый напряжен до предела. Чарли рычал и рывкал, изрыгая какие-то собачьи ругательства, которые привлекли внимание Алекса, но я не отрывала глаз от Джэйса, зная, что он первым пойдет в атаку. За годы они много раз применяли подобную тактику по отношению ко мне. Джэйс переместил свой вес с одной лапы на другую, и я рванула. Мы столкнулись в сантиметрах от Алекса. Я почувствовала, как его когти прошли по мне прежде, чем я врезала коленкой в его мягкий живот, отправив койота в полет. Я лишь увидела светлую вспышку, когда Алекс прыгнул мне за спину. Он приземлился достаточно далеко, чтобы Джэйс успел подняться и скрыться в лесу. В обычной ситуации койот бы очень быстро убежал от преследовавшего его волка, но в этот раз галоп был неровным из-за поврежденной лапы.

Вместо того чтобы увести Алекса в лес, Джэйс обежал вокруг поляны, прячась между камнями и кустами. Алекс уже почти настиг его, когда Чарли вцепился в заднюю ногу волка. Я увидела как брызнула кровь, когда Алекс вырвался из захвата, но он никак не отреагировал на рану, как ни в чем не бывало встав в стойку.

И снова три шифтера стояли треугольником друг напротив друга, готовясь к следующей атаке, которую я не могла допустить. В этой драке не могло быть победителей. В любом случае близкий мне человек пострадал бы.

У меня не было четкого плана действий, просто желание *остановить их*. Я могла кричать и злиться. Могла отлупить их всех за то, что они такие придурки. Вместо этого я упала, сделав всего один шаг. Жуткая пылающая боль вспыхнула у меня в животе, вытянув весь воздух из моих легких и застывая глаза. Нижняя часть моей кофты была разорвана, и ленточки ткани приклеились к моему телу из-за удивительно большого количества густой алой крови.

— Джэйс. — Мой выкрик захлебнулся в неверии, обиде и страхе. Я медленно подняла голову, чтобы посмотреть на оборотней, которые забыли друг о друге, уставившись на меня. — О боже, Джэйс, что же ты наделал?

Мир закружился. Я слышала лай. Скуление. Затем рык, от которого ужас прошелся по

моим костям.

Алекс сделал выпад. Джэйс отпрыгнул, но недостаточно быстро. Алекс оказался сверху и легко прижал к земле маленького зверя. С яростным рыком он обнажил клыки, готовясь вцепиться в горло Джэйса.

Чарли едва успел. Он всем телом врезался в Алекса, когда тот уже вонзил зубы в уязвимую шею Джэйса. По инерции они покатались кубарем, кусаясь и рыча. Чарли вонзил когти в грязь, замедлившись достаточно, чтобы едва не скатиться вниз с обрыва. Он прижался к земле, пока массивный волк пролетел прямо над ним.

В ночи раздался звук более пронзительный, чем крик, и более отчаянный, чем вопль. Он отразился от камней и деревьев, усиливая мою боль, пока я, вскочив на ноги, бежала в темноту леса. Я катилась по гравию и запинаясь о корни, но продолжала свой путь вниз по склону. Ветки лупили меня по лицу, оставляя синяки и царапины, но мне было плевать. Я почти не ощущала ужасного жара в своем животе и почти не слышала поднимающий волосы дыбом вой за спиной. Я плутала в ночи, ища ту узенькую полоску пляжа, охрипнув от того, что снова и снова кричала его имя. Мое сердце остановилось, когда я увидела его тело. Распластанное на земле обнаженное человеческое тело.

— Алекс!

Я упала на колени рядом с ним, наплевав на острые камни, впившиеся в коленки. Его дыхание было быстрым и неглубоким, из левого плеча торчал острый кусок дерева.

— Скаут?

— Шшшшш... Тише. Я здесь. Все будет хорошо. С тобой все будет в порядке.

Моя слезинка упала на его щеку, и я вытерла ее вместе с кровью, бегущей из его рта. Алекс попытался говорить, но каждое слово давалось ему с трудом, заставляя жадно глотать воздух.

— Скаут, я...

— Тссс...— Я прижала большой палец к его губам. — Я знаю. Не нужно ничего говорить. Все будет хорошо. — Я говорила с ним и нежно гладила его по лицу. — Я люблю тебя. Я так тебя люблю.

Я наклонилась, чтобы поцеловать его, но впервые он не ответил на мой поцелуй. Я держала его, пока Лаодикейская луна вытягивала жизнь из его изувеченного тела. Я видела, как его глаза наполнились страхом, пока он мучился на последнем издыхании, и стала свидетелем последующей пустоты. Даже когда его не стало, я не отпустила его. Я свернулась в клубок над ним, пытаюсь сказать, как сильно я его люблю и всегда буду любить. Я искупала его в слезах и крови и, когда у меня не осталось ни того, ни другого, сдалась тьме.

ГЛАВА 19

Казалось, открыть глаза невозможно, поэтому я даже не пыталась. Рядом со мной шептались люди, но я не могла различить голоса, не то что отдельные слова. Сильный химический запах скрывал под собой человеческие ароматы.

— Скаут?

Я знала этот голос. Мне понадобилось несколько попыток, чтобы, наконец, разлепить веки. Все кругом плыло и казалось нереальным. Телевизор идеально помещался в шкафу, который, сливаясь со стеной, крепился к голове женщины с вьющимися волосами и глазами цвета неба.

— Мама?

Черт. Как больно. Мое горло распухло, голос охрип, а язык словно увеличился в три раза.

— Я здесь. Все будет хорошо.

— Где...?

Кто-то потер мои гланды наждачной бумагой? Даже не представляла, что горло может так болеть.

— Ты в больнице. Произошел несчастный случай.

В больнице? Несчастный случай?

Я помнила, как пришла в лес с Алексом. Он стал волком, а потом...

О боже.

— Алекс! Мама, Алекс, ему нужно помочь!

Я подскочила, но тут же упала обратно. Маленькую комнату заполнил разрывающий душу звон, лившийся прямо в мои уши.

— Скаут! Тебе нельзя шевелиться!

Мама положила руку на мое плечо, чтобы удержать меня, но это не понадобилось. Я не смогла бы пошевелиться, даже если бы очень захотела. Обжигающая боль в животе затмила все. Мама зыркнула на женщину в пижаме со Спанч-Бобом, которую я раньше не замечала.

— Ради всего святого, колите ее, пока все швы не разошлись!

А затем все вновь погрузилось во тьму.

***

На нашем последнем спектакле мы смотрели «Ромео и Джульетту». Так себе финал, по-моему. Кроме того фильма, в котором ДиКаприо снялся еще до того, как начал лысеть, мне никогда не нравилась эта история. Я никогда не понимала сюжет.

Два подростка умерли вместе во имя любви, зная друг друга всего несколько дней? Как такое вообще возможно?

Лежа в медицинском центре Университета Вандербильта, я наконец поняла. Мы с Алексом знали друг друга меньше девяти месяцев, но в ту ночь я свернулась на холодной земле, полностью готовая умереть рядом с ним. Вместо этого я оказалась в больнице, и мои родители по очереди присматривали за мной — мама постоянно проверяла подушки, капельницы и показания на приборах, а папа бесцельно смотрел в телевизор. Я лежала, наблюдая, как капли дождя стекают по окну, разочарованная, что мое разбитое сердце все еще бьется.

От правой груди до левого бедра проходили четыре царапины. Некоторые были достаточно глубокими, чтобы задеть мышцы. 48 швов на животе и еще три на плече, которое я разодрала об острую ветку. Я не помнила, как сломала две кости руки.

Мама сильнее всего волновалась о том, сколько крови я потеряла. За два дня, которые я провела в коме, мне перелили 11 единиц, что, наверное, очень много. Мне не нужно было говорить, что я едва выбралась, я прекрасно видела это в затуманенных глазах своих родителей.

Интересно, видели ли они в моих глазах, насколько я жалею, что все не закончилось именно так.

Родители ни разу не спросили, что именно произошло и как я вообще оказалась в лесу. Они ни разу не упомянули Алекса. А еще они приложили все усилия, чтобы я чувствовала себя максимально комфортно, и выполняли каждую мою прихоть.

Кроме одной.

На второй день после моего возвращения в сознание мама триумфально объявила, что меня пришли навестить.

— Пожалуйста, мам. Никаких посетителей.

— Это не посетители, это семья, — сказала она, открывая дверь и втаскивая в палату Энджел и Джэйса.

К несчастью, этим утром меня отключили от аппаратов. Если бы мама увидела мой пульс в этот момент, она бы вызвала реанимацию, а не пошла бы за обедом.

Они стояли в дверном проеме, Энджел робко прижималась к ногам Джэйса. В его внешнем виде не было никаких признаков недавнего боя, чего следовало ожидать. Когда оборотни меняют форму, их плоть в любом случае рвется и травмируется, поэтому превращение может залечить даже серьезные раны. В случае смертельной опасности превращение происходит само по себе, как последняя отчаянная попытка выжить, что и случилось с Джэйсоном Хэйганом и Алексом.

Я не могла смотреть на Джэйса. Мне хотелось пообщаться с Энджел и с ее помощью развеять излучаемый собой страх, но я не могла сделать этого, пока Джэйс находился рядом. Пока он стоял в палате, я едва могла дышать, поэтому я их проигнорировала и вернулась к своему новому хобби — подсчету капелек на окне. Я уже дошла до сорок шестой, когда Джэйс сказал:

— Мне жаль.

За что он извиняется? За то, что вспорол мне живот, или за то, что напрямую поспособствовал убийству моего парня? Неважно, в любом случае извинения не приняты.

— Чарли в комнате ожидания. Он не хочет уходить, даже чтобы поесть или помыться. Ты должна с ним поговорить.

Капля номер восемнадцать, моя любимая, больше не могла держаться и скатилась по окну, забрав с собой нескольких еще не посчитанных друзей.

— Я никому ничего не должна. — Я глубоко вздохнула, поздравляя себя с тем, что смогла сказать целое предложение. — Я хочу побыть наедине с сестрой.

— Скаут...

— Пожалуйста.

Я испытала одинаковое удивление и облегчение, когда он на самом деле вышел. Когда дверь защелкнулась, я повернулась к Энджел. Ее волосы были зачесаны назад, но несколько непослушных локонов все-таки вырвались и обрамляли ее ангельское личико. Она выглядела

маленькой и напуганной.

— Мне нравятся все рисунки, — сказала я, кивнув на стену напротив кровати. Каждый раз, когда мама возвращалась из гостиницы, она приносила стопку картинок, нарисованных для меня Энджел. Я попросила повесить их напротив, чтобы видеть все «Люблю тебя» и «Поправляйся скорее» каждый раз, когда просыпаюсь от вызванного лекарствами забвения. Больше всего мне нравился первый рисунок во втором ряду. На нем были изображены две светловолосые девочки и мальчик с такой широкой улыбкой, что она не помещалась у него на лице. В руках у него была тарелка с кексами.

— Ты стала настоящей художницей.

Энджел ничего не ответила, но подошла к моей кровати. Ее глаза метались от моего лица до живота. Нижняя губа дрожала.

— Хочешь залезть и полежать со мной?

— Мне сказали быть осторожной, чтобы не сделать тебе больно.

— Не сделаешь. — Я похлопала по свободному месту. — Можешь лечь здесь, только не трогай мой живот, ладно?

Она очень осторожно примостилась рядом со мной, и, хоть движения матраса вызвали острые всполохи боли в спине, я сделала все, чтобы не закричать.

Энджел улеглась, и я положила ее голову себе на плечо. От нее пахло гостиничным шампунем и печеньем. Слеза прокатилась по ее носу и упала на мой больничный халат.

— Мама сказала, что Алекс отправился на небеса. — Ее голос дрожал.

— Да. Он теперь со своими мамой и папой.

— Теперь они позаботятся о нем, и он не будет одинок?

— Конечно. Он сейчас в лучшем месте.

Энджел заворочалась, чтобы посмотреть на меня.

— Ты тоже меня бросишь и полетишь на небеса?

Она икнула и начала рыдать, маленькое лицо превратилось в печальную маску. Час назад я не думала, что мое сердце может быть разбито еще сильнее. Я сильно заблуждалась.

— Я никуда не денусь, — сказала я, неловко глядя ее по голове сломанной рукой и целуя лоб. — Через пару дней мне станет лучше, и я вернусь домой.

— Обещай, — хныкнула она, — обещай, что не умрешь.

— Энджел, милая, я не могу этого обещать. Никто не может.

— Обещай! — завывала она.

И я обернула свой мизинец вокруг ее пальчика, обещая, что не исчезну и навсегда останусь здесь, в своем Аду.

***

Когда я очнулась в следующий раз, место, которое обычно бдительно охраняли мои родители, занял новый посетитель. Талли, уткнувшись глазами в книжку, накручивала прядь волос на палец. По румянцу на ее щеке я поняла, что она на моменте с поцелуями.

— Эй, — сказала я. Мой голос был слабым, особенно спросонья.

Талли подпрыгнула и отбросила книжку, даже не запомнив страницы.

— Прости! Ты давно проснулась? Тебе что-нибудь нужно? Вода? Лед? Позвать медсестру?

— Все нормально. — Я сглотнула и подумала над ее предложением. — На самом деле,

лед был бы весьма кстати.

Талли выскочила в коридор и через секунду вернулась с чашкой и пластиковой ложечкой. Судя по ее виду, она собиралась кормить меня, но я, зыркнув на нее, заставила отдать чашку. Когда мои пальцы коснулись ее, она отдернулась и извинилась. С тех пор как я узнала об ее способностях, она часто так делала.

— Все нормально, — сказала я, кажется, уже в сотый раз. — Я тебе доверяю.

Наверное, не стоило этого говорить — Талли совсем поникла.

Я приготовилась к признанию Талли о том, что она сказала Джэйсу и Чарли, где меня искать. Я не хотела признавать, что это самое логичное объяснение, потому что тогда я бы начала винить и Талли в смерти Алекса, а у меня не осталось бы ни одного друга.

— Я Видела, что случилось той ночью. — Ей тяжело давались слова. — Я не хотела, но они заставили меня, чтобы защитить стаю. Он должен был знать, что случилось. Мне так жаль, Скаут, знаю, я обещала не лезть без разрешения к тебе в голову, но...

— Не извиняйся, — перебила ее я. — Мой мозг — твой мозг.

Я все еще не помнила всего, но память уже начала проясняться. Некоторые вещи, вроде ветки, торчащей из плоти Алекса, навсегда застряли у меня в голове. Порой этот образ всплывал перед глазами, перекрывая все остальное. Иногда меня парализовал жуткий страх, и мое сердце в ужасе билось перед несуществующей опасностью. Я уже не говорю о кошмарах. Интересно, спокойно ли Талли спит по ночам.

— Мне жаль, что тебе пришлось это увидеть... — сказала я.

— Мне жаль, что тебе пришлось это пережить.

Она села на край кровати. Я положила ей руку на запястье, чтобы поддержать ее и показать, что я не против ее прикосновений. Ее лицо отражалось в зеркале, слезы текли ручьями.

— Талли, это ты сказала им, где нас искать?

Я ничего не могла поделать. Мне нужно было знать.

— Что? Нет. Конечно, нет. — Она взяла одну из жестких, как наждак, салфеток с тумбочки и вытерла слезы. — Мы проверяли, насколько далеко они могут зайти, прежде чем перестанут слышать меня. Они должны были двигаться на юг, в противоположную сторону. Я не знаю... — Она снова промокнула глаза. — Тоби спрашивал, но они не говорят, что там делали.

— А ты не могла...

Я сжала ее руку, намекая.

— Джэйс с июля не подходил ко мне близко, а Чарли... — Она прочистила горло настолько женственно, насколько возможно. — Нет. Я ничего не смогла увидеть.

Она долго смотрела в окно и молчала, а мне хотелось, чтобы ее силы работали в обеих направлениях, позволяя мне знать, что она чувствует.

Действие лекарств начало проходить, и Талли поняла это сразу же, поскольку держала меня за руку.

— Я пойду позову кого-нибудь. Тебе нужно дать обезболивающее, — сказала она, вставая.

— Нет, попозже. Пока что мне не так больно. — Я узнала, что боль относительна. Поначалу я думала, что у меня жутко болит горло, но сейчас почти его не чувствовала. По сравнению с ранами, это было ничто. И физическая боль не могла даже близко сравниться с дырой в моем сердце. — Я хочу еще немного поговорить, прежде чем опять забудусь сном.

Талли глянула на дверь и снова села в кресло.

— О чем ты хочешь поговорить?

— Что люди думают о той ночи? Откуда, по их мнению, взялись эти раны?

— Погода была хорошая, и мы решили сделать уроки на природе. — Ее речь звучала, как будто она репетировала и повторяла это сотни раз. — Ты пошла в лес пописать. Мы услышали твой крик и нашли тебя на земле, покрытую кровью. Я заметила, как в лес убегает какой-то зверь. Алекс побежал за помощью, но заблудился в темноте и упал с обрыва. Я пыталась удержать тебя, но ты побежала искать Алекса, потому и потеряла так много крови.

— А как ты объяснила тот факт, что Алекс был голым?

Талли опустила глаза.

— Нет, не был. Он снял рубашку, чтобы остановить твою кровь, но на нем были штаны.

— Не было на нем никаких штанов. Разве скорая этого не заметила?

Когда я догадалась о том, что она, вероятнее всего, сделала, у меня закрутило в животе. Я не смогла сдержать стон от очередного приступа пылающей боли.

Талли снова собралась к двери.

— Тебе нужны лекарства.

— Нет. Мне нужны ответы. Что именно там случилось?

— Ты знаешь, что случилось.

— Почему все думают, что ты была там все время? Как ты догадалась, что что-то не так?

— Парни сказали, что они слишком далеко и не слышат меня. А затем что-то пошло не так, и Джэйс оказался в моей голове и вопил, что поранил тебя. Я сорвалась очень быстро, даже не сказала Тоби, куда еду.

Она вернулась и села на мою кровать.

— Произошел несчастный случай. Они не хотели никому навредить.

Я нервно засмеялась.

— Несчастный случай? Талли, я была там, они напали на нас!

— Они напали на Алекса, ты попала под горячую руку.

Какого черта? Алекс *мертв*, а она их защищает?

— А что я должна была делать? Просто сидеть и смотреть, как они его убивают?

— Они хотели прогнать его, напугать. Никто не желал ему смерти.

Она в это действительно верила, что по какой-то причине бесило меня сильнее, чем если бы она их просто покрывала.

Пока я пыталась разобраться в чувствах, ее телефон зазвонил. Она увидела имя звонившего и посмотрела на меня.

— Давай, возьми трубку, — сказала я. Мы все равно закончили.

Она подошла к окну, чтобы связь стала лучше, или чтобы я не слышала, уж не знаю.

— Ну что, вы закончили? В воскресенье в обед? — Она глянула на меня и вернулась к окну. — Да, может, ее и выпишут к тому времени... Слушай, я в больнице. Давай потом созвонимся и все обсудим.

Талли сбросила звонок. Что-то в ее взгляде несколько усмирило мой гнев.

— Звонила Тинсли. Она разобралась с датой похорон и хотела узнать, сможешь ли ты прийти. Твоя мама сказала, что тебя должны отпустить.

— Почему Тинсли организует похороны?

— Помнишь про тетю Алекса в Монтане? — Я кивнула. — Оказывается, ее не

существует. Вся информация о них в школе оказалась ложной. Так как мы не смогли выйти на контакт с родней, выпускной класс взял на себя все обязанности. Тинсли, как президент класса, занимается организацией церемонии.

— А Лиам? Знаю, у них было не так много денег, но он же все-таки его брат. Разве не он должен этим заниматься?

Талли проверила мою капельницу.

— Никто его не видел с тех пор, как он принес тебя на руках в больницу.

— С тех пор как он сделал что?

— Когда Алекс упал, Джэйс и Чарли начали выть. Лиам охотился там неподалеку. Он уже выносил тебя из леса, когда я приехала. — Наши глаза снова встретились. — Прямо как в моем видении. Ты лежала у него на руках, вся в крови.

Что-то было не так. Слишком много деталей не сходилось. Слишком много вопросов оставалось без ответов. Слишком сложно разобраться. К счастью, вскоре явилась медсестра со шприцем, и мне не пришлось даже пытаться.

***

Меня действительно выписали в воскресенье утром. Доктор настаивал на продолжении лечения, но мама убедила его в том, что дома продолжит ставить мне уколы. Она объяснила, что мне очень нужно посетить похороны.

Мы приехали на кладбище еще до начала церемонии. Я была одета в черное платье, которое было очень велико, зато не раздражало раны. Отец катил мое инвалидное кресло по камням настолько бережно, насколько возможно.

На похороны пришла вся школа. Они думали, что оплакивают умершего парня, но на самом деле причиной горя было напоминание их собственной смертности.

Когда мы вышли вперед, все смотрели на нас. Моя больничная палата была полна цветов и открыток от одноклассников, но когда я смотрела на них, они прятали глаза так быстро, как тараканы, убегающие от включенного света. Скаут Донован оказалась на пороге смерти, она друг всего класса. Скаут Донован, выжившая, — лишь спектакль, тема для разговоров и сплетен.

На секунду я задумалась, должно ли это волновать меня.

Алекс не ходил в местные церкви, поэтому церемонию проводила администрация школы. Директор миссис Таверс вещала о том, как трагично умереть молодым. Несколько учителей Алекса сказали, каким хорошим учеником он был. Только миссис Соул говорила как человек, который на самом деле знал его, но половину ее речи было невозможно разобрать из-за рыданий. После речей Джейн Поттс сыграла эмоционально утомительную версию «Когда душа встречается с телом». Затем Дэвид Макгоуэн, парень из нашего класса, осенью собиравшийся поступать в семинарию, прочел молитву, на чем и закончилась церемония.

И все. Жизнь Алекса была закончена банальными похоронами, которые провели люди, никогда не знавшие его. Я хотела кричать от несправедливости.

— Милая, ты хочешь попрощаться? — сказал папа, кивая в сторону гроба, где уже собрались несколько человек. Большинство прижимались друг к другу для поддержки.

Я хотела попрощаться. Хотела, чтобы подошел еще хоть один человек, который любил его и знал цену потерянной жизни, которую уже не заменить, но людей было слишком

много. Людей, которые наблюдали за мной всю церемонию, ждали от меня какого-то ответа. Которые хотели увидеть, как я сломаюсь от горя. Они шептались обо мне? О наших с Алексом отношениях? О той ночи?

Почему я переживала об этом?

— Да, пожалуйста.

Группа скорбящих расступилась, когда папа выкатил меня вперед. Я видела, как несколько человек уставились на меня. Если они хотят шоу, я дам им его.

Разумеется, гроб оказался закрыт. Я была рада. Я уже видела его бледное безжизненное лицо, и мне не хотелось видеть его снова. Наверху стояла фотография. Там должна была находиться фотка с выпускного, но Алекс ушел слишком рано. Вместо нее стояла обычная фотография, снятая на телефон. На ней он выглядел очень счастливым, каждая его частичка излучала радость. Я уже начала забывать, каким красивым он был в такие моменты.

Я протянула руку и положила ее на гроб, готовая попрощаться, но слова застряли в моей глотке. Я смотрела на деревянную коробку, и в моей голове творился полный хаос. Я знала, это невозможно. Я видела, как он умер. Его не стало. Но все равно, без тени сомнения, я была уверена, что гроб пуст.

Я бы упала, если бы не сидела в кресле.

Я настолько погрузилась в мысли, что не заметила, что кто-то стоит рядом.

— Знаешь, он любил тебя. — Эшли Джонсон была одета в нечто, что, по ее меркам, могло сойти за приличный наряд для похорон. Черное мини-платье, высоченные каблуки и огромные очки. — На этой фотографии он смотрит на тебя. Он всегда выглядел таким скучающим, но рядом с тобой расцветал, как фейерверк на четвертое июля⁶⁸. — Она стерла слезу, скатившуюся из под очков. — Черт, я просто ужасный человек. — И зачем она со мной говорила? Разве она не видит, что я занята раздумьями? Мне хотелось, чтобы она ушла.

— Я сделала эту фотографию, — сказала она безжизненным голосом. — Много фотографий. На них вы вместе, когда думаете, что вас никто не видит. Как вы прячетесь в пустых классах и кладовках. Знаешь ли ты, как тяжело жить в твоей тени? Как тяжело видеть твою идеальную семью, идеальную подругу, идеальные оценки и знать, что никогда в жизни у меня не будет ничего подобного. У тебя всегда было все, а потом ты и его забрала. — Она словно заговорила по-китайски. Что она несет? Почему она думает, что мне не плевать. Она должна оставить меня одну.

— Я хотела что-то забрать у тебя, сбить с тебя спесь. Поэтому и делала снимки. Джэйс бы мне не поверил просто так. Он меня ненавидит, ты об этом позаботилась. На выпускном я показала ему снимки и рассказала, как слышала, где и когда вы собираетесь встретиться на следующий день. Он был в ярости. Нес какую-то чушь про полную луну, самоубийство и Бог знает что еще. Чарли даже не дернулся. Он вернул снимки и послал меня в непристойном направлении. — Слезы потекли, стирая макияж с ее идеального лица. — Затем позвонила Тинсли и сообщила, что ты в реанимации. Я была счастлива. Счастлива. — Она издала смешок, достаточно громкий, чтобы люди слышали и посмотрели на нее. — Я думала, Джэйс нашел вас, и вы подрались, и был бой со всеми этими боевыми приемами дзюдо и прочей фигней. Я представляла тебя с фингалами под глазами и сломанными руками. А потом мне сообщили, что ты можешь не выжить, и я поняла, что Джэйс не причем, но мне стало так стыдно. Как будто тот койот напал на тебя из-за меня.

Мои чувства онемели. Это было единственное объяснение, почему я не чувствовала ничего. Ни злости, ни ужаса, ни отвращения.

— Помнишь, как ты ночевала у меня, когда я болела? Держала меня за волосы каждый раз, когда я блевала. — Свет солнца отразился в сопле, текущей из ее носа. — Ты была такой хорошей подругой, а я все испортила. Я скучаю по тебе.

Я даже не могла сделать вид, что чувствую нечто подобное.

— У тебя все еще остались эти фотографии?

— Они все еще в сумочке, с которой я ходила на выпускной.

— Могу я их забрать? — Я надеялась, что нечто у меня на лице больше походило на улыбку, а не на гримасу. — У меня нет ни одной фотографии с ним.

— Конечно! Я даже сделаю альбом и все такое!

Эшли всегда очень легко успокоить. Мысленно она уже решила, что прощена и что наша дружба вернулась. Конечно, это не помещает ей вставлять мне палки в колеса в будущем, но на данный момент она успокоилась.

Эшли продолжила болтать о всякой ерунде, уже забыв о пустой могиле в метре от нас. Я уже было хотела столкнуть ее вниз, когда рядом со мной появилась Талли. Она откатила меня от Эшли, сказав, что я обгорю на полуденном солнце и что мне надо в тени.

Когда мы отошли подальше от людей, из толпы вышел мужчина и направился к нам. Увидев его, Талли выругалась, и это насторожило меня. Он был крепким, в возрасте примерно 40-50 лет. Когда-то он, наверное, был очень энергичным, но сейчас выглядел уставшим. Шрам проходил через его лицо от правого виска до губы, рассекая густую бровь.

— Харпер Донован? — У него был странный акцент. Возможно, русский. Точно откуда-то из Восточной Европы. — Мисс Донован. Мое имя Стефан Василь. — Он протянул руку, и я инстинктивно прижала свою к гипсу. — Мне стало известно, что вы хорошо знали моего племянника Кристофера.

— Кристофера? Я не знаю никого с таким именем.

— Простите. Я так забывчив. — Он сгладил неловкость несостоявшегося рукопожатия, засунув руки в карманы костюма. — Когда мальчики сбежали, они взяли себе новые имена. Кажется, вы знали его как Алекса.

— Я знала Алекса.

Мой голос оставался твердым, как и дыхание.

— Возможно, вы сможете мне помочь. Я ищу его брата. Мальчики сбежали после смерти их родителей в пожаре, и с тех пор мы отчаянно пытались их найти. А теперь юного Кристофера не стало... — Он печально посмотрел в сторону места, где проходили похороны. Большинство людей уже разошлись. — Для семьи значило бы очень много, если бы я привез его брата домой. Вы не знаете, где он может находиться?

Я взглянула в темно-карие глаза мужчины, который точно не был дядей Алекса, и отплатила Лиаму за свое спасение.

— Он давно хотел переехать куда-нибудь потеплее. На вашем месте, я бы искала его на юге.

— На юге? Вы уверены?

— Да. Я слышала, он долго уговаривал Алекса переехать отсюда во Флориду.

— Это... интересно. Спасибо, дорогая. Вы очень помогли.

— Надеюсь, вам удастся его найти, — солгала я.

— Будьте уверены, мы обязательно его найдем.

Я не могла оторвать от него глаз, пока он стоял поодаль и быстро с кем-то говорил по телефону на иностранном языке. Лишь когда он сел в машину и уехал, я перестала

чувствовать напряжение.

— Этому парню явно не хватает злодейских усов, — сказала я, медленно поворачиваясь к Талли. Движение требовало от меня больших усилий. Накопившийся за день стресс вместе с таблетками, что дала мама, начал оказывать на меня воздействие. Я была уставшей, сонной и нервной.

— Что?

Талли оглянулась. Она встала у меня перед глазами, но недостаточно быстро. Я увидела его на окраине рощи, окружавшей кладбище. Мое сердце на мгновение остановилось, когда мои глаза встретились с глазами серого волка, тот час же скрывшегося в лесу.

КОНЕЦ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧИТАЙТЕ В ГРУППЕ http://vk.com/dream_real_team

Not

[←1]

Корн-дог — сосиска, которая покрывается толстым слоем теста из кукурузной муки и жарится в горячем масле. Подается на деревянной палочке.

[←2]

NASCAR (National Association of Stock Car Auto Racing) — Национальная Ассоциация гонок серийных автомобилей — частное предприятие, занимающееся организацией автомобильных гонок и сопутствующей деятельностью.

Национальная ассоциация студенческого спорта (англ. National Collegiate Athletic Association, сокр. NCAA) — национальная университетская спортивная ассоциация, в которую входят 1281 различных организаций, организующих спортивные соревнования в колледжах и университетах США и Канады.

Бетти Мэрион Уайт — американская актриса, комедиантка и телеведущая, наиболее известная по своим ролям в телесериале «Золотые девочки» а также в «Шоу Мэри Тайлер Мур».

Скала — псевдоним американского рестлера и киноактера Дуэйна Джонсона.

Сет Бенджамин Гессель Грин — американский актёр, продюсер, комик, сценарист, режиссёр и писатель.

Barenaked Ladies (англ. *Обнажённые дамы*) — канадская альтернативная рок-группа, которая была организована в 1988 году в пригороде Торонто.

Нашвилл, Нэшвилл, Нэшвиль (англ. Nashville) — город на юге США, столица штата Теннесси, центр округа Дейвидсон.

«Ричард III» — историческая пьеса Уильяма Шекспира, написанная приблизительно в 1591 году, изображающая приход к власти и последующее краткое правление короля Англии Ричарда III.

«Закон и порядок» (англ. *Law & Order*) — американский процедуральный, полицейский и юридический телесериал, созданный Диком Вульфом.

Вельзевул или Веельзевул (от ивр. בעל זבוב — Бааль-Зевув, «повелитель мух», буквально — «повелитель летающих вещей») в христианских представлениях — один из злых духов, подручный дьявола (довольно часто отождествляется с ним наряду с Люцифером).

«Изгой» (англ. The Outsiders) — американский кинофильм режиссера Фрэнсиса Форда Копполы, вышедший на экраны в 1983 году. Экранизация одноименного романа С. Э. Хинтон.

*«Ким Пять-с-Плюсом: Борьба во времени» (англ. *Kim Possible: A Sitch in Time*, часто можно встретить перевод «Ким Всемогущая: Борьба во времени») — первый полнометражный мультипликационный фильм о приключениях девочки-подростка Ким Пять-с-Плюсом.*

*Голый землекоп (лат. Heterocephalus glaber) — небольшой роющий грызун семейства землекоповых.
Голый землекоп по имени Руфус — питомец одного из героев мультфильма «Ким Пять-с-Плюсом».*

Оуэн Каннингем Уилсон (англ. Owen Cunningham Wilson) — американский киноактёр комедийного амплуа. Дважды ломал нос.

«Dairy Queen» (часто используется аббревиатура DQ) — сеть ресторанов быстрого обслуживания и торговых точек по продаже мороженого.

*Подка́стинг (англ. *podcasting*, от iPod и англ. *broadcasting* — повсеместное вещание, широковещание) — процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов (подкастов) в стиле радио- и телепередач в Интернете (вещание в Интернете).*

Хо́лден Ко́лфилд (англ. Holden Caulfield) — главное действующее лицо романа Джерома Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Гай Ричи либо *Ритчи* (англ. *Guy Ritchie*, род. 10 сентября 1968, Хатфилд, Хартфордшир, Великобритания) — британский кинорежиссёр, сценарист, продюсер.

Кишиimoto Масаши (Kishimoto Masashi) — японский художник.

«Наруто» (яп. NARUTO - ナルト -?) — манга в жанре сёнэн и ее аниме-экранизация.

Тетрадь смерти (яп. デスノート *Дэсу Но:то?*, *Death Note*) — ставшая культовой японская манга, придуманная Цугуми Обой и нарисованная Такэси Обатой, а также выпущенные на её основе анимационные сериал и фильмы, игровые фильмы, лайт-новел и видеоигры.

«Укрощение строптивой» (англ. *The Taming of the Shrew*) — пьеса в пяти действиях Уильяма Шекспира, написанная в 1593 или 1594 году.

Джулия О’Хара Стайлз (англ. Julia O’Hara Stiles; род. 28 марта 1981, Нью-Йорк) — американская актриса. В 2006 году дебютировала как режиссёр, сняв фильм «В бреду».

«Через Вселенную» (англ. *Across the Universe*) — фильм-мюзикл режиссёра Джулии Теймор по сценарию Дика Клемента и Йена Ла Френаса, основанный на 34 композициях группы «Битлз» 1963—1969 годов в современном исполнении.

*Университет Вандерbiltа (англ. *Vanderbilt University*) — частный исследовательский университет, находящийся в Нашвилле, штат Теннесси, США.*

I-24 (Interstate 24) — межштатная автомагистраль в Соединённых Штатах Америки, длиной 316,36 мили (509,13 км). Проходит по территории четырёх штатов.

Magic: The Gathering (MTG) — настольная игра, выпускаемая компанией «Wizards of the Coast». Относится к классам коллекционная карточная игра и логическая карточная игра.

Táco BÉll (произносится Táко Бёлл) — международная сеть ресторанов быстрого питания адаптированной мексиканской кухни, принадлежащая компании Yum! Brands.

C.S.I.: Место преступления — телесериал (2000—наст.вр.) о работе криминалистов в США.

Артха́ус (англ. Art house, букв. «дом искусств») — кинопрокатная ниша, в которую попадают фильмы, не рассчитанные на широкую аудиторию, демонстрирующиеся, как правило, в специализированных (так называемых «артхаусных») кинотеатрах.

Дэ́мьен Райс (англ. *Damien Rice*; род. 7 декабря 1973, Келбридж, Ирландия) — ирландский автор-исполнитель песен. Выступает в жанре фолк.

Регина Спектор (Регина Ильинична Спектор, англ. Regina Spektor; род. 18 февраля 1980, Москва) — американская певица и пианистка советского происхождения, автор-исполнитель.

Дэвид Райан Адамс (англ. David Ryan Adams; 5 ноября 1974 года, Джексонвилль, Северная Каролина, США) — популярный американский альт-кантри/рок певец, композитор.

Филип Сеймур Хоффман (англ. Philip Seymour Hoffman; 23 июля 1967, Фэйрпорт — 2 февраля 2014, Манхэттен) — американский актёр, работавший в самых разнообразных жанровых элементах театра и кино: от мейнстримных блокбастеров до артхаусных притч.

Тайленол — обезболивающий препарат.

Пола Дин — известный шеф-повар, ведущая кулинарных передач, автор книг с рецептами, владелица ресторанов и кондитерских.

Джеймс Френк Доби (James Frank Dobie, J. Frank Dobie) — американский фольклорист и писатель. «Голос койота (The Voice of the Coyote)» — его книга, написанная в 1949 году.

Waffle House, Inc. — сеть ресторанов.

Лэсси (англ. Lassie) — вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг.

Чубакка, он же Чуи, Шушака (англ. Chewbacca, Chewey, Shewshaka) (ок. 200 до я. б. — ок. 25 н. я. б.) — персонаж киносаги «Звёздные войны».

Syfy Universal (Syfy) (первоначальное название — Sci Fi Channel, произносится как Сай фай ченл) — американский кабельный телевизионный канал, открытый 24 сентября 1992 года. Специализируется на показе научно-фантастических, фэнтезийных, паранормальных, мистических, хоррор сериалов и фильмов, а также транслирует разнообразные развлекательные реалити-шоу.

По адресу Пенсильвания-авеню, дом 1600 располагается Белый дом — официальная резиденция президента США.

«Рождественская омела», или «Ветка поцелуев» — основное традиционное рождественское украшение в Англии , до распространения рождественской ёлки во второй половине XIX столетия.

Доктор Хайнц Фуфелицмертц (в оригинале Дуфенимиртц, англ. Dr. Heinz Doofenshmirtz), часто также сокращённо Фуфел (англ. Doof) — главный антагонист мультсериала «Финес и Ферб» и злобный учёный, главный враг Перри Утконоса.

Марта Хелен Стюарт (англ. Martha Helen Stewart; род. 3 августа 1941 года, Джерси-Сити) — американская бизнесвумен, телеведущая и писательница, получившая известность и состояние благодаря советам по домоводству.

Даша-путешественница (другой вариант: «Даша-следопыт») — американский обучающий детский сериал.

Нью Эйдж (англ. New Age, буквально «новая эра»), религии «нового века» — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

Кэмпо (拳法), как термин, употребляется некоторыми современными авторами как общее наименование всех боевых искусств, независимо от национальной принадлежности.

Джинджер Роджерс (англ. Ginger Rogers; 16 июля 1911 — 25 апреля 1995) — американская актриса, певица и танцовщица.

Рóберт Лу́ис (Боб) Фосс (англ. Robert Louis "Bob" Fosse, более точный вариант передачи фамилии — Фóсси; 23 июня 1927 — 23 сентября 1987) — американский кинорежиссёр, хореограф, сценарист и актёр.

Вестсайдская история — культовый американский мюзикл 1957 года. По его сценарию в 1961 году был снят фильм.

*Бульвар Сансет (англ. *Sunset Boulevard*, букв. «бульвар закатов») — улица в городе Лос-Анджелес, штат Калифорния, США.*

Шато Мармон — отель в Лос-Анджелесе.

Дже́нсен Росс Э́клс (англ. *Jensen Ross Ackles*; 1 марта 1978, Даллас, Техас, США) — американский актёр и режиссёр, певец.

Бaptизм (от греч. Βάπτισμα: крещение) — одно из направлений протестантского христианства.

«Морская полиция: Спецотдел» (англ. NCIS) — американский телесериал, посвященный деятельности федерального агентства по расследованию преступлений при Министерстве военно-морских сил США, (то есть преступлений, совершённых на флоте, либо с участием американских моряков).

Арканза́с (англ. *Arkansas*, МФА: [ˈarkənsɔː]) — штат на юге США.

Сайлоны (англ. Cylons) — вымышленная кибернетическая цивилизация, воюющая с человеческими Двенадцатью колониями Кобола в вымышленной вселенной телесериала «Звёздный крейсер „Галактика“».

Блюграсс (англ. Bluegrass) — жанр музыки, происходящий из региона Аппалачей, в первую очередь штата Кентукки («штат мятлика»), которому обязан своим названием (bluegrass — мятлик).

GQ (Gentlemen's Quarterly) — ежемесячный журнал. Издание о моде и стиле: бизнес, спорт, истории успеха, мода, здоровье, путешествия, женщины, эротика, автомобили и технические новинки.

Сэр То́мас Шон Ко́ннери (англ. *Thomas Sean Connery*; 25 августа 1930, Эдинбург) — британский киноактёр и продюсер шотландского происхождения. Исполнял роль Джеймса Бода.

Борец, или Аконит (лат. Aconítum) — род многолетних травянистых ядовитых растений семейства Лютиковые.

«Оборотень» (англ. *Ginger Snaps*) — канадский фильм ужасов 2000 года, снятый режиссёром Джоном Фоусетом.

Рик Джеймс (англ. *Rick James*, имя при рождении *James Ambrose Johnson, Jr.*, 1 февраля 1948 — 6 августа 2004) — американский певец и музыкант.

Том Уэйтс (Tom Waits) — американский певец и автор песен, композитор, актёр.

«Хор» (англ. Glee — многоголосное пение; в России также известен как «Лузеры») — телесериал с элементами мюзикла, драмы и комедии, транслируемый телеканалом Fox в Соединённых Штатах Америки и Канаде.

День независимости в США.